

ПОЛНАЯ
ВЕРСИЯ

СПАСИБО, ЧТО ЖИВОЙ

ВЫСОЦКИЙ

киноповесть Никиты Высоцкого и Рашида Тугушева

НИКИТА ВЫСОЦКИЙ
РАШИД ТУГУШЕВ

СПАСИБО, ЧТО ЖИВОЙ

ВЫСОЦКИЙ

амфора

САНКТ - ПЕТЕРБУРГ

2012

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
В 93

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Высоцкий Н., Тугушев Р.

В 93   **Высоцкий.** Спасибо, что живой : [киноповесть] /
Никита Высоцкий, Рашид Тугушев. — СПб. : Амфора.
ТИД Амфора, 2012. — 255 с.

ISBN 978-5-367-02165-3

Книга написана по сценарию одноименного фильма. Действие относится к 1979 году и охватывает несколько дней из жизни Владимира Высоцкого, когда на гастролях в Узбекистане он перенес клиническую смерть. Обреченный, страдающий поэт отчаянно борется за право жить полной жизнью, в то время как КГБ пытается сомкнуть кольцо вокруг него и близких ему людей...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-367-02165-3

© Высоцкий Н. В., Тугушев Р. А., 2012
© Дирекция Кино, 2012
© Оформление.
ЗАО ТИД «Амфора», 2012

28 июля 1980 года

Квартира была похожа на вагон метро в час пик. Люди теснились у столов, протискивались курить на балкон. Все раскрасневшиеся, возбужденные. Высокий мальчишка уступил место женщине средних лет с тарелкой и фужером. Та обняла его, расцеловала и всхлипнула. Парень сделал тоскливое лицо, позволяя себя целовать, и, слегка задев Михалыча, вышел на балкон. Там достал сигарету и закурил как взрослый.

— Ну что? Давайте нальем, у кого не налито... — развязно заговорил армянского вида пожилой мужчина. Все задвигались, выполняя его команду.

— Вот ведь что мы не говорим, друг другу... вот ведь что важно! — продолжил армянин. — Любой из нас, я например, может подсчитать, кто пойдет за гробом. Ну, скажем, за моим...

— Тьфу на тебя! Что ты такое говоришь! — зашипела женщина с тарелкой.

— А вот не надо бояться! Ну, кто, кроме жены? Сыновья, их жены, внуки, скажем короче — семья. Семья, друзья, сослуживцы, ну человек сто, ну двести. А он не мог сказать, он не знал того, что мы сегодня увидели, — вот и вся разница.

— Все он знал! — вдруг вырвалось у Михалыча.

Все обернулись, но армянин закончил:

— Да даже если знал, какая разница? Нет его — не спросишь. Но вот я точно не думал, то есть думал, но такого... Земля ему пухом!

Все, не чокаясь, выпили, закусили и снова загудели.

Была та стадия поминок, когда это уже просто пьянка. Люди, устав плакать, устав от горя, которое нельзя вместить и принять, общаются, как больные под анестезией, не чувствуя боли, испытывая пусть короткое, но облегчение.

Слова о смерти, о вечном уже не касаются реальности — это просто пьяное философствование. Мужчины приобнимают малознакомых женщин, говорят о работе, о деньгах, о том, что давно не виделись и встречаются только на похоронах: «А кстати нальем!», «Я хочу сказать!»...

Михалыч пошел внутрь квартиры. Везде толпились и гудели. Он протиснулся на кухню, выглянул в распахнутое окно. Напротив — какое-то разрушенное огромное мрачное здание, похожее на руины Брестской крепости. Михалыч отвернулся и столкнулся с тихой женщиной, которая тоже смотрела на здание напротив.

«Его мама... как же ее зовут?» — он стал вспоминать сведения, с которыми работал чуть больше года назад. НИИХИММАШ — странное слово. Это институт, где она работала, почему-то подсказывала память вместо имени.

— Ваш сын... он прекрасный человек! — вырвалось у Михалыча.

— Да. Вот так... — кивнула женщина из НИИХИММАШа. Она продолжала смотреть в окно. — Он очень не любил его. — Она указала на красные развали-

ны. — Сюда во время войны упала бомба, и не стали восстанавливать. Это же костел. Сейчас там — бог знает... — склад? Там сварка по ночам мигает... Он не любил.

«Нина!» — вспыхнуло в мозгу Михалыча.

— Нина! — окликнул женщину пожилой важный мужчина с рядами орденских планок на пиджаке. — Иди к гостям. Это же неприлично. И не реви при людях. — Он всхлипнул. — А то я тоже сейчас буду.

— Да, да, Сеня. Да, да. А вы закусывайте. — Она обращалась снова к Михалычу. — Здесь — то же, что и там, — она указала на длинный кухонный стол, заставленный посудой и закуской, отвернулась и послушно пошла за мужчиной.

«Мать — Нина. А Семен — отец... Ну конечно! Он же был Семеныч. Родители. Как же им повезло, такой сын. Что я несу?! — спохватился Михалыч. — Повезло... Похоронили они его сегодня... Все равно повезло, повезло, повезло... как им всем здесь повезло. Да и мне...»

Михалыч вышел из кухни и заглянул в комнату-кабинет.

Люди в пиджаках и черных рубашках. И все перекрикивают друг друга:

— Да он бы выгнал нас всех отсюда! Это же дом! Надо было в «Арагви» или в ВТО...

— Он бы сказал: «Ребята! Хорош ныть, вы! Пейте, и все! Чего вы устроили вообще!»

— Сказал бы, не сказал бы — все теперь. Я хочу взять отсюда что-нибудь. Может, книгу... или вот.

— Да он с ним работал! Положи на место! Это как гусиное перо у Пушкина. Ничего не трогай вообще. Это кабинет. Это святое место.

Михалыч узнал говорящего и поспешил выйти из кабинета, чтобы тот его не узнал. В коридоре он столкнулся с двумя мужчинами его возраста.

— А ты кто?

Михалыч почувствовал угрозу.

— Я ухожу уже...

— А это не ответ.

— Позвольте познакомиться документально. — Это говорил седой очень крепкий мужчина. Он слегка толкнул в грудь Михалыча и припер его к стенке.

«Зря я влез в тост армянина», — понял Михалыч.

Второй, еще крепче, очень коротко стриженный, был спокойный, но угроза от него исходила еще большая.

— Коллега! На задании? — тихо заговорил он. — А я смотрю, не понимаю, кто ж такой? Не ест, не пьет, ни с кем не разговаривает, да еще весь такой нарядный.

Он ловким движением извлек из нагрудного кармана Михалыча удостоверение.

Действительно. Все в квартире были в черном, а на Михалыче — белая рубашка и галстук.

«Дурак же я! Но ничего, с удостоверением он будет повежливее».

Но все произошло наоборот — хороший боксерский удар от «стриженого». Михалыч не успел отклониться и треснулся затылком об стену. В глазах — темно и только искры.

— Бехтеев Виктор Михайлович! Так ты сюда из Узбекистана приехал? Сука!

Седой добавил в солнечное сплетение. Старался незаметно, но люди вокруг тревожно задвигались.

— Иуда! Что ж ты делаешь?

Михалыча подхватили и потащили к выходу. Кто-то пинал его, но он не отвечал. Выкатились к лифту из квартиры, поволокли к лестнице. Прошли несколько пролетов. Стриженный сунул назад в карман Михалычу удостоверение.

— Что ж вы делаете, суки? Человек умер, а вы к нему в дом. Совесть и у вас должна быть.

— Должна... — Михалыч заправил рубашку.

Седой и еще двое спустились на площадку. Михалыч легко увернулся от очередной плюхи. Он уже был в порядке, и мужчины это почувствовали.

— Я вообще сам нарвался, но вы уж лучше идите-ка...

Мужчины, поняв, что боксерской грушей этот гэбэшник больше не будет, потянулись наверх.

Выйдя из подъезда, Михалыч кивнул милиционерам, сдерживающим натиск толпы, то ли любопытных, то ли действительно людей, которые имели к происходящему какое-то отношение. Те козырнули и с любопытством еще долго смотрели вслед странному полковнику КГБ. Действительно странному. Входил гэбэшник как гэбэшник — чистый, опрятный, козырнул удостоверением, а вышел помятый и весь в известке. Может, выпил лишнего?

Михалыч же протиснулся сквозь толпу скорбящих поклонников и бесцельно побрел по переулкам в сторону центра. То ли от изнуряющей духоты, то ли от полученной оплеухи у него кружилась голова. Он добрел до лавочки, опустился и поставил портфель рядом с собой. На соседнем здании красовался адрес: «Тишинская площадь».

Михалыч приехал в Москву три недели назад вместе с большой группой сотрудников Узбекского КГБ для усиления московских органов на время Олимпиады. Со всего Союза в Москву ехали и эмвэдэшники, и армейцы, и, конечно, комитетчики. В основном их использовали на патрулирование. Михалычу выдали «гражданку» — костюм с эмблемой Олимпиады на нагрудном кармане и белую спортивную трикотажную куртку — олимпийку. На дежурство он надевал костюм и прогуливался в паре или в тройке с московскими старшинами или сержантами милиции старшим нарядом. И хотя ему, полковнику, было это не по чину, он был очень доволен.

Еще в Ташкенте, узнав, что командирован в Москву, он решил: «Ну, значит, судьба снова встретиться с Владимиром Семеновичем Высоцким». Сам не отдавая себе в этом отчет, последний год Михалыч хотел этого. Не очень понятно, зачем, что говорить, какой найти повод. Как сделать? Так, чтобы это произошло само собой — случайно на улице? А может, наоборот, официально вызвать его на беседу? Многими часами, уже в Москве, он прокручивал в голове возможное развитие такой беседы. Даже садился за стол и набрасывал в блокноте ключевые точки разговора, но... Но не находил главного — цели их встречи. Зачем она Высоцкому? Зачем она самому Михалычу? Он просто чувствовал — нужно.

Повод был. После того что произошло год назад, Михалыч ждал каких-то решений в свой адрес: пенсия, выговор, перевод, ну хоть что-то... Отчеты были готовы, все готово — или для передачи дела, или для сдачи в архив. Ничего! Тишина. А через месяц — от-

пуск с путевкой на всю семью на сорок пять суток в Сухуми. Перед отъездом он зашел оформить проездные бумаги и у себя на столе обнаружил документ, напечатанный на бланке председателя комитета по Узбекистану: «Все материалы по делу Высоцкого уничтожить».

Внизу стояла фамилия председателя, но подписи не было. Это значило, что и от этой бумаги нужно избавиться. Михалыч закрылся у себя в кабинете. Все документы по этому делу лежали у него. Несколько часов он засвечивал фотопленки, рвал бумаги, размагничивал кассеты, но, вернувшись из Сухуми, сообразил, что уничтожил не все. На работу он пришел тогда налегке, портфель оставил дома, а там в одном из отделений осталось несколько листов дела еще с поездки в Бухару. Никакой особой важности они не имели, но как повод для встречи...

Этот портфель лежал сейчас рядом на лавке. Его содержимое и привело Михалыча на поминки. Он решил все отдать родным.

В Москве Михалыч бывал довольно часто и всегда жил в гостинице «Пекин» на Маяковке — очень удобно: рядом метро, все близко. Несколько маршрутов до магазинов, до главка, до аэропорта он знал и думал — это и есть Москва. Однако на сей раз его и всех ташкентских поселили в студенческом общежитии МАИ по четыре человека в комнате, и Михалычу открылась совсем другая Москва. Не такая эффектная, но какая-то настоящая, родная. С детскими площадками, лавочками у подъездов, конечными остановками трамваев, с рынками, с домино и детскими колясками. Огромная Москва, живая.

В центре за три недели Михалыч не был ни разу. Они патрулировали в районе института имени Кур-

чатова. Тут не было ни спортсменов, ни иностранцев. На инструктаже сказали, что здесь находится ядерный реактор и надо, чтобы был порядок... Михалыч сутками через сутки топтался рядом с этим реактором, метрах в двухстах от проходной. Нарушителей все не было.

И вдруг на вечернем разводе перед корпусом общаги объявили, что с завтрашнего дня дежурство по усиленному варианту — подъем в шесть ноль-ноль.

«Что случилось?»

«Почему?»

— Возможны провокации.

Все разошлись по комнатам. Вдруг, уже засыпая, Михалыч услышал знакомый голос, доносившийся с улицы. Он выглянул в окно и увидел внизу толпу людей, стоящих вокруг лавочки у входа. Все молча слушали ЕГО.

Михалыч спешно оделся и спустился вниз. Со всех сторон собирались люди, в том числе и его сотрудники, которые недавно были с ним на разводе. Все уже знали то, чего Михалыч еще не знал. Утром умер Высоцкий.

«И что мне с этим делать?» — подумал Михалыч. Он открыл портфель, расстегнул молнию и вынул из папки первый попавшийся документ — протокол очной ставки по делу Леонида Фридмана.

* * *

Это было чуть больше года назад. Должна была состояться очная ставка между кассиром Нуртузой Бекмамбетовой и знаменитым организатором «левых» концертов Леонидом Фридманом.

В просторном кабинете с широким, забраннным решеткой окном, за которым был виден минарет, сидели Михалыч, сотрудник технического отдела Паша и помощник Михалыча — Кибиров.

Паша вставил шнур от микрофона в гнездо магнитофонной приставки «Нота-2», постучал пальцем по микрофону — индикатор на магнитофоне дернулся.

Рука Паши щелкнула по клавише, и пленка натянулась.

— Готово.

Михалыч, прищурясь, посмотрел на Нуртузу.

— Нуртуза Музафаровна! Знаком ли вам этот человек?

Нуртуза — полная узбечка, с «халой» на голове и густо покрашенными глазами, всхлипнула и еле слышно выдавила:

— Я плохо понимать по-русски...

— А как же вы кассиром работаете? — изумился Михалыч. — Хорошо, Кибиров, спроси на узбекском.

Кибиров перевел на узбекский. В ответ Нуртуза зарыдала, но очень быстро взяла себя в руки и торжественно сообщила:

— Да. Знаком немного.

— Кто это?

— Это Леонид из филармонии. Не знаю точно отчества, администратор.

— Ах, Леонид! А вам знакома эта женщина?

Не успел Михалыч закончить вопрос, как Фридман вскочил со стула и, зажав рукой микрофон, вскричал:

— Я хочу сделать письменное признание!

Михалыч, не ожидавший такого фокуса, твердо осадил:

— Прямо вот так сразу? Нет. У нас следственное мероприятие — очная ставка. Поставьте микрофон на место.

— Я хочу сделать признание до мероприятия, до очной ставки...

— Понимаю. Вы как бы хотите признаться не под грузом улик, собранных следствием, а вот так — от души, от раскаяния. Явка с повинной. Хорошо. Но хотя бы из вежливости ответьте. Знакома ли вам Нуртуза Музафаровна?

Раскрасневшийся Фридман поставил микрофон на место и сдавленным голосом произнес:

— Знакома.

— Ну слава богу! — радостно воскликнул Михалыч. — Подписывайте здесь и здесь. — Он протянул протокол Фридману. — И вы, уважаемая, тоже.

Нуртуза, вдруг поменяв тон на официальный, резким голосом произнесла:

— Я тоже хочу сделать этот... Чистосердечный признания.

— Да что ж за день-то такой? — веселился Михалыч. — Пусть пишет. — Он подмигнул Кибирову. — А я отведу Леонида Борисовича. Идем.

Они вышли из кабинета, миновали секретаря и очутились в длинном широком коридоре.

— Но я же хотел написать... — залепетал Фридман на ходу.

— На хрен мне твое чистосердечное, когда все доказано, ты не знаешь?

С Михалычем здоровались проходящие мимо сотрудники. Он слегка кивал им в ответ.

— Простите, а куда мы? — озадачился Фридман.

— У-у-у! Леня! А теперь тебе долго не будут говорить куда, зачем. Статья серьезная.

Они зашли в небольшой тамбур с часовым в погранформе. Михалыч показал удостоверение, и часовой открыл дверь. Оказались на второстепенной лестнице, Михалыч пропустил вперед Фридмана, и они начали спускаться. Дверь за ними с грохотом закрылась. Фридман вздрогнул и остановился.

— Иди! Иди! — подтолкнул его Михалыч.

— Но я даже никого не предупредил.

— Вот за это не волнуйся. Предупредят, сообщат..

Фридман схватил Михалыча за руку чуть ниже локтя и заискивающе зашептал:

— Но я же сам.

— Конечно, сам. — Михалыч резко освободил руку. — Мы, правда, тоже немного поработали. Огромное учреждение потело, чтобы впаять какому-то Фридману десятку. Гора родила мышь! Или родилá? Как правильно?

— Не знаю.

— Гастролеров твоих под эту статью — это интересно. Такой сигнал, понятный всем. Тогда другие сюда и за миллионы не поедут. Тогда и ты мне не нужен со своим чистосердечным.

Михалыч бодро шел по коридору с глухими дверями без надписей, но с номерами.

— Так ведь я... Кто ж со мной теперь работать будет после всего этого?

— Работать? Ну, ты нахал, конечно. Не работать, а расхищать социалистическую собственность. Работать! Я с тобой буду работать! И ты мне каждую копейку, которую спер, отработаешь! Ну так как?

Михалыч резко остановился и в упор посмотрел на Фридмана. Леня почувствовал: от того, что он сейчас скажет, зависит его дальнейшая судьба. Он пытался понять, чего ждет от него Бехтеев. Пауза затягивалась. Он осторожно, как будто на ощупь, начал:

— Осенью хотели солистов Ленинградского мюзик-холла, но это пока не точно.

Михалыч, не дослушав, повернулся и продолжил движение.

— Но я хочу помочь! Я искренне хочу, — взмолился Фридман, едва поспевая за ним.

— Мюзик-холл, Леня, это не помощь, это на-смешка.

Они приближались к еще одному часовому, стоящему в конце коридора.

— Я могу кого угодно, любого из народных, большие коллективы. Я просто не знаю, какой уровень вас интересует.

— Высокий. — Михалыч развернул удостоверение часовому.

— Высоцкий? — испуганно переспросил Леня. Часовой со скрежетом распахнул дверь.

— Хорошая кандидатура. — Михалыч прошел вперед, оказавшись в широком светлом холле.

— Извините, Виктор Михайлович! Вы сказали — Высоцкий? — спросил Фридман, заглядывая в глаза Михалыча.

— Нет, Леня, это ты сказал — Высоцкий.

Михалыч толкнул тяжелую дверь и пропустил Фридмана вперед. Неожиданно для себя Леня оказался на улице. Ташкентское солнце ослепило его, и он зажмурился.

Михалыч же возвращался в свой кабинет, где остались Кибиров и кассир Бекмамбетова.

Он давно понял, почему ему, полковнику КГБ по Узбекистану, дали задание раскрутить дело о злоупотреблениях в филармонии. Во-первых, это не его уровень. Во-вторых, плевать всем было на филармонию, на артистов и тем более на звезд. Надо было уколоть руководство республиканского МВД, в чью компетенцию входили такого рода преступления. Дело необычное, ответственное. Ошибаться нельзя. Доказательства требовались явные. Не просто сообщения сексотов или анонимные письма трудящихся. Нужна была неопровержимая доказательная база. Громкое дело, а значит, и громкое имя.

И это было самым уязвимым местом в работе, которую предстояло сделать Михалычу. Знаменитость — это всегда связи, знакомства. Михалыч не раз испытывал на себе давление. Рано или поздно у подследственных находились родственники или друзья на самом верху. В Узбекистане вообще все чьи-то родственники или друзья. Начинались звонки, неофициальные беседы, иногда даже угрозы. Фигура союзного масштаба привлечет и заступников союзного масштаба. И как поведет себя руководство Михалыча, неизвестно. Могут и сдать и его самого, и его сотрудников, скажут: перестарались!

И вот — выход есть! Высоцкий знаменит на всю страну, но у него дурная репутация. Песни его не залитованы, плюс он скандалист, плюс его крутят «вражеские голоса». За такого никто заступаться не рискнет. И кто подсказал? Фридман! Уж на кого-кого, а на него Михалыч точно не рассчитывал. Поначалу Фридман представлялся Михалычу сильным и решительным соперником.

Ведь по материалам предварительных проверок Фридман воровал «в особо крупных». В его дела были вовлечены десятки людей. В определенных кругах про него ходили легенды. Однако то, что увидел Михалыч, разочаровывало. Фридман оказался жалким, трусливым и просто глупым.

Это никак не сочеталось с преступными схемами, которые стали известны Михалычу.

Схема первая. Мертвые души. Приезжает артист с аккордеонистом, а в отчетах — с оркестром. Гостиница, проезд, питание, концертные ставки. К отчетам прикреплялись авиабилеты, которые администраторы выпрашивали у прилетевших граждан в аэропорту. Те отдавали. Зачем человеку, который вернулся из отпуска, билет? А тут можно приятному молодому человеку помочь.

В ведомостях расписывались сами, администраторы только ручки меняли для конспирации. В гостиницах за бутылку коньяка получали справки на те фамилии, что в авиабилетах, и все шито-крыто. Человек пятнадцать провели как оркестр — и можно жить.

С обратными билетами вообще не заморачивались. Прикладывались якобы копии якобы писем на коллективные билеты и писали: «оплата наличными». Деньги на все брались из концертной выручки.

Схема вторая. Перекупщики. Занижалась цена билета, и отдавались они по два номинала спекулянтам, а те перед концертом драли со зрителей еще больше. В кассе-то билетов нет.

Схема третья. «Полупустой зал». То есть в реальности аншлаг, а в отчете — «двести билетов не продано», а иногда и пятьсот. Ну не пошли зрители, не

получилось у Аркадия Райкина зал собрать — вот они и остались, непроданные билеты. Комиссия собиралась, посчитала. «Серьезная комиссия» — директор зала, работник филармонии, контролер народный. Все расписались и бланки непроданных билетов приложили.

Но чтобы зал все-таки был полным, продавались на эти якобы пустые места билеты другой серии. Какой зритель смотрит на цифры в билетах? Надо только быстренько после продажи билетов фальшивые корешки сжечь, которые в кассе остались, и все хорошо. Пятьсот билетов по два-три рубля — деньги!

Но Фридман и компания пошли еще дальше. Они не показывали в отчетах целые концерты. Устраивалось три концерта в одном зале, а отчитывались только за последний; выручку за этот последний концерт и несли в банк. Этот способ практиковался только с близкими знакомыми. Чтоб не брякнул где-нибудь гастролер, что вот, три аншлага подряд. Главное, такое можно было делать только с популярными артистами, которые по хорошей цене входных билетов могли собрать в одном месте не один полный зал, а два-три. Таких по пальцам пересчитать во всем Советском Союзе. Но у Лени подобные актеры были. И несколько раз в году он «бомбил» Узбекистан по-крупному.

Глава вторая
ЛЕНЯ ФРИДМАН

28 июля 1980 года

Леонид Фридман сидел на трибуне «Лужников», наблюдая соревнования по легкой атлетике.

«Ничего не видно. Вокруг люди бывалые — бинокли, подзорные трубы и даже фотоаппараты. Но вот что отсюда можно снять? Просто интересно. Точки красные, синие, белые... Сказали, что чудный сектор, все, мол, увидишь, прыжки в длину, спринт увидишь. О чудо! Во-первых, никто не прыгает, а даже если бы и прыгал, то не видно. Яма для прыжков в длину отсюда — желтый квадратик, как плитка кафельная в сортире. На метр дальше, на метр ближе — отсюда все равно».

— Удружил Эдик! Спасибо! — буркнул себе под нос Ленья. — И не уйдешь ведь. Все сидят, чего-то ждут. Вдруг встали, заорали. Спринт. Одна восьмая финала. Чего орать-то? За бинокли схватились. Спорт — это не для всех! — подытожил Ленья Фридман и сел на место.

Эдик хороший парень, но циник. Ленья позвонил ему позавчера прямо из Домодедово.

— Слышал? Володя умер!

— Слышал...

— Такие деньги ушли, — вздохнул Эдик. — Ладно, ты в Москве? На Олимпиаду пойдешь?

— Конечно, если возможность будет.

— Давай встретимся, дам тебе билеты. Люди просили, потом отказались. Не пропадать же.

— А сколько?

— А сколько тебе надо?

— Я в смысле денег...

— Так отдам. Все равно пропадают. Детям рассказывать будешь. Фанты попьешь. Ты где сейчас?

— Я прилетел только что.

— Устраивайся и звони. Может, кого-то подыщем тебе. Сейчас здесь кого угодно можно зарядить. Давай у Володи на панихиде встретимся, я тебе билеты отдам, и, может, с кем-то сразу перетрем.

В театре во время прощания с Володией Эдик отдал билеты на этот же день на восемнадцать часов, и с кладбища Леня помчался в Лужники.

Москву такой, какой она была в эти дни, он не видел никогда, хотя в Москве по делам бывал часто.

У Ваганьковского кладбища все было перекрыто, и Леня дошел пешком до Пресни и там сел на пятый троллейбус. В салоне человек десять, не больше, и милиционер. Это в пять-то часов вечера, да еще и на стадион центральный едет! Колбасы в магазинах море, очередей нет, фанга в розлив даже в Домодедово — люди в банки трехлитровые, в бидоны, в чайники наливают, как квас. Кругом пусто, жарко и чисто, как в Ташкенте в июле.

Лене стало почему-то тоскливо и муторно. Хотя как это — «почему-то»? Володя умер! Да нет. Не только. Зря он вспомнил про Ташкент. Зря!

июль 1979 года, Ташкент

После допроса у Бехтеева Леня бродил по Ташкенту несколько часов. Оглядывался — не следят ли? Иногда казалось, что следят, иногда понимал, что со страху кажется. Что делать? Сдавать Володю невозможно — и не сдать тоже. Как вести себя, когда «закрывают», Леня, конечно, знал. Не первый день работал. Еще на целине, где он был в студотряде, он начал устраивать концерты и возить агитбригады. Главное — молчать. Не брать на себя лишнего и от своего не отказываться. Получить свою пятерку. Помогут. И семью не оставят, и на зоне устроят: или в библиотеку, или хлебрезом. А выйдешь — вернут в дело. За хорошее поведение выпустят пораньше. Все понятно. Леня был готов к худшему, поэтому так и радовался, когда получалось. Получалось до этого дня двадцать лет. Но что делать сейчас-то? Если выпустили — значит, следят. А главное, им нужен Володя. Володя — святой человек.

И вдруг как будто кто-то Леню услышал там, наверху. Володя не приедет! Новость, которая еще неделю назад не просто огорчила бы Леню, — раздавила бы. Любая отмена — это катастрофа. А тут тридцать концертов. Огромные деньги. И Леня не один: десятки распространителей, директоров ДК, руководство филармонии. Все лишаются денег, и больших денег. Билеты были проданы сразу, как только объявлены концерты. В дирекции филармонии лежало огромное количество коллективных заявок, их даже никто и не считал. Пять тысяч билетов он отдал спекулян-

там сразу за деньги. С ними шутить нельзя — могут и зарезать. И вдруг отмена! Конец! Амба!

Но сейчас это было спасение.

— Володя не приедет, — заявил его администратор Паша Леонидов по телефону.

— Это точно? — переспросил Леня.

— Куда точнее! — Паша бросил трубку.

Леня плюхнулся в кресло и тихо засмеялся. Никто не виноват, просто отмена.

Сразу родился план: заявление за свой счет — и к морю. А пока всех обзвонить и все отменить. Все, что готовил два месяца. Раздать деньги. Будут потери, да и хрен бы с ними. Все легко и просто. Телефонная книжка — и прямо из кабинета:

— Алло! У нас проблема с Высоцким. Не приедет.

— Как? Ты смеешься? Все продано!

— А что делать? Все мы люди.

Несколько часов не выпуская телефон из рук, Леня вышагивал по кабинету, обзванивая людей, связанных с гастрольями. Вдруг он почувствовал чье-то присутствие и резко оглянулся. Бехтеев стоял в кабинете за его спиной и разглядывал афиши и портреты артистов на стенах.

«Как это он так тихо вошел?» — Леня растерялся лишь на секунду и продолжил давать указания в трубку еще громче и уверенней, чем раньше.

— Убытки! Какие у тебя убытки?! Убытки — это когда у тебя что-то было, а потом не стало. А Высоцкого у тебя как не было, так и нет... А вот ты походи и купи своему бухгалтеру коробку конфет за три рубля, и она тебе все объяснит, и вот это и будут твои убытки — три рубля. Вот их-то я тебе и возьму.

Леня продолжал говорить по телефону и одновременно пытался понять, на что так пристально глядел Бехтеев.

Сам он настолько привык к своему кабинету в филармонии, что не обращал внимания на кучи театрального реквизита, костюмы, музыкальные инструменты, афиши и фото. Все это давно уже стало не фоном, а скорее обоями, хотя было на что и на кого посмотреть.

По молодости Леня Фридман собирал афиши с фотографиями тех, с кем работал. Любил он фотографироваться в обнимку с речевиками, дирижерами, солистками, ну и, конечно, со звездами. Развешивал фото и дома, и здесь, на рабочем месте. Обычно посетители благоговейно читали каракули звезд и мечтательно вздыхали. Просили рассказать о знаменитых Лёниных гастролерах. Леня не отказывался и рассказывал, а точнее — безбожно врал, потому что рассказывать-то было нечего. Встретил, поселил в гостиницу, привез в зал, отдал деньги, проводил, сфотографировался. Все! Но Лёнина фантазия плюс юмор, плюс страстное желание слушателей (перепроверять уж точно никто не будет) — и рождались многочасовые рассказы о незаконнорожденных детях, любовницах, творческих планах...

Бехтеев смотрел на фото Лени и Володи, которое висело над креслом с 1971 года. Они познакомились, когда Театр на Таганке был на гастролях в Ташкенте. Фридман только перебрался из Красноярска в Ташкент. Деньги были нужны страшно. Он снимал квартиру, посылал деньги матери и беременной жене. А место, ради которого он приехал, все не освобождалось. Леня прорвался после спектакля в гримерку

к Володе и предложил перед спектаклями работать концерты. Володя устало улыбнулся, а его свита попыталась вытолкнуть Леню наружу. Уже из коридора Фридман выкрикнул: «Вас очень хотят! Завтра утром...»

Володя рассмеялся и, как Гагарин, сказал:

— Поехали!

Вдвоем они объездили все маленькие городки вокруг Ташкента — Чирчик, Заркент, Чанги, Перкент.. Работали в обеденные перерывы на заводах и полях. Такого покладистого гастролера, каким был Володя, даже в мечтах представить себе было невозможно. Он не ругал плохие дороги и машины, не жаловался на усталость, не требовал больше денег. Но главное, он относился к Лене как к старинному приятелю или даже как к младшему брату.

Леня выложил ему всю свою жизнь, все проблемы и планы. А тот вместо советов и сочувственных кивков пошел в филармонию и устроил Леонида Фридмана главным администратором. А на приеме в ЦК комсомола Узбекистана договорился, чтобы Леню поставили на очередь в комсомольский кооператив. Никто и никогда так не относился к Лене Фридману. Ему все приходилось делать самому, рвать зубами, рисковать, лебезить, а тут.. На, возьми! А когда Леня промямлил: «А как же я вас отблагодарю?», тот ответил: «Сына Владимиром назови!» Родилась, правда, дочь.

Фото, на которое смотрел Бехтеев, сделал корреспондент многотиражки Ташкентского университета за кулисами их же ДК. Володя улыбался, а Леня как кол проглотил. Фото — это же доказательство, что был концерт, а его как бы и не было. Когда Володя

отошел в сторону, Леня договорился с фотографом, что за двадцать рублей купит у него пленку, а тот обещал не публиковать снимок. Надул. Пленку отдал, а фото опубликовал.

...Михалыч оторвал взгляд от фотографии:

— Предупредил? Ты его предупредил, сука?!

— Вы про меня слишком хорошо думаете, Виктор Михайлович! — горько усмехнулся Леня.

— Почему отмена?

— Не знаю. Я не с ним разговаривал. То ли болен он, то ли запил.

— Слушай меня, Леня. — Михалыч аккуратно взял Фридмана за воротник рубашки. — Если он не придет — я тебя закрою. Срок-то помнишь? Десятка! Мало тебе? Я добавлю. Ты понимаешь, что все запущено? Люди себе дырки на погонах сверлят!

— Но ведь я согласен. — Фридман даже не попытался освободиться. — Я все сделаю! Но если его нет — я-то при чем?

Михалыч отпустил воротник и отошел к столу.

— Звони ему! Обещай денег добавить. Скажи, что кирдык тебе. Может, пожалеет? А тебе действительно кирдык. И врать не надо. Звони!

Михалыч подвинул аппарат ближе к Фридману.

— Я ночью позвоню. Его днем дома не бывает. — Леня достал носовой платок и обтер лицо. — Ночью!

* * *

28 июля 1980 года, Москва

...Леня достал носовой платок и обтер запотевшее лицо. Нещадно палило вечернее солнце. Он облизал пересохшие губы и оглянулся в поисках пресловутой

фанты, затем поднял затекшее тело и направился под трибуну к выходу, где было прохладно и стояли автоматы с газированной водой. Покопавшись в кармане, извлек мелочь. Прокашлявшись, автомат налил теплой воды без сиропа. Леня одним глотком влил в себя содержимое и пересчитал оставшуюся мелочь. Пятаки на метро, двушка — позвонить и еще газировочки. Кому бы позвонить? Лене захотелось с кем-нибудь поговорить. Хотелось снять с себя груз. Интересно, где сейчас Паша Леонидов?

Глава третья
ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВ

28 июля 1980 года

Он уже неделю не спал. То Володя болел — Паша караулил. А когда Володя умер, вообще не до сна стало. Теперь надо было все организовывать. Не планировать, не рыдать, не причитать, а делать.

Кому? Паше! Кому ж еще? Семеро с ложкой, а он один с сошкой.

Кто не дал отвезти Володю в морг? Паша держал оборону, пока не приехал Володин отец. Молодец! Все понял, не орал, не истерил. Просто все выслушал, подошел к врачам и сказал:

— Я отец! Я отказываюсь от вскрытия. Что подписать?

Потом началось... Паше пришлось записывать в блокнот:

1. Свидетельство о смерти получить.
2. Некролог дать.
3. Всех обзвонить.
4. Продукты достать. Горе горем, а жрут все! И еще как жрут!..

«Кстати, — Паша вспомнил о соли. — Нужна соль, если в доме покойник. Много соли, чтобы не сыро было и не воняло. Да хрен знает зачем. Короче, нужна соль». Дал рубль детям — есть соль.

5. Место на кладбище. Взял отца — поехали. На Новодевичьем нельзя. Понятно куда — на Ваганьково. Ударили из тяжелой артиллерии: обзвонили «верхний» круг знакомых, подключили друзей: есть место! И какое место!

6. Поминки организовать.

7. Катафалк, венки, автобусы...

Нет, конечно, все всё делали, но только если их пнуть и сказать: «Иди туда и сделай это. Вот тебе задание от сих до сих».

А тошно так, хоть караул кричи. Никогда так не было. Да еще жара....

Зашел к Володе в спальню. Насыпал в таз соли. Он лежит на кровати, и вроде даже и не он. Слезы из глаз, полный нос соплей.

Выскочил в ванную. Давай сморкаться.

«Опа! Бритвы Володиной нет. Коробка есть, а бритвы нет. Все же свои? А вот тебе на...»

Сказал родителям: «Уберите все! Это же ваше теперь». А они: «Нам ничего не надо, Паша, у нас сын умер».

А у него, у Паши, никто не умер? Еще как умер! Как жить ему теперь? Вся же жизнь, лет семь — только Володя! Только дела его — концерты, деньги, алименты, визы, бабы, лекарства...»

Надо было бежать в театр. Там тоже командиров тьма, а солдат нет. Как привезем Володю?

«Прощаться будем столько, сколько надо! Надо неделю — будет неделя!» — это вещал вещун известный, замдиректора. Вокруг труппа. Слушают, кивают.

«Хоть бы ленточку траурную к портрету в фойе приделали. Хоть бы зеркала завесили. Эх... А как

вы на собраниях против него глотки драли! Напомнить?»

Паша забежал к директору и главному режиссеру. Эти хоть что-то делают. Оба плачут, но делают.

8. Милицейское оцепление.

9. Перекрыть движение транспорта.

— А тело я привезу двадцать восьмого. Гроб вечером завезу на Грузинскую, а утром часов в шесть на реанимобиль и сюда. Со Склифом договорились уже. Там Володины друзья, — закончил Паша в дирекции.

Он ушел из театра довольный. Все будет достойно! Проводят Володю! Уже решили, кто будет выступать. Как людей впускать, как выгонять. Портрет на сцене сделают большой, карточку увеличат. Такая грустная-грустная карточка. Повесят над сценой, будет он смотреть со сцены в зал грустно и задумчиво. Музыка будет из динамиков. Справимся!

Вахтера нет — тоже поминает. Пошел по коридорам, по лестницам.

* * *

Год назад Паша шел по этому же коридору с директором театра. Приходилось идти немного боком, так как коридор был узкий, а Фомич двигался как ледокол по фарватеру — грудь вперед.

— Сейчас будет перерыв. Подойдите, если он согласен, я подпишу.

— Может, мы как-нибудь вместе?..

— Нет! У нас и так непростые отношения.

Ледокол вышел на лестницу и проплыл мимо курилки. Все встали. Он кивнул не глядя, прошел через

портретное фойе и подошел к двери в зал. Здесь он немного сдулся и, перед тем как заглянуть внутрь, приложил палец к губам.

А то Паша не понимал, что надо тихо. Хоть он и администратор, личный секретарь... и еще черти кто, но уж, как вести себя во время репетиции, знает. Паша через голову Фомича заглянул в зал. На освещенной сцене стоял помост для «Пугачева», и несколько уставших актеров с цепями в руках помогали ввестись на роль Хлопуши молодому актеру Юре Чернову.

Актеры равнодушно, но достаточно технично выполняли свои мизансцены, легко удерживая Юру на цепях. Юра же, наоборот, работал на всю катушку. Вдруг в центре пустого зрительного зала зажглась настольная лампа. Актеры остановились, для них это был сигнал — ведь за столиком с лампой сидел главный режиссер театра. Юра, лишенный страховки, не поняв, что надо остановиться, тяжело дыша, упал на четвереньки. Актеры сочувственно заулыбались. Из-под лампы послышался усталый голос:

— Вы, Юрий, выполняете рисунок, и только. Но пока, знаете ли, это пародия на одного чересчур великого артиста.

Все замерли, потому что знали: когда Главный говорит во время репетиции тихо и подчеркнуто вежливо, а тем более на «вы» — будет буря. Она и не заставила себя ждать. Так же тихо и подчеркнуто вежливо, но чтоб слышно было всем, режиссер спросил:

— А почему актер работает без костюма?

Помощник режиссера ответила из-за кулис в микрофон:

— Костюм шьют. Не можем же мы дать ему штаны Высоцкого...

Режиссер взял в руки свой микрофон и на весь театр загремел:

— Это как понимать? В театре нет и не может быть штанов Высоцкого! В театре есть костюм Хлопуши! Немедленно переоденьте артиста! Принесите реквизит! Все должно быть как на спектакле!

Паша от крика скривился, как от зубной боли.

— Давайте я потом с ним поговорю? — шепнул он Алексею Фомичу на ухо.

Фомич тоже отшатнулся от двери.

— Давайте! А я потом подпишу.

— Алексей Фомич, но вы же обещали.

— А что я обещал? — Алексей Фомич взглянул на Пашу, как будто видел его в первый раз. — Я обещал встретиться с вами. Вот мы встретились. Но после вчерашнего собрания трупы... Вы же понимаете, что ситуация изменилась. И потом, а почему вы? Пусть он сам приходит и разговаривает.

— Он болен. Ему и в Париж-то надо, чтоб подлечиться.

— Зря тратите время. Вот, пожалуйста. — Алексей Фомич указал на выходящего из зала режиссера, а сам деловито устремился на служебную половину.

Паша ни за что не подошел бы, он побаивался Главного и знал, что тот его недолюбливал, но деваться было некуда, и он поклонился как бы почтительно. Склонил голову и одними губами шепнул: «Здравствуйте, семьдесят семь!» Это Володя его научил: «Если не помнишь имени и отчества, говори: „Здравствуйте, семьдесят семь!“, только тихо. Даже если человека зовут Захар Спиридонович, он-то помнит,

как его зовут, и твои „семьдесят семь“ он услышит как „Захар Спиридонович“. В общем, как надо, услышит». Паша делал так иногда, и получалось, но не сейчас.

«Семьдесят семь» остановился, выдержал паузу и внятно ответил:

— И вам здравствовать, девяносто девять!

Паша готов был провалиться на месте.

Довольный произведенным эффектом, режиссер подошел к нему вплотную.

— Как он?

— Все хорошо! — залепетал Паша. — Спасибо, он в больнице.

— «Все хорошо! Он больнице!» — передразнил Главный. — Вы уж разберитесь, «хорошо» или «в больнице»? Это, знаете ли, не всегда одно и то же. Передайте Владимиру, что я всегда его жду. Я всегда... — он немного замялся. — Впрочем, все он знает сам.

Они стояли некоторое время напротив друг друга и как-то хорошо молчали. И Паша решился.

— А можно я позвоню ему прямо сейчас, в отделение? Вы поговорите.

Главный внимательно посмотрел на Павла. Потом полез в задний карман брюк и загремел мелочью.

— Обязательно позвоните! — Он протянул двухкопеечную монету. — Вот. Автомат у метро. — Он развернулся и пошел в ту же сторону, что и Фомич. Паша в задумчивости подбросил монетку, разжал кулак — «орел».

Вот тогда-то все и началось. Так лежал бы себе Володя в больнице, глядишь, все бы было иначе. Хотя...

Позвонил Паша, конечно, не из телефона-автомата, а с вахты театра. Назвался директором Таганки. Минут десять в трубке были слышны крики нянечки, шелест бумаги и какое-то громыхание. Паша уже подумал, что не позовут. «Может, все же не надо?» — подумал он, но тут в трубке послышалось:

— Я тебя слушаю, Павел.

— Как ты догадался, что это я? Привет!

— Ты один знаешь, что я здесь. Ну?...

Ну, Паша все и выложил: про Леню Фридмана, что с работы того снимают, и что все Володю разыскивают — киношники, родители, жена, все... ну и про театр, что характеристику на выезд не подписывают.

— Что делать, Володь?

— Приезжай через сорок минут сюда.

— Ага...

Трубка ответила короткими гудками.

Паша сорвался с места. Поймал такси и рванул к Володе домой. Какие вещи увидел — свернул в узел, чуть не забыл ключи от машины, и через полчаса в Володином «мерседесе» стоял у ворот «Склифа». Сюда пять дней назад он привез Володю — тот сам попросил. Еще, прощаясь, сказал:

— Попробую в последний раз. А ты здесь пока паспорт сделай, возьми билет — и я сразу в Париж. Там помогут. Там это обычное дело.

Паша стоял у больницы уже минут тридцать, но не уезжал, он знал, что Володя выйдет.

Как? Непонятно. Володя выходил откуда угодно и входил куда угодно каким-то чудом.

Однажды Пашу разбудил ночной звонок. Говорил, какой-то санитар из института Сербского. Паша подумал, что розыгрыш. Тот сказал, что Володя просил

подъехать прямо сейчас. Паша приехал, а Володя уже стоял на улице. Матерился от холода — февраль месяц. В тот год были срывы, и несколько раз Володя исчезал, потом появлялся, потом опять исчезал... и т. д.

— Как ты сюда попал, Володя, дорогой?

— Не помню, — буркнул тот.

И тут до Паши дошло. Это же институт Сербского! Это не просто психушка! Это при МВД! Это тюрьма настоящая.

— А как ты вышел-то?

— Встал да пошел...

Паша знал, что Володя не врет и не красуется. Ему достаточно было решить, что он хочет попасть куда-то — и он там оказывался. Он не кричал: «Я Высоцкий!». Не хитрил: мол, я от Ивана Ивановича, мне назначено. Нет. Просто вставал и шел. Придет и сейчас.

июль 1979 года

Володя после звонка Паши Леонидова в задумчивости вернулся в палату. Рядом лежали еще двое больных, один из которых что-то заплетал из больничных трубочек. Вошла медсестра.

— Пора ставить капельницу!

Володя покорно лег на спину, вытянув правую руку и закрыв глаза.

— Ну, вот теперь поспим, и мне отдохнуть.

Она ввела лекарство в перевернутую бутылку-капельницу, проткнула вену и аккуратно накрыла иголку пластырем. По прозрачной трубочке медленно потекла жидкость. Полежав минут пять, Володя так же аккуратно снял пластырь с руки и медленно вытянул иглу. Жидкость закапала на пол. Володя сел на кровати, согнув руку в локте. Он осмотрел себя. Тренировочные штаны, больничная рубаша, тапочки.

— Есть ручка? — еле слышно просипел он.

Больной-плетеночник протянул Володе недоделанную плетеную ручку.

— А бумага?

Больной указал глазами на тумбочку между их кроватями. Володя открыл тумбочку и достал уче-

ническую тетрадь, наполовину исчирикannую игрой в морской бой. Он вырвал чистый лист и быстро стал писать: «Я, Высоцкий Владимир Семенович, отказываюсь от дальнейшего лечения. О последствиях предупрежден». Поставил внизу подпись, число и протянул ручку владельцу, но тот жестами показал, что она ему не нужна, и стал внимательно наблюдать за сборами Володи. Тот, убедившись, что кровь остановилась, медленно разогнул локоть, аккуратно надел синий махровый халат и постучал пальцем по воображаемым часам: «Пора!» Больной от удивления выпучил глаза. Он, так же, жестами, показывая, как человек идет, спросил: «Уходишь?» Но Володя этого уже не видел — надев тапочки, выскользнул в коридор. Было слышно, как где-то грохнул грузовой лифт. По коридору со скрежетом катила тележку нянечка, придерживая одной рукой кастрюлю. Лифтерша, полная женщина в черном халате, уже собралась ехать на другой этаж, но Володя успел проскользнуть в закрывающиеся двери и сам стянул решетчатые ставни.

— Прокатимся? — весело подмигнул он лифтерше. Женщина от растерянности захлопала глазами. Видно, узнала.

С таким же грохотом лифт остановился в подвале. Володя уверенно распахнул сначала решетчатые створки, а затем и двойную дверь лифта.

— Тебя ждать? — спросила растерянная женщина.

— Ни в коем случае! — Он обаятельно улыбнулся и проделал ту же процедуру в обратном порядке. Подмигнув лифтерше еще раз, он растворился в подвальном коридоре.

Володя на ходу читал надписи на дверях, пытаюсь понять, где выход: «Не курить!», «Ответственный за пожарную безопасность — тов. Кукуев Н. Е.»... Наконец он услышал приглушенные голоса в конце лабиринта и решительно пошел в эту сторону. По коридору два санитар везли каталку с накрытым простыней телом.

— Эй! Ты куда? Тебе туда еще рановато! — буркнул один из них, поравнявшись с Высоцким.

— А выход где?

Санитар, не останавливаясь, указал на дверь без надписи.

— Вот. Ты проскочил.

Володя толкнул дверь, затем еще одну и оказался в больничном дворе. Зажмурившись от солнечного света, он несколько раз глубоко вздохнул и облокотился о стену. Где-то в глубине двора завывла сирена скорой помощи. Володя оттолкнулся от стены и пошел на звук, высматривая ворота.

Ворота, как и положено, были закрыты, но будка охранника пустовала. Вахтер стоял на улице и с интересом разглядывал припаркованный у входа синий «мерседес».

— Большой? Заблудился? — спросил он у выходящего из будки Высоцкого.

— За сигаретами, отец! — Володя распахнул заднюю дверцу и плюхнулся на сиденье. Как только он захлопнул дверь, машина резко тронулась с места.

— Красавец! Твою мать! — только и произнес ошарашенный сторож.

— Как себя чувствуешь? — оторвался на секунду от дороги Паша.

— Все хорошо. — Володя снял с себя больничную одежду и надел футболку и джинсы, лежавшие на сиденье. Затем взял кожаную куртку, вынул оттуда ключи и портмоне с документами. Убедившись, что все на месте, продолжил:

— «Надо немного полежать...» Чего лежать-то, ты не знаешь? Все равно здесь это не лечат.

— Но мы же вернемся?

— Куда?

— Сюда. В больницу.

— Нет, конечно.

Паша расстроено оглянулся.

— Выходит, сорвал я лечение твое. Но я просто не знал, что делать. В театре уперлись: «Пусть сам приходит».

— Ну, сам так сам.

— Так, это, может, если так складывается... в Узбекистан все-таки?.. Очень ждут. Леня будет счастлив, а мы заработаем, погреемся.

— Тебе здесь холодно? Сегодня все сделаем, вечером приеду домой, буду работать — не выпускай меня никуда. До самого отъезда. Телефон отключу к чертовой матери. Все неприятности мои — потому что не пишу ничего. — Володя с досадой поглядел на Леонидова. — Останови, я сяду. Так до вечера не доедем. — Паша припарковал машину и пересел на пассажирское место.

Сев за руль, Володя немного приободрился. Теперь они поехали значительно быстрее.

— Володь, ты столько написал уже... Я тебе на всю оставшуюся жизнь концерты заделаю. Каждый день будем работать на аншлагах, кто там будет смотреть — новое, старое... В Париж собрался?

Пустым ты туда не полетишь... медицина во Франции платная.

Паша вертел в руках недоплетенную ручку, брошенную Володей на торпеду.

— За дачу проплаты приближаются — того, что мы отложили, не хватит. Можно, конечно, лотерейный билет купить, клад поискать... А тут — неделя в Узбекистане, и все проблемы — на полгода вперед...

— Не едем, и все. В другой раз.

— А будет он, другой раз?

Володя пристально посмотрел на Леонидова.

— Положи ручку на место.

Паша бросил ручку на торпеду и откинулся на спинку кресла.

* * *

В больнице начался переполох. В палату, откуда сбежал Высоцкий, зашел врач Евгений Борисович, следом за ним медсестра. Доктор изумленно посмотрел на пустую кровать.

— Вы сделали все назначения?

— Да, вот только немного недокапалось, — она указала на лужицу лекарств на полу.

— Если он умрет, я, конечно, буду отвечать, но я очень постараюсь, чтобы и вы тоже.

— Не будем мы отвечать. — Она протянула записку Высоцкого.

Евгений Борисович пробежал глазами по записке.

— «Предупрежден о последствиях». Я даже представить себе не могу, какие могут быть последствия, а он уже предупрежден. Принесите мне его историю болезни, — бросил он, выходя из палаты.

— Да она почти пустая, — сказала сестра, выходя за доктором.

— Там есть домашний адрес.

* * *

Синий «мерседес» припарковался у служебного входа в театр. Мужики, что в пивной напротив, одобрительно покачали головами: «Во! Наш орел прилетел!»

Немного кружилась голова. С утра была капельница и гора таблеток. Только на него давно успокоительное почти не действовало. Пять дней паузы — это хорошо. Давно так не было. Надо держаться.

«Сделаю все сам и завтра же улечу. Держаться! Сейчас к Фомичу.»

Заходя в театр, он сразу же услышал знакомые слова роли: «Сумасшедшая! Бешеная! Кровавая муть!..»

«Вводят кого-то? Ну да, сегодня же двадцать второе — „Пугачев“, — подумал он. Володя предупредил репертуарную часть, что его неделю, а может быть и больше, не будет.

«Но кого вводят?» — Он заскочил в радиорубку к теще, Володе Ракову. Вводили молодого актера Юру, которого в этом сезоне взяли в труппу. Он весь год пробегал в массовке. Зачем брали? Нет, шеф просто так никого не возьмет. Он ведь и Володе сначала ничего не давал — так, эпизоды. А потом нагрузил. Да так нагрузил, что до сих пор не разогнуться.

На сцене полным ходом продолжалась репетиция. Актеры в костюмах, с цепями в руках, стояли на сцене и слушали, как шеф делает замечания Юре:

— Что вы держитесь за них, как за перила? — Он указал на цепи. — Самая важная сцена в спектакле превращается в физкультуру. Их надо разорвать, а вы за них держитесь.

Юра обессиленно ухмыльнулся:

— Как их порвешь?

— Как?! — вскричал режиссер. — А вот так! — он вдруг выскочил на сцену, выхватил из рук Юрия цепь и рванул ее так, что актеры, не выдержав, упали. Сам же режиссер повалился на помост. К нему со всех сторон бросились на помощь. Он, все еще в аффекте, попытался оттолкнуть своих спасителей.

— Мы будем проходить эту сцену еще и еще раз, пока у вас не получится. Здесь вам не дом отдыха, здесь — театр! Не слышали об этом? — Обернувшись к присутствующим, он прокричал: — Вы все мастера выступать на собраниях! «Почему Высоцкому можно, а нам нет?» Теперь понимаете? Перерыв пять минут. Юрий! Не вздумайте курить, вы и так задыхаетесь.

Радист Раков, сидя за пультом в приличном подпитии, налил из заварочного чайника четверть стакана и пробурчал:

— Тебе не предлагаю.

Он одним глотком осушил стакан.

— В труппе семьдесят дармоедов, а никто не сыграет... Я всем говорю...

— На, закури. — Володя протянул пачку «Мальборо».

— В смысле помолчать? О-о-о! Американские?! Я две возьму.

— Я тебе возьму. — Высоцкий убрал пачку, отдав одну сигарету, вышел из радиорубки и направился на служебную половину.

Он подошел к двери с надписью «Директор театра народный артист РСФСР Корниенко Алексей Фомич».

Фомича Володя любил. Его все любили. Посмеивались, разыгрывали, но любили. Как бывший актер, он только играл роль директора, оставаясь членом актерского братства. Когда молодые актеры, пришедшие в театр на Таганке вместе с шефом, стали потихоньку выходить в люди — сниматься в кино, получать звания, появляться на эстраде, — почти все, за редким исключением, тащили за собой Фомича на небольшие роли в кино или на халтуру. Фомич, конечно, ворчал: «Куда меня? Я же не актер уже давно...» — но брался за любую актерскую чепуху. Любил он это дело. И актеров любил. Выбивал им квартиры, добивался путевок, премий квартальных. Володю же просто любил почти как сына. Иногда доходило до неловкости. Звания у Володи не было, а Фомич его на гастролях в люкс селил — как народного. Народных в театре не было, но заслуженные имелись — и обижались. Иногда, конечно, Фомич ругался и был несносен. Пилит, укорял, воспитывал, но все равно как-то по-родственному.

Короче, проблем с характеристикой на выезд во Францию не будет.

Рядом с кабинетом секретарь Маша подпиливала сломанный ноготь.

— Занят! Туда нельзя...

— Машуля! Ты знаешь, что ты красавица?

— Тоже скажете. — Машуля зарделась и кокетливо повторила: — Он занят.

Фомич завел себе секретаршу Машулю, чью-то родственницу, молодую, симпатичную, но ленивую. Она могла часами не брать трубку телефона, и Фомич

брал сам. Могла месяцами не выполнять поручения своего патрона, и это сходило ей с рук. Однажды Фомич велел ей встать на вахте и фиксировать приход на работу сотрудников. Началась борьба за дисциплину. А Машуля сама не пришла. Ни больничного листа, ни объяснений... Фомич и это стерпел. Он запрещал актерам кокетничать с Машулей. Словом, опекал как родную дочь.

Несмотря на запрет, Володя постучал в закрытую дверь. Оттуда послышалось: «Да!»

Володя вошел в кабинет. Фомич обедал. Перед ним стоял поднос с дымящимся супом, с гречневой кашей с котлетами и компотом из сухофруктов.

— Приятного аппетита, Алексей Фомич! Вызывали?

— Я? — удивился директор. — Вы же в больнице...

— Пришлось выписаться. Мне слишком нужно в Париж.

— Владимир, я в очень сложном положении, — замылся Фомич. — То есть, конечно, я обещал, я не отказываюсь... Но вчера было собрание, и... Одним словом, все проголосовали за ваше увольнение из театра.

— Вот это номер! — искренне удивился Володя. — Я уволен? А в чем дело?

— Владимир! Вы то есть, то вас нет... Театр в очень сложном положении. Идут вводы. — Алексею Фомичу явно трудно было это говорить.

Высоцкий не на шутку разозлился:

— Ну да... Мне нужно чуть больше времени, чуть больше свободы.

— Это я очень хорошо понимаю, зачем вам нужно время, — обиженно произнес Фомич. — Сей-

час — на чёс? Я правильно понимаю? В Узбекистан?

— Вы неправильно понимаете. Я никуда не еду.

— А мне говорили... Тогда я вообще не понимаю.

— Мне нужно работать! — доверительно произнес Володя. — Мне просто нужно работать.

— Так работайте! — так же доверительно ответил директор, — Кто ж вам не дает? Вы же не работаете!

— Я имею в виду другую работу.

— Ах, вы про это... Вы — артист! Вы большой артист! Но то, что вы изволите называть работой... — Алексей Фомич стал подыскивать подходящее слово.

— Я... — Высоцкий резко поднял тон разговора, — называю работой...

— Не надо на меня кричать! Я все слышу. Конечно! Поэзия, работа над словом, так сказать.... Но какой вы поэт? Я тоже иногда пишу. Но это же не значит, что я писатель. Я директор театра, а вы актер этого театра. Вот наша с вами работа.

— Если я артист этого театра, — Володя улыбнулся, — то дайте мне характеристику для выезда.

Фомич встал и торжественно произнес:

— В данный момент это невозможно, я очень сожалею!

Володя вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь.

— Машуля, напечатай мне характеристику. Текст стандартный, число сегодняшнее.

— А подпись чья?

— Фомича.

— Не подпишет.

— Ты напечатай.

Машуля пожала плечами, заправила в машинку два листа, проложенных копиркой, и застучала по клавишам: «ХА-РА-КТЕ-РИ-СТИ-КА».

* * *

Володя направился в курилку. Дымили все, несмотря на запрет шефа. При появлении Высоцкого стихли. Юра, который сидел чуть в стороне, встал и даже поклонился, не вынимая сигареты изо рта.

— Привет. — Володя подошел к доске приказов, нашел распоряжение по противопожарной безопасности, подписанное Корниенко, снял его и, выходя, обратился к Юре:

— Можно тебя на минуту?

Юра покорно двинулся за ним. Они вышли в актерское фойе.

— К другому бы не подошел, а у тебя хочу, чтоб получилось. Я сам знаешь сколько с этим Хлопушей мучился? Тут надо... Вот правильно, что куришь. Загоняй себя! Пусть шеф тебя топчет. И когда поймешь: все, больше не могу — прыгай вперед, как с пятого этажа. Толкайся и лети! Не думай, что ребята тебя поймают. Это их дело. Меня пару раз не поймали.

— И что? — Юра замороженно глядел на Высоцкого.

— Летел. Иди. Перерыв закончился.

Юра задумчиво поплелся на сцену и перед дверью оглянулся.

— Владимир Семенович! Я вчера на собрании... я просто не знал, как надо. Извините!

— Не о том думаешь. Роль сыграй.

В приемной Володя положил свежееотпечатанную характеристику на стол. Накрыл ее листом копирки, аккуратно пристроил сверху пожарный приказ. Плетенной ручкой обвел подпись Корниенко, затем взял в руки характеристику. Скопированная подпись смотрелась как родная.

— Талантливо! — он подмигнул, застывшей с открытым ртом Машуле.

* * *

...Резко рванув, «мерседес» оставил клуб пыли у входа в театр. Мужики в пивной активно закачали головами: «Во! Наш орел полетел!»

Глава пятая
СЕРЫЙ ПИДЖАК

В здании ОВИРа зал для получения паспортов и виз был переполнен. Высоцкий сел в отдалении, написав на руке номер своей очереди — 39. Ждать нужно было не меньше двух часов. Володя тоскливо оглядел душное помещение и собрался было выйти на улицу покурить, как вдруг распахнулась дверь и его окликнула пожилая паспортистка:

— Владимир Семенович! Пройдите, пожалуйста! Очередь неодобрительно загудела.

— Тут у вас какая-то неточность в анкете. Вас просят зайти.

— Кто просит? — Володя вошел в длинный коридор вслед за женщиной.

Паспортистка скользнула в одну из дверей:

— Сюда, пожалуйста.

Она пропустила Высоцкого в небольшую комнату, где кроме стола и двух стульев ничего и никого не было. Окно было занавешено. Сзади послышался какой-то шорох, и Володя оглянулся. Перед ним стоял мужчина лет пятидесяти в сером пиджаке.

— Владимир! А мне говорят, что он в очереди стоит. — Мужчина радушно протянул руку. — Привет!

— Здравствуйте.

— Мы чего же с тобой на «вы»? Садись. Сейчас чай принесут, садись, я прошу тебя.

Действительно вернулась паспортистка и принесла чашки и вазочку с печеньем.

Володя сел на один из стульев.

— Я принес характеристику с места работы, а мне говорят: какие-то проблемы с анкетой.

— О! Все про всех всё знают! Режимное предприятие! Давай свою характеристику.

Мужчина в сером ухмыльнулся и расшнуровал папку с документами. Высоцкий заметил в ней бланк загранпаспорта и несколько исписанных листов.

— Это твое заявление на выезд и анкета. — Он вынул из папки два листа. — Рву при тебе, — порвал их и бросил в корзину для мусора.

Володя опешил.

— На машинке теперь требуют... Я перепечатал. Подписывай тут и тут. И здесь еще.

Володя пробежал глазами по бумаге и расписался в указанном месте.

Серый пиджак положил перед ним совершенно чистый лист бумаги.

— Подпиши.

Володя удивленно поднял брови.

— Жене на день рождения напиши два слова. Я вас знакомил. Ты уж и не помнишь, наверное.

Володя все прекрасно помнил, но сблизиться с этим человеком ему не хотелось.

— Почему же! Оксана. В ВТО мы сидели. Ты бы сказал, я бы подарок какой-нибудь придумал.

— Просто поздравь, ей будет приятно. Ну и память у тебя...

Володя повертел в руках больничную ручку, соображая, что бы написать.

— Чувствую, после того, что скажу, тебя как товарища потеряю, — продолжал чиновник, пока Володя писал. — Вчера по Ижевским концертам вашим двоих арестовали, оба сдают тебя. Думают, ты их вытащишь. Круто сдают.

Володя оторвался от листка.

— Говорят, если бы не Высоцкий, не было бы ни билетов фальшивых, ни концертов левых. Так что твоя поездка в Париж может расцениваться как попытка укрыться от следствия!

— И что делать?

— Не наживать себе новых неприятностей. — Серый пиджак вальяжно откинулся на спинку стула. — В Узбекистан ехать не надо, наверное... Воздержись от концертов. Тем более от левых. Хотя бы на год.

— А жить как? — Володя не мог понять, куда движется разговор. Уже в третий раз за день ему напоминали об Узбекистане.

— Компенсируем! — Серый пиджак придвинулся ближе к столу и продолжил деловым тоном: — Не прогадаешь! На «Мелодии» две пластинки твои уже несколько лет не издают... Как шарахнем миллиона полтора — вот тебе деньги! Подготовь что-нибудь к печати... Напечатаем. А эта партизанщина плохо кончится. Ты поешь нелитованные песни? Поешь. И говоришь бог знает что на концертах. Это же разлетается по всей стране. «Голоса» тебя крутят все чаще.

Серый пиджак снова откинулся на спинку.

— Время изменилось, Володя! Олимпиада на носу... Все напряжены. Мы сейчас со многими беседуем...

— У нас официальная беседа? — Володя встал.

— В общем да. Ты под следствием. Сегодня-завтра возьмут с тебя подписку о невыезде — и все!

— Тогда присылайте повестку.

— Тебе загранпаспорт больше не нужен? — Серый пиджак подошел к Володе. — Володя, ты реально перестал чувствовать. Сейчас любой следователь в провинции тебя прихлопнет, и никто не вступится.

Володя развернулся лицом к чиновнику и отчетливо произнес:

— Никто меня не тронет. Поэтому ребят запирают, а меня нет. И паспорт выдают. И о неприятностях предупреждают.

— Паспорт, между прочим, тебе не отдают, — не унимался чиновник. — Анкету и заявление твое я, конечно, приложу к делу прямо сейчас, но нужны еще визы и МВД, и комитета. А будут они теперь визировать? Я не знаю. — Серый пиджак дружески положил руку на плечо Высоцкого. — Володь, не провоцируй!

— Я не провоцирую! — мрачно ответил Володя.

— Весь Узбекистан обклеен афишами. Все билеты уже проданы...

— В Узбекистан я не еду, — оборвал его Высоцкий. — Я еду в Париж!

— Вот это хорошо! Приходи послезавтра, я думаю, все будет готово. И спасибо тебе!

— За что? — не понял Володя.

— За понимание.

Остаток дня Володя не мог избавиться от неприятного ощущения после разговора в ОВИРе. Под вечер ныло сердце, болела голова. «Как же его имя?» — он все не мог припомнить имени этого серого чиновника из ОВИРа. Жену, как это ни странно, вспомнил сразу же, а вот его... Уж больно неприятная личность. Всегда норовит прилюдно обняться, как будто они старые знакомые...

«Мерседес» летел по пустой ночной Москве, не обращая внимания на светофоры. Проносясь мимо поста ГАИ, «мерседес» проскочил на красный свет. Сзади раздался свист постового. И тотчас вслед за нарушителем помчался старенький мотоцикл «Урал». «Мерседес» выехал на набережную возле Кремля и только здесь сбросил немного скорость.

В зеркале заднего вида замаячил желтый мотоцикл. Погоня началась. Володя улыбнулся — это его забавляло. Он вывернул на Садовое кольцо и до упора нажал на педаль газа. Стрелка спидометра запрыгала вокруг отметки «сто сорок».

— Ну и где же ты? — спросил Володя у зеркала.

Притормозив у высотки на Красной Пресне, «мерседес» резко развернулся, пересек сплошную линию и рванул на брусчатку в сторону зоопарка. Попетляв немного по переулкам, он аккуратно встал напротив разрушенного католического храма.

Выйдя из машины, Володя услышал кашель приближающегося мотоцикла и прищурился от одинокой фары.

Мотоцикл встал вплотную к бамперу. Инспектор нарочито медленно стянул с себя краги и шлем и слез с мотоцикла. Двигатель глушить не стал.

— Старшина Улыбкин! — представился он, — Ваши права, пожалуйста, и документы на транспортное средство.

— Я что-нибудь нарушил?

Улыбкин ошарашенно взглянул на Высоцкого:

— Да! Вы превысили допустимую скорость... вы проехали на запрещающий сигнал светофора... вы пересекли сплошную...

— Слушай, старшина! Город пустой, задумался я... Ну извини. — Высоцкий протянул документы.

— О! У вас уже две дырки? Придется права задержать. — Старшина неторопливо обошел «мерседес».

— Старшина, ну что ты, в самом деле? Мне же завтра права вернут. А над тобой все смеяться будут..

— Смеяться будут не надо мной, а над законом. Я выполняю свою работу.

Улыбкин достал из планшетки пачку протоколов и стал заполнять один из них.

— Ладно, — выдохнул Высоцкий, — валяй! Двигатель только заглуши — люди спят.

— Номера я тоже сниму, — произнес старшина, не отрываясь от протокола.

— Делай как полагается. — Володя взглянул исподлобья на Улыбкина, подошел к мотоциклу и повернул ключ зажигания. Кашлянув напоследок, мотоцикл заглох.

Улыбкин не верил своим глазам:

— Он же не заведется теперь.

— Толкну — уедешь. Работай — я тороплюсь.

Улыбкин растерянно смотрел то на Высоцкого, то на мотоцикл.

— Как же теперь-то? Если я права заберу — вы же меня толкать не станете.

— Почему? По закону водитель обязан помогать инспектору.

— Да? — совсем растерялся старшина. — Нехорошо получится.

— Зато по закону.

— Вообще-то я могу ограничиться устным предупреждением, — неуверенно предложил Улыбкин. — Имею такое право.

Володя не смог сдержать улыбку.

— Попробуй.

Улыбкин официальным тоном отчеканил:

— Пожалуйста, Владимир Семенович, больше не нарушайте. Возьмите! — он протянул документы Высоцкому, надел шлем и краги, оседлал мотоцикл. — Ну, давайте?

Высоцкий уперся в коляску, и они медленно покатались по улице.

— Как же ты меня на такой колымаге догнал-то? — спросил Высоцкий, справляясь с дыханием.

— Так я же понял, что вы домой возвращаетесь. Грузинская, двадцать восемь, каждый постовой знает.

— Учту.

Мотоцикл зарычал и помчался, отстреливаясь выхлопной трубой. Володя пошел к подъезду, однако Улыбкин развернулся и подъехал к нему.

— Что-то еще, старшина?

— Да нет. Вроде все в порядке. Просто на живого на вас посмотреть. Извините.

— А чего на меня смотреть? Меня слушать надо. Сейчас, погоди.

Высоцкий открыл машину и достал из магнитофона кассету.

— На! Держи. — Он протянул кассету Улыбкину.

Обалдевший старшина взял кассету и, лишь отъехав метров десять, притормозил и крикнул:

— Спасибо, Владимир Семенович!

Высоцкий, махнув рукой, направился к дому.

Возле подъезда стояла машина скорой помощи.

— О! В тридцатой опять шалман собрался! — отсыревшим голосом пробубнила консьержка.

— Продолжайте наблюдение! — заговорщицки ответил Володя и нажал кнопку лифта.

«Кто ж мог прийти кроме Татьяны?» — недоумевал он, поднимаясь на лифте.

28 июля 1980 года

Сразу несколько человек сжалились и, чтобы она не рыдала, дали успокоительного. Причем давали кто по две таблетки, кто по три: седуксен, димедрол, элениум. Татьяна не спала несколько суток. Пыталась заснуть, но от такого количества снотворного пришла в возбуждение. Голова — как воздушный шар. Ей казалось, что она не дышит, а хрипит на весь дом. Скрип дивана — словно ломающееся дерево. Сил не оставалось даже крикнуть. А крикнула бы — все равно никто не придет. Всё. Его нет. А больше не нужен никто. Никто.

Руки не слушались. Подобранный вчера котенок топал и громыхал на кухне, потом улегся и захрапел. Нет, это кажется. Он маленький. Тень метнулась через всю комнату, и котенок лизнул упавшую на пол руку.

— Не бойся, маленький. Со мной все хорошо. Не бойся!

* * *

Весь день — в театре, на кладбище и потом около подъезда — она пряталась. К ней подходили, что-то говорили, но сразу же спешили к тем, с кем

можно было горевать открыто. Целовать его ледяной лоб. Плакать. Произносить слова соболезнования.

Она даже не купила цветы. У нее не было повода подойти к гробу. Кто-то из знакомых взял ее за руку, отдал свой букет и повел, приговаривая: «Иди! Сейчас унесут». Она вырвалась — ей нельзя! Теперь он принадлежит другим. Плохим ли, хорошим, но другим. А у нее — свой Володя... И его уже нет — он ушел от нее. А этот — пусть с ними...

Несколько раз подкатывала такая тоска, что она выла в голос. На нее оборачивались, успокаивали, давали воды и таблетки...

* * *

Примерно в это же время, в конце июля, год назад, неожиданно позвонил Паша Леонидов и велел приехать на Грузинскую и привезти продуктов. Володя ушел из больницы.

Татьяна весь день прибиралась, готовила еду, стирала. Хоть Володи не было всего дней пять, соскучилась ужасно. Она хотела навестить его в больнице, но Володя запретил. То ли стеснялся ее, то ли не хотел, чтобы она видела, как он мучается, какой он слабый и небритый.

И вот когда все было прибрано, приготовлено и выглажено — тут-то все и началось. Сначала условный сигнал: один звонок по телефону и тишина, а через минуту нормальный звонок. Мол, свои — бери! Татьяна взяла трубку — там гудки.

Через полчаса в дверь вошли Володина мама и отец. Ну, с мамой она хоть немного, но была зна-

кома, а вот отец... Он с порога рывкнул: «Кто такая? Почему в доме?» — и сразу на «ты»: «Давай чаю, что ли, если уж ты здесь...»

Родители были в разводе уже лет тридцать пять, говорил Володя, но созванивались по пять раз в день. Отец, полковник в отставке, работает на почтамте. Мать — тихая, но временами жесткая. Татьяну она игнорировала — даже не здоровалась. У нее был свой ключ, и за порядком она следила строго. Таня пробовала было сблизиться, но та отрезала: «Я не ваша свекровь — я Володина мать!» И стала перемывать за Таней посуду.

Почти сразу же за родителями явилась бригада скорой помощи и знакомый врач Евгений Борисович, которого Татьяна видела как-то в театре на «Гамлете». Они стали шептаться в гостиной, а ее попросили сделать еще чаю, лишь бы не мешала. Володи все не было. Пришел Паша. Посидел в гостиной, зашел на кухню.

— Зачем ты ихпустила? — спросил он у Тани.

— Я? У мамы же свой ключ.

— Ключ... Надо было на «собачку» закрыть. Ладно. Сейчас начнется... веселье.

— А что они хотят?

— Здесь все хотят одного и того же — Володю. — Паша вышел, хлопнув дверью.

* * *

Таня взяла блюдо с бутербродами и направилась в гостиную. Там уже все бурлило и кипело.

Паша сидел в кресле, схватившись за голову. Тихие поначалу санитары готовы были сорваться

с места в любой момент. Володина мама плакала. Таня остановилась посреди комнаты, боясь даже предложить бутерброды.

Показывая на бумаги, лежавшие на невысоком журнальном столике среди тарелок и чашек, Евгений Борисович почти кричал:

— Это можете сделать только вы! Надо просто его спасти. Сейчас! А потом уже думать: простит — не простит. Дайте нам возможность помочь ему.

Семен Владимирович разглядывал бумаги — два желтых листка с напечатанным текстом.

И тут открылась дверь, и вошел Володя.

— Ничего себе компания! — Он улыбнулся Татьяне и весело оглядел присутствующих.

Его появление вызвало небольшое замешательство, как будто он застал всех за чем-то неприличным. Пауза явно затянулась. Семен Владимирович, оторвавшийся было от чтения, снова наклонился к столику и заворчал:

— Вот так, сынуля. Дожили мы с матерью. Спасибо тебе. — Он щелкнул авторучкой: — Где подписать?

Евгений Борисович указал:

— Сначала вот тут — фамилию, имя, отчество, паспортные данные, а подпись и число — вот здесь.

Он вдруг стал говорить очень тихо, как будто в комнате, кроме него и Семена Владимировича, никого не было.

— Что ты пишешь? — Володя шагнул к столу.

Трое санитаров вскочили: один подошел к двери, двое других встали чуть сзади Володи.

— Это согласие на вашу госпитализацию. Принудительную, — отчеканил Евгений Борисович.

Стоявший рядом с Высоцким санитар аккуратно взял Володю под локоть и забасил:

— Володь, сейчас наколем тебя, заснешь — и обратно к нам, в «Склиф». Подержим тебя на аппарате, почистим кровь, ну и денечка через три — к Евгению Борисовичу.

— Нет уж, теперь в госпиталь МВД. Там работают мои ученики. И оттуда нельзя сбежать. Извините. — Евгений Борисович горько улыбнулся.

Татьяна увидела, как один из санитаров открыл медицинский чемоданчик и начал набирать лекарство в шприц.

— А я-то думаю: к кому скорая? Вязать меня будете, Лень? — Володя недобро посмотрел на санитаря, который не выпускал его и не ослаблял хватки.

— Может, ты лучше сам? — примирительно ответил тот.

— Я тоже надеюсь, что нам не придется прибегать к крайним мерам, — добавил Евгений Борисович.

— А-а-а... Так это, значит, не крайняя мера? Ввалиться ко мне в дом, застращать пожилых людей, вызвать Леню с ребятами... Это плановое такое мероприятие? — Володя весь трясся, но говорил спокойно.

— Наверное, это нарушение врачебной этики, — смутился Евгений Борисович.

— Наверное?..

— Володя, может, ты послушаешься их? — осторожно вступила мать.

— Прекрати, Нина! — взорвался Семен Владимирович. — Когда он кого-то слушался? Собери ему вещи с собой. Ты сам еще спасибо скажешь, —

добавил он, обращаясь к сыну и снова решительно склонился над бумагой.

— А если я в больнице окочурюсь? — прищурился Высоцкий.

— Как это? — Семен Владимирович беспомощно завертел головой. — Он что? Может и в больнице?.. Как же, Евгений Борисович?..

— Гарантий никаких никто вам не даст, но так хоть есть шанс.

Володя едва сдерживался, чтоб не перейти на крик:

— Папа... Мамуля... Это безумие... Я двадцать лет слышу: вот сейчас помрешь, вот прямо сейчас! Мне что, сдохнуть, чтобы успокоить всех?

— Прекрати, Володя, не надо. — Нина Максимовна всхлипнула.

— Что «не надо»? Ну, подлечите вы меня, выйду я через месяц, это же не я буду! С чужой кровью... Больше двух килограмм не поднимать! Всего бояться... Что я буду делать?

Семен Владимирович тяжело поднялся, держа в руках бумагу.

— Пойдем, Нина. Пусть сами разбираются. — Он подошел к сыну, протянул ему подписанный бланк согласия. — Твоя жизнь. — И направился к двери.

Володя двинулся вслед за отцом.

— Я разберусь. Спасибо, пап, возьми такси. — Он протянул отцу деньги.

— На такси у меня самого есть.

— Извини.

— Что прикажешь делать с твоими извинениями? Солить?

Семен Владимирович нажал кнопку лифта. Нина Максимовна задержалась возле входной двери.

— Володя, я там котлетки принесла, еще кое-что вкусненькое. — Она поцеловала сына. — Эта твоя, Таня, она хоть скорую вызвать может?

— Мамочка, не волнуйся.

Дверь лифта за родителями закрылась.

— Мы тоже поехали. — Санитары прихватили с подноса несколько бутербродов и поплелись из квартиры. — Через сорок минут смена. Всего доброго, Евгений Борисович. Счастливо, Володя.

Выпустив их, Володя снял туфли, надел тапки.

Евгений Борисович сидел на прежнем месте и явно не собирался никуда уходить. Паша встал, как бы приглашая его к выходу. Евгений Борисович продолжал сидеть.

— Я отвечаю за каждое свое слово. У вас предынфарктное состояние. — Он обращался только к Володе и говорил медленно и тихо, как будто что-то диктовал. — Шумы, аритмия, изношенная задняя стенка. Все это на фоне, извините, постоянного медикаментозного допинга. Вы понимаете, о чем я? Ваш товарищ, — он указал на Леонидова, — обмолвился сейчас, что вы собираетесь на гастроли в Узбекистан. Жара, концерты, перелет. Вы просто не вернетесь отсюда. — И только высказавшись, он встал и, медленно проходя к двери, бросил: — Что мог, я сделал.

Глава седьмая
«ВСЕ ТАК, КАК ДОЛЖНО БЫТЬ»

Володя закурил и вышел на балкон. Он увидел медленно бредущих от подъезда родителей. Их обогнала скорая, сорвавшаяся с места со включенной мигалкой. Затем из подъезда быстро вышел Евгений Борисович и направился к новеньким «Жигулям».

Володя нервно передернул плечами и затаился. Он почувствовал, что его знобит, хотя вечер был теплый.

На балконе появился Леонидов со сковородкой котлет. Он с аппетитом надкусил одну и довольно причмокнул.

— Володь, я им про Узбекистан сказал, чтобы отстали. Чтобы поняли — не можешь ты сейчас в больницу, — начал Паша. — Ну и Фридман звонил при них раз пять, прям плакал. Говорил, если не приедем, кирдык ему. Предлагал, только не падай, четыреста пятьдесят — только тебе! Ну и нам удваивал. Я тебя не уговариваю. Просто было бы странно, если бы он звонил, а я тебе не сказал...

— Ты слышал, что в Ижевске арестовали кого-то после наших выступлений? — перебил его Володя.

Паша удивленно вскинул брови:

— Не бери в голову, они сами подставились. Нас это не касается. Нигде ни подписей... ничего. Я же не дурак.

— Я разве сказал, что ты дурак? Я сказал: «Люди сидят». — Володя вернулся в комнату.

На кухне уже несколько минут свистел чайник, раковина была полна посуды, стол тоже заставлен грязными тарелками и чашками. Татьяна сидела на лавке спиной к плите. Володя несколько секунд постоял на пороге кухни, затем снял чайник и ласково начал:

— Он прекрасный врач. Я сам надеялся больше вас всех, но не получилось у него... со мной... — Володя выбросил в ведро под раковиной скомканный бланк. — И он это знает, и я. Вот он всех собрал и давай страшить. — Володя подбирал слова, стараясь говорить весело и беззаботно. — Я — его творческая неудача. Понимаешь?

Он заметил, что Таня прячет лицо, и попытался развернуть ее к себе. Она беззвучно плакала.

— Ты чего?

— Воды горячей нет.

— Танюш, ты из-за этого?

Он указал на гору посуды, взял первую попавшуюся тарелку, вытащил из-под раковины помойное ведро и бросил в него тарелку. Затем сгреб со стола чашки — тоже в ведро. Стал хватать грязную посуду и беспорядочно швырять в мусор. Посуды было много, вся она не помещалась, и он начал давить ее ногой.

Таня поняла: происходит что-то неладное.

— Перестань, порежешься.

— А? Да.

Володя схватил топорик для отбивания мяса и принялся колотить им по посуде — в ведре, в раковине, на столе. Осколки разлетались по всей кухне. С Татьяны спало оцепенение, она вскочила и попыталась забрать топорик, но, поняв, что это невозможно, обхватила Володю обеими руками, мешая ему крошить посуду.

— Володя, остановись! Володя!.. — закричала Таня. — Паша!

А Володя все топтал посуду, не обращая внимания на Танин крик.

— Из-за этой ерунды...

Вбежал Леонидов со сковородкой в руке.

— Вы чего? — растерянно спросил он, озирая разгром.

— На счастье, — задыхаясь, ответил Володя и упал на лавку.

Не успел он перевести дыхание, как зазвонил телефон.

— Фридман опять. Будешь говорить? — Паша поставил сковородку на плиту.

— Скажи, меня нет, извинись...

— Ну да, поверит он мне — тебя нет, — пробубнил Паша, доедая на ходу остатки котлеты. — Подвели мы людей!

Татьяна прикрыла дверь, взялась собирать осколки.

— Если бы я была твоим отцом, я бы подписала...

В дверном проеме возник Леонидов с телефонным аппаратом в руках, протянул трубку Володе:

— Возьми.

— Я же сказал: меня нет.

— Возьми. Париж, — немного помявшись, добавил Леонидов.

Володя мгновенно подобрался. Он ждал этого звонка последние несколько дней. Ему следовало объясниться с женой. Сказать ей, зачем он срочно летит в Париж. Он легко поднялся, забрал телефон у Леонидова и вышел в гостиную. В кухню доносились обрывки разговора. Леонидов вытянул шею и прислушался. Он тоже ждал этого звонка.

— Алле... Здравствуй, родная... Только-только вошел... Как у вас? Как ты?.. Ну конечно соскучился... Да, я люблю тебя... Еще раз?.. Как?.. Громче? Я люблю тебя... Да ты что!

Татьяна резко закрыла кухонную дверь и нарочно шумно, чтобы Паша не смог разобрать ни одного Володиного слова, стала подметать разбитую посуду. Леонидов от досады скрипнул зубами:

— Не могу, какие же деньги уходят!

— Сволочь... — прошипела Татьяна.

— Что?!

— Доишь его, доишь!.. Когда же тебе хватит?

Паша внимательно посмотрел на Татьяну.

— О, что я слышу? Ты рот начала открывать... Запомни, ты здесь никто...

Татьяна, резко развернувшись, запустила намыленной губкой в Леонидова. Тот едва успел закрыться руками и в полном изумлении прошептал, обтирая лицо:

— Соплячка.

Он поднял губку, медленно подошел к Тане и с демонстративной аккуратностью положил губку в раковину.

— А с кем это он разговаривает? Ты случайно не знаешь?

Татьяна молчала.

— А куда это он собрался? Правильно. В Париж. «Оу! Шанз-Элизе!» — вдруг запел Паша и, изобразив руками крылья самолета, «полетел» из кухни.

У двери он обернулся. Татьяна стояла на том же месте с веником в руках, готовая разрыдаться.

— Не отвлекайтесь, девушка. Подметайте.

Войдя в гостиную, он с удивлением обнаружил, что там никого нет. Трубка лежала рядом с аппаратом, из нее слышались короткие гудки. Паша положил трубку на рычаг и огляделся. Володина куртка висела на вешалке.

Он открыл двери в туалет и ванную — Володи не было. В спальне горел свет, но тоже пусто. Дверь в кабинет была закрыта. Паша толкнул ее — темно. На ощупь он подобрался к столу и включил настольную лампу. Володя лежал на небольшой кушетке, отвернувшись к стене.

— Володя! Володя, тебе плохо?

— Хорошо.

Паша облегченно вздохнул и уселся в кресло.

— Ну что, поговорили?

— Да. — Володя не поворачивался.

— Ты сказал ей?

— Не смог.

— Погоди, как это — «не смог»? Она же тебе больницу должна устроить! Как же она это сделает, если ты ей ничего не сказал?

Паша озадаченно разглядывал Володин затылок.

— Ладно... — задумчиво произнес он. — Я сам с ней поговорю, если ты не можешь. Завтра позвоню и... Делов-то...

— Я не поеду.

Володя сел на кушетке.

Паша не верил своим ушам. Он встал, прошелся по кабинету, опять сел, ожидая объяснений. Володя не моргая смотрел перед собой. Зазвонил телефон. Володя снова лег и накрылся пледом.

— Меня — нет.

Паша давно привык к Володиным фокусам. У того могло измениться настроение за одно мгновение. Могли стремительно возникнуть новые планы. Однако сейчас Пашу просто взбесил Володин тон. Володя не только не извинился, не посоветовался, ничего не объяснил — он попросту отмахнулся от Паши. И особенно это последнее: «Меня — нет!» Так даже с денщиками не разговаривают, тем более с друзьями, тем более с ним, с Пашей, который... А, ладно!

Паша подошел к телефону, надрывающемуся междугородними длинными звонками. «Опять изворачиваться? Врать? А ради чего? Понятно, если ради работы, ради его здоровья, ради заработка... А сейчас-то зачем? Ведь он даже не сказал: „Возьми трубку“ или: „Ответь, Паша“... Нет! „Меня — нет“».

Паша схватил аппарат и поставил его на кровать прямо перед лицом Володи.

— Наверняка Фридман. Сам с ним разговаривай! Надоело! «Буду — не буду! Еду — не еду!» Мы все отменили, мы людей подвели! Я неделю с твоими документами бегал, только чтобы ты лечиться поехал! Что?! Все псу под хвост?! А знаешь что? Ищи себе кого-нибудь другого — я не буду с тобой больше работать!

— Паша! — Володя попытался прервать Пашину тираду.

— Что — «Паша»? Ну Паша! А это, — он указал на надрывающийся аппарат, — Леня! Он теперь десять лет не отмоеся. Что я ему скажу?

— Скажи, что едем.

Паша замер. Ему стало мучительно стыдно. Как он мог? Володя отказался лечиться, чтобы работать. Это его главное лекарство. Панацея от всех бед. Его броня. Работа! Как Паша смел даже подумать плохо о Володе? Орать и не дослушать самого главного? Едем! — вот что главное. Конечно, конечно едем! Паша схватил трубку.

— Да-да, соединяйте! — Он закричал, как будто хотел докричаться до другого берега реки. — Алло, Ленья! Ну что тебе сказать... Володя согласен!

Из трубки донесся странный звук: не то кашель, не то ворчание.

— Делаем все так, как договорились.

На некоторое время трубка замерла, затем разразилась длинным монологом. Паша только периодически поддакивал.

В кабинет вошла Татьяна. Она села на корточки перед Володей. Подоткнула плед, чтобы ему было теплее. Взяла его руку. Испугалась — какие холодные у него руки! Стала растирать его ладони, будто он обморожен. Володя вяло улыбнулся:

— Съезжу погреюсь.

— Добился своего Пашка...

— Не знаю, кто чего добился. Все так, как должно быть.

— Я в Узбекистане никогда не была...

Володя нежно обнял Татьяну за плечи:

— Танюша, это же не отдых. Там переезды, жара... Не надо.

Приоткрылась дверь, и в кабинет заглянул Леонидов с зажатой в руке телефонной трубкой.

— Володя! По сколько ставить, по три или по четыре?

— Решайте сами.

Паша, даже не успев снять руку с микрофона трубки, прокричал:

— Ставь по пять.

Трубка опять издала невнятный хрип.

— СТАВЬ ПО ПЯТЬ! — опять закричал Паша. — УСПЕЕШЬ ПРОДАТЬСЯ-ТО?

Он опять прикрыл трубку рукой и перешел на шепот:

— Володя, давай Толика возьмем на всякий пожарный.

— Валяй.

— Значит, гостиница. — Паша опять повысил голос. — Я, Володя, Сева Кулагин и, запиши еще, Анатолий Нефедов. Делать ничего не будет, он Володин врач. Ну не мне же платить. Не жмись. Меня тоже нет на сцене. И не кричи, я тебя хорошо слышу. При встрече, всё при встрече. Не по телефону. Не экономь на спичках. Мы чуть не сгорели. Пока! — Леонидов положил трубку и, потирая руки, вошел в кабинет.

— Володя, я умею работать! Я эти гастроли два месяца готовил. Потом отменил. Это было непросто. А сейчас за пять минут все назад вернул. Фридман счастлив! Вылетаем завтра. В девять заезжай за мной. Я поехал. Ты это, Володь... ты извини меня...

Володя добродушно кивнул.

Леонидов бодро прошел в гостиную, обулся и вышел из квартиры. Вслед за ним выбежала и Татьяна.

— Паша!

— Что «Паша»? Раз уж ты с ним, душой быть нельзя. — Паша нажал кнопку лифта. — Он не просто Во-

лодя. Он актер, он гениальный человек. Ему нужна публика, успех, деньги. Да, деньги, а не сопли твои.

Открылись двери лифта. Леонидов зашел в кабину, нажал кнопку первого этажа.

— Позвони мне, пожалуйста, что у вас все в порядке, — только успела сказать Татьяна.

— Он сам тебе сто раз позвонит. — Дверь лифта захлопнулась, и Леонидов исчез.

Татьяна вернулась в квартиру и увидела странную картину. Володя стоял перед зеркалом в гостиной и тщетно пытался застегнуть джинсы.

— Как же я разжирел! — Он сопел, как ребенок, и, набирая воздух, стягивал на себе пояс. — Как же меня разнесло!

Татьяна прыснула:

— Это мои джинсы. Давай лучше я тебя соберу. Расстегни — порвешь.

Володя послушался. Дышать ему стало легче, но теперь он расстроился еще больше.

— А я смотрю — лежат. Думал, в них на сцену.

Татьяна пошла на кухню, но перед дверью оглянулась. Володя стоял в расстегнутых штанах и хитро улыбался. Татьяна, поняв, что он разыграл ее, подошла к нему, обняла, взлохматила волосы:

— Тебе сколько лет?

— Я тебе письмо написал. Прочтешь, когда уеду.

— Где?

— В кабинете на столе.

— Ага, буду я дожидаться.

Она помчалась в кабинет и увидела на столике лист бумаги, придавленный плетеной ручкой: «Таня! Все будет хорошо! Не сразу, но обязательно. Обещаю!!! Вовка».

июль 1979 года, Ташкент

В кабинете за большим столом для совещаний сидели человек двадцать руководителей различных подразделений КГБ Узбекистана. Вдоль стен на стульях разместились более молодые и подтянутые офицеры. Во главе стола — сам заместитель председателя комитета товарищ Исраилов.

Исраилов, полный пожилой узбек, говорил медленно и тихо, как Сталин, только с узбекским акцентом, не глядя на людей, а лишь изредка вскидывая на них глаза. Трубку ему заменяла толстая золоченая авторучка. Он все время как будто взвешивал ее на ладони или ловко вертел между пальцами.

— Зачем все так сложно? В отчете один концерт, а на самом деле пять. А афиши-мафиши по всему городу? А свидетелей — табуны?

— ...Единственным доказательством реальности концертов являются корешки билетных книжек, которые остаются в кассе после продажи билетов, — объяснил Виктор Михайлович. — Это документы строгой финансовой отчетности.

— Ну и заходи в кассу, бэри их. Чего еще? — Исраилов прокрутил ручку между пальцами.

— Если зайти в кассу и взять — они концерт покажут в отчете, товарищ генерал. Поэтому в конце концерта корешки билетов жгут. Концерт кончился — доказательств, что он был, нет. Нами завербован администратор Ташкентской филармонии. В материалах дела он фигурирует под оперативным именем Сибиряк. Он организовал гастроли Высоцкого.

Он же изымет корешки и передаст нам, а также даст необходимые следствию показания.

— А Сибиряк — это потому, что потом отправится в Сибирь? — Генерал театрально расхохотался, затем, выдержав паузу, грозно посмотрел на одного скучающего сотрудника: — Что? Неинтересно тебе?

Сотрудник встал, вытянувшись.

— Я сказал вставать тебе? Я, по-моему, ничего не сказал! — Генерал швырнул ручку на стол и перешел на крик: — По всей стране ездят! Грабят страну! Дзятэли культуры, пилиять! Если твой рожа известный — дэлай что хочешь? И что, никто не скажет нэт? Поручено нам, а не МВД. Мы еще докажем их бездеятельность... небескорыстную! Всё! Встали, пошли!

Все дружно поднялись и потянулись к выходу.

Дождавшись, когда все выйдут и Михалыч доберется до двери, генерал окликнул его, встал из-за стола и подошел вплотную.

— Слушай, Виктор Михалыч. Мы ж тебя уже в пассив списали. А ты — нэт. Молодэц! Этот гастролер все знают. Знаешь, что будет, если ошибешься? Какие шаги предпримешь — минэ говори сначала.

Михалыч, стоя у дверей, нерешительно принял-ся было снова объяснять свой план действий:

— Сейчас главное — держать всю группу под контролем. Необходимо наружное наблюдение, прослушка, связь...

— Всех бэри. Техников, наружку, оперативников, ни в чем тебе отказа не будет.

— Разрешите выполнять? — выдохнул Бехтеев.

— Иди!

Михалыч развернулся на каблуках и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Он любил свою работу. От рядового до заместителя начальника оперативного управления КГБ по Узбекистану он дослужился за двадцать лет, не миновав ни одной ступени. Он хорошо знал одно: мелочей не бывает. Вернее, вся его работа — это сплошные мелочи, каждая из которых имеет огромное значение. Когда он разрабатывал кого-нибудь, ему неважно было, с кем он имеет дело: с инженером, связанным с секретностью, перебежчиком, националистом или просто инакомыслящим. Он перепроверял рапорты подчиненных, изучал любую полученную оперативным путем информацию, корректировал свои планы и всегда радовался, находя неточность, ошибку или небрежность. В них-то все и дело!

Как-то, работая по наркотикам, он вычислил торговцев по анализам крови. У семи человек из группы подозреваемых были следы наркотиков в крови и моче, а у двух не было. Серьезный торговец, имеющий дело с большими объемами, никогда сам употреблять не станет. А дальше — дело техники. Когда знаешь правду, остается только слегка надавить. Анализы и есть та самая мелочь. Их взяли в специзольяторе, только чтобы выявить заразные болезни. И Михалыч эту мелочь не пропустил. Был лейтенантом — стал старшим лейтенантом.

Как-то, просматривая анкету вновь назначенного председателя профкома авиационного завода, он обратил внимание на то, что тот указал в графе «Знание иностранных языков» английский со словарем и арабский. «Что можно читать на арабском проффор-

гу закрытого завода?» Обыскали квартиру. Нашли целый склад религиозной литературы.

Никакой интуиции — просто внимание к мелочам.

Если бы не угроза отмены гастролей, то по делу Высоцкого—Фридмана пока все шло гладко. Главное было — держать под контролем всю московскую группу. Дождаться, чтобы деньги появились у них, потом дождаться, чтобы местные закрылись документами. И брать всех скопом: москвичей — с деньгами, а местных — с документами. Затем уже начинать допросы: сначала индивидуальные, потом перекрестные.

Уязвимым местом оставалось непредсказуемое поведение самого Высоцкого. Он мог начать отпираться или просто замолчать. Что ему тогда предъявлять? Показания Фридмана? Скажет, что оговор. Не пацан же он. А предъявлять нужно будет записи телефонных разговоров, фотоматериалы с ним же самим, документально зафиксированное количество концертов. Вот тогда он заговорит. А если не заговорит — ему же хуже... Значит, необходимы прослушка и наружное наблюдение.

Михалыч написал заявку и получил подтверждение. А гастроли Высоцкого в Узбекистане по-прежнему оставались под вопросом. И только за час до совещания у Исраилова ему доложили: «Едет!» И еще — что в состав группы включен какой-то Невфедов. Это привлекло внимание Михалыча. Он почувствовал: вот она, мелочь! И может быть, решающая.

Москва, 28 июля 1980 года

Толя не сразу понял, почему на него никто не смотрит и почему никто с ним не разговаривает, как будто и нет его вовсе. Сначала он думал, что завидуют. Ведь это он, Толя, оставался с ним до последнего. «Нет, на зависть не похоже...» Все шарахались от него, как от прокаженного.

Никто из Володиных друзей его, Толика Нефедова, и при жизни-то Володи за человека не считал. Так, ходит какой-то лекарь-аптекарь. Мирились, как с неизбежностью. Кто-то ведь должен был делать то, что делал он. И рисковать, и брать ответственность на себя, и с того света вытаскивать, и «лекарство» доставать. Толя большого уважения к себе и не требовал, но некоторые с ним даже не здоровались.

Вообще, все Володины друзья друг друга недолюбливали. Так уж вышло. Но сейчас, когда Володи не стало, все объединились: никаких больше обид, никаких проблем. Пришли люди, которых сам покойный даже на порог в последние годы не пускал. И только один он, Толик, по-прежнему изгой.

В день похорон ему стало ясно: все винят его в смерти Володи.

Из толпы, окружившей театр, выкрикивали: «А вы где были?», «Как вы допустили?», «Вы ведь его друзья! Что вы наделали?!». Толя поднял глаза и увидел — все смотрят на него. Не те, кто кричал, а те, кому кричали.

Он вошел в неосвещенное фойе, обвел глазами собравшихся. А они отворачивались или же упирались взглядом в переносицу.

«Кто и где был — не знаю. А я был рядом. Куда смотрел? Да туда же, куда и вы все, — себе под ноги. А что было делать? Как помочь человеку, который не хочет, чтобы ему помогали? Да нет... Хочет. Но еще больше хочет чего-то еще... Неизвестно чего. Чего сам не знает. Чего нет вообще».

Он, Толя Нефедов, до конца жизни будет гордиться, что это он был с Володей при последнем его вздохе. Дата историческая — 25 июля 1980 года. «А вы, крикуны, где были?»

— Ты тоже считаешь, что я виноват? — спросил он у Паши Леонидова, но тот отвернулся, обратившись к кому-то со словами: «В сторону, в сторону венки. Тут пойдут люди». И растворился в толпе.

Толя скрипнул зубами и пошел курить в зрительский туалет.

«Ничего. Когда-нибудь поймут и спасибо скажут. Сейчас не время. Сейчас надо молчать. Сейчас оправдываться — только хуже делать. Ему и близким. Вон сколько народу! Вся страна! Можно и стерпеть выкрики непонимающих, обезумевших от этой смерти людей. Да. Смерть — так смерть!»

Толя нагляделся на нее за семнадцать лет работы в реанимации. И только сейчас начал ощущать ее как реальность. Она — реальное существо. Она под-

крадывается и вырывает человека из рук его друзей и близких. Она подбирается, когда все расслабятся, когда сон закрывает глаза, когда все вроде бы сделано, чтобы не было ее. Смерть вовсе не черная... Она, как зайчик солнечный, ослепит на мгновение — и все. Поздно! Хватились, а уже кончено!

А ведь Володя ему доверял. Подшучивал, конечно, над дремучестью Толиной, над шутками несмешными, но доверял. Доверял потому, что Толя мог то, чего не могли остальные. И понимал: дело не в медицине, не в диагнозах, дело в чем-то другом. В чем? Толя не мог сформулировать, но чувствовал. Поэтому не причитал, не мучил Володю нравоучениями. Просто делал то, что надо. Доставал «лекарство», выводил из «пике», а главное, был готов. К чему? Сам не знал. Но был готов!

— Почему заснули ученики Иисуса? — Толик обратился к пожилому мужчине, застегивающему штаны. — Рыбаки ведь неделями не спят, когда рыба идет, а половина учеников были рыбаками. — Мужчина застыл в изумлении, глядя на Нефедова через отражение зеркала. — Почему же они спали, когда Он молился? А это не они спали — это «их спали»... Не мы живем жизнь, жизнь живет нас.

Мужчина, закончив мыть руки, ретировался к двери.

— Извините, я не понимаю, — произнес он и вышел.

«Конечно не понимаете... и никогда не поймете!»

Толя уставился на себя в зеркало. Взъерошенный, бледный, с красными слезящимися глазами, как будто после суточного дежурства. Он отвернулся от своего отражения.

А вот Володя — понимал, что Толик знает про него, про его жизнь, про его законы больше других. Володя надеялся на него. Он понимал, что Толя — это только инструмент, скальпель в руках хирурга. А «хирург» взял да и убрал скальпель. Решил — всё! Отключаем от аппарата. Резать не будем. Всё!!!

Уже после Бухары Толя поверил, что получает четкие указания «оттуда» — как помогать, сколько и что колоть, как стабилизировать... Он иногда сам удивлялся — как медик, как профессионал — своим действиям, манипуляциям и препаратам, которыми пользовался. Однако непостижимым образом все получалось.

«Никто бы ничего не смог сделать. Даже иностранцы. Про наших и говорить нечего. Все бы стали лечить советами, против воли запирают, чесать затылок, пугать. А надо было просто доверять ему и интуиции своей. Как в том же Узбекистане».

* * *

июль 1979 года

...Вдруг в отделении — звонок среди ночи. Паша: «Надо ехать в Ташкент с Володей».

«Надо так надо!» Толя даже отпрашиваться с работы не стал. Как будто знал, что вернется через два дня, хотя собирались на неделю.

Договорились встретиться на Бульварном кольце. Толя добрался до места на дежурной машине. Разрешил ребятам сразу не отъезжать, чтобы поглядели на «живого Володю». Ждали минут двадцать. Наконец голубой «мерседес» припарковался возле скорой.

— Таких машин только две в Москве. Одна у Володи, другая у Брежнева. Ладно. Работайте. — Толя снял халат, кинул его внутрь скорой, достал сумку и вразвалочку направился к «мерседесу». Через секунду он уже сидел на заднем сиденье.

— Вот вам жизнь! — едва поздоровавшись, начал он заготовленную заранее историю. — Вызывают. Молодой парень — сильное удушье. Подключаем к аппарату, вентиляция легких, делаем рентген — повреждений никаких! Прощупываю руками трахею — чувствую: какой-то предмет. Смотрю снимок — ничего. Вот тебе раз, думаю. И тут до меня доходит. Не поверите! Чекушка! Пил с горла и уронил, и она там стоит. А на рентгене не видно — она ж стеклянная. Я говорю дежурному: «Режь!» А он боится. Я ору: «Режьте, суки, а то сдохнет!» Ну, в общем, разрезали! Вынули — точно чекушка! Но, правда, не довезли, помер по дороге. — Толя откинулся на сиденье, готовясь насладиться произведенным эффектом.

Повисла пауза.

Сидевший рядом с Володей Леонидов, не оборачиваясь к Нефедову, буркнул:

— Мерзость. Зачем ты это рассказал?

— Ну как? Может, для новой песни сюжет, а, Володь?

— Охренительная песня получится! Видишь, Володь, ты мучаешься, ночами не спишь, а тут Толик минуту в носу поковырял — и песня.

— Что значит — «в носу»? Так все и было, — в голосе Нефедова промелькнула обида.

— Ага, было. Только не шкалик, а бутылка шампанского, — не унимался Леонидов. — Нет! Ведро

с краской. Маляр он был. Полез на лестницу, чихнул... — Леонидов раздражался все больше и больше.

— Не веришь? Да у ребят спроси... Две бригады работало!

— Ага! Сейчас... Ребята!

Вдруг «мерседес» резко затормозил.

— Сейчас вернемся и спросим! — с азартом предложил Володя.

— Мы же опаздываем! — растерянно произнес Леонидов. — Кто ж тебя за язык тянет все время? — Он энергично развернулся к Нефедову.

Толя растерялся.

— Они уже уехали... наверно...

— Уехали? Тогда ладно!

«Мерседес» снова набрал скорость.

— Ты тоже не веришь? — после небольшой паузы спросил Нефедов у Володи.

— Какая разница? История классная. Смерть — она всегда кружит вокруг. А потом — опа! И нету.

— Кого? — не понял Паша.

— Никого.

Паша не нашел в ответе ни юмора, ни смысла. Он озабоченно оглянулся по сторонам, посмотрел на часы.

* * *

По коридорам гостиницы «Зарафшан» шли Михайлыч, Кибилов, двое техников в сопровождении директора гостиницы, женщины лет пятидесяти в красном костюме, и дежурной по этажу. Директриса, перепуганная до обморока, отчитывалась:

— Полу-люксы на третьем э-таже. Там по броне Фридман уже засе-лен и Леонидов Павел. На четвертом Кулагин, Нефедов — простой двухместный. Четыреста одиннадцатый. Ну и люкс, он один у нас. Вот.

Она остановилась возле двери в номер и испуганно взглянула на Михалыча.

— Открывайте... открывайте! — приказал Михалыч.

Дрожащими руками она долго не могла открыть дверь, и помощник Михалыча Кибиров взял у нее ключи и открыл сам.

— Вы можете быть свободны, — сказал Михалыч директорше и вошел в номер. — Ого! Это что ж — на одного? — Он обошел трехкомнатный люкс, наблюдая, как его группа фарширует номер микрофонами.

Техники прошлись по помещениям, заглядывая в спальню и ванную и на ходу распаковывая оборудование.

Михалыч присел в кресло. Он давно прикинул объем работ на все предстоящие гастроли. Нужно было оперативно перекидывать оборудование из одного города в другой. Гастрольная бригада должна была перемещаться по маршруту Бухара–Фергана–Навои–Учкудук–Ташкент. В каких гостиницах забронированы места, известно. Нужно было опережать гастролеров хотя бы на несколько часов.

— Все заведено на коммутатор, — тихо отчитался Кибиров. — Мы этот номер еще в прошлом году оборудовали.

— Хорошо.

Из соседней комнаты послышался голос техника Тимура:

— Виктор Михалыч! Тут кое-где провода целы, но микрофоны оторваны.

— Как — оторваны?

— Они же импортные... Для дома, для семьи, как говорится...

— Найти и вмонтировать.

— Но, Виктор Михалыч...

— Головы поотвинчиваю.

Михалыч вышел из номера, за ним потянулись все остальные. Открывая дверь, Михалыч едва не пришиб директрису.

— Уважаемая! Нам необходимо заселиться. наших сотрудников — двенадцать человек. Плюс я. Счет — на управление.

— Извините, бронь у нас только именная, нужны паспортные данные.

— Не нужны. Селите поштучно. Всё. — Он повернулся к Кибирову. — Работай, а я в аэропорт.

Москва, 28 июля 1980 года

Было уже поздно. Все расходились. Севке не то чтобы не хотелось уходить из Володиной квартиры — просто он не понимал, куда и зачем ему сейчас идти. Он сидел за столом, пил не останавливаясь, ни с кем не разговаривал. Водка не опьянила, а пришибла. Ни одной мысли, ни одного желания. Пустота. Все. Ничего больше не будет. То есть, наверное, будет, но...

Рядом сидел Володин сын. Он тоже молчал. Молчал уже несколько дней. Севе показалось, что надо бы ободрить его.

— У тебя все будет хорошо! — сказал он Никите, потрепав его по голове.

— А давайте за это и выпьем! — подхватил кто-то из присутствующих. — Никита! А ты чем вообще занимаешься?

— Давай за тебя, за Аркашу!

Выпили и поговорили. Что нужно сделать, чтобы детям было хорошо.

— Все сделаем!

— Все будет хорошо. Ну, я, пожалуй, пойду.

— Я тоже...

— И мы тоже пойдем.

Женщины убирали со стола, за которым молча сидели Сева и Никита.

— Ты знаешь, что год назад было то же самое? — вдруг прервал молчание Сева.

Никита кивнул.

«Странно! Откуда ему знать? — подумал Сева. — Хотя Володя мог рассказать. Да нет, никогда бы он не рассказал. А кто-то другой, кто был там — Паша, Таня, — они могли...»

— Я ведь тогда ничего не знал... То есть знал, конечно. Но у него же всегда: «Я в порядке! Я в норме!» Я и верил. А ты?

Никита снова кивнул.

«Чего это я вдруг вспомнил? — задумался Сева. — Ах, да! Ребята, какого-то кагэбэшника выгнали из квартиры. Он же из Узбекистана».

* * *

июль 1979 года

...День не задался с самого утра. Сначала Сева проспал. До рейса два часа, а он еще в постели. По всей квартире разбросаны вещи — следы от вчерашних сборов. Сумка, костюм на вешалке, открытые бельевые ящики.

Собирался в темноте, чтобы никого не разбудить — ни жену, ни маму, ни Юльку.

Долго искал концертные туфли — наверное, мама убрала с зимними вещами в антресоли. Открыл — все посыпалось, и, ясное дело, тут же начался кошмар.

— Кто там? — заголосила жена из своей комнаты.

— Кто там? — эхом отозвалась мама.

— Да спите вы. Это я.

— Что ты там устроил? Что ты потерял?

— Галя, спи... И успокой маму.

— А может, не надо ворочать ничего в половине третьего?.. — откликнулась мама.

— Мне улетать утром.

Из комнаты вышла жена:

— Куда ты едешь? Почему вечно все наспех? Мама вчера делала генеральную уборку — теперь не найдешь ничего.

Из комнаты выглянула разбуженная дочь.

— Спи, маленькая. Иди. У девочки завтра экзамен.

Галя помогла мужу собраться. Потом, когда все утомонились, они с Галей вдвоем сели на кухне и долго еще трепались и хохотали.

— Вот ведь Пашка! Позвонил среди ночи — «летим!»! Сначала отменил, а теперь — «летим». Володя лежал в больнице, но ушел. И вот решили ехать. Не пропадать же деньгам? А деньги нам очень кстати. Но как-то странно, почему все ночью?

— Ты знаешь, я тебе не успела сказать... Пока ты был на спектакле, звонила Володина мать, искала Володю, плакала. Говорила, что боится за него, что врачи настоятельно рекомендуют вернуться в больницу, а то может быть плохо.

— А Пашка позвонил час назад, сказал, все нормально, — удивился Сева. — Сказал: «Едем! Ты как?» Я: «Да никак. Еду, конечно».

* * *

До самолета оставалось полтора часа. Сева выскочил на улицу поймать машину. Не тут-то было. Поехал на центральный аэровокзал. Автобус на До-

модедово уже ушел — следующий через час. Таксист озверел, затребовал червонец да еще взял семью с чемоданами — и с них червонец, а по дороге сломался. Наконец остановил коллег и распихал пассажиров по двум машинам.

Когда Сева вбежал в здание аэропорта, регистрация уже давно закончилась.

Севка подбежал к стойке регистрации, и женщина в аэрофлотовской форме с рацией сразу же повела его на посадку.

— Кулагин? — переспросила она. — Пойдемте скорее!

— Так мне на Ташкент.

— Я знаю. Меня предупредили о вас.

Она потянула Севу к служебному входу и, минуя зону досмотра, через длинный темный петляющий коридор вывела его на залитое солнцем взлетное поле. На секунду Сева прищурился от яркого солнца и остановился, а когда открыл глаза, то увидел, что женщина бежит впереди метрах в двадцати и кричит:

— Быстрее, за мной, борт заждался вас уже!

Сева устремился за ней. Пробежав метров пятьсот мимо мирно стоящих самолетов, они свернули на резервную полосу и оказались перед готовым к взлету лайнером «Ил-18», у которого были задраены люки. По команде женщины с рацией подогнули трап, и Сева быстро, еле справляясь с дыханием, поднялся на борт. Войдя в носовой отсек и вытерев пот со лба, он сразу увидел Володю, а недалеко от него — Пашу и Толика. Кресло рядом с Володей пустовало, и Сева двинулся к нему, на ходу задевая пассажиров вещами. Проходя мимо Леонидова, он кивнул.

— Скажи спасибо Володе, — буркнул Паша, — а то давно улетели бы без тебя!

— Извините! — еле слышно произнес Сева, обращаясь не то к Паше, не то к пассажиру, которого случайно зацепил.

Подсев к Володе, Сева шумно выдохнул и пристегнул ремень безопасности.

— Володя, что ты делаешь? Что все мы делаем?

— Как что? Работать едем.

— Это-то я понимаю. Но так нельзя, невозможно!

— Так едем же.

— Мама твоя звонила вчера.

— А-а-а... — протянул Володя.

— Все всё понимают. Я понимаю, Пашка понимает, даже этот клоун... — он указал на сидящих через несколько рядов Нефедова и Леонидова.

Нефедов рассказывал Леонидову очередную медицинскую байку. Он был распален рассказом настолько, что не замечал, как кричит на весь салон:

— ...Скальпелем прокол сделать не может — пацан. Жирная слишком бабка — не достает скальпель. Я говорю: «Несите нож кухонный!» Закудахтал: «Как?..» Забегаю на кухню — там нож, вот такой, над газом его и в комнату. Ка-а-ак дал! Брызнуло по всей комнате — гной, моча, всё вместе... но спасли!

— На, почитай. — Паша сунул Нефедову газету «Советский спорт».

— Да на хрена мне этот спорт!

Все еще тяжело дыша, Кулагин начал возбужденно шептать на ухо Володе, как будто их кто-то подслушивал. Он даже воровато оглянулся по сторонам.

— Послушай меня. Притча суфийская есть. Давно хотел тебе рассказать.

— Суфийская? Занудство какое-нибудь?

— Ну почему же... Сказка. Дервиш решил через море перелететь...

— Зачем?

— Ну надо было ему. Не перебивай. Находит он орла гигантского, тот говорит: «Возьми еды. Если силы у меня будут кончаться, обернусь к тебе — кидай мне». Летят. Орел устал. Оборачивается. Дервиш кидает ему. Орел сожрал. Дальше летят. Орел опять оборачивается. Так все, что с собою взял, он ему и перекидал. А орел опять оборачивается. Ну тогда герой руку себе отрезал и кинул. Долетели.

— В чем мораль? — Володя перестал улыбаться и внимательно смотрел на Севу.

— Рано или поздно запасы кончаются. Все. Силы душевные, всё, что знаешь, умеешь. Орел падает. Вот ты и кидаешь ему самого себя. Может, хватит? Может, долетели уже?

— Все правильно. Очень похоже. Руку отрезать? Я, ей-богу, отрезал бы. Никому не нужна рука моя.

— Володя! Твой орел тобой уже обожрался, — почти кричал Сева. — Разжирел на тебе. Хватит! От тебя же не осталось ничего. Этот способ не работает.

— Почему не работает? Все работает. — Володя мрачно усмехнулся. — Летим.

— Нет, все бесполезно. Тебя надо просто брать в охапку и тащить. Ну-ка вставай. Пошли.

Сева попытался вскочить, но ремень безопасности так впился ему в живот, что он только крякнул. Володя, улыбаясь, смотрел на друга. Самолет начал разбег по полосе.

— Успокойся. Все хорошо.

Он протянул Кулагину взлетный леденец. Тот разжевал его в секунду и расстроено забубнил:

— Девчонки мои... тоже... надавали заданий: платочки, браслеты, но главное — ковер. Еще дыню хотят. Я бы лучше вообще фруктов привез, и все. Зачем ковер? Куда его?

Володя смотрел в иллюминатор. Самолет быстро набирал высоту.

— Да.

— Что «да»?

— Ковер, Севка, только со мной, по коврам я спец!

Самолет набрал нужную высоту и выровнялся. За иллюминатором открылся ватный ковер из облаков. По салону стали свободно передвигаться пассажиры. Володя откинул кресло и закрыл глаза.

* * *

При посадке самолет несколько раз сильно тряхнуло. Заплакали дети, с полок посыпались вещи. Володя мгновенно проснулся.

— С мягкой посадкой!

— Да уж! — Севка растирал ушибленное о переднее кресло колено. — Хорошо начинаем.

Леня Фридман стоял на летном поле прямо у трапа в шикарном белом костюме-тройке и, едва только Володя вышел из самолета, замахал руками и бросился навстречу, расталкивая спускавшихся пассажиров.

— Володечка! Мальчики мои дорогие! Пашулик!

Леня обнимал и целовал по очереди Володю, Пашу, Севу. Перед Толиком он немного помялся, но потом трижды расцеловал и его.

— С приездом! Как дорога? Между прочим, у нас аншлаги! А могло ли быть как-то по-другому? Вы-

соцкий, Кулагин, Таганка — это ж мне и работать не надо. Багаж?

Леонидов дружески похлопал Фридмана по спине:
— У нас четыре места.

— Скромненько. И правильно. Прошу покорно. Встречайте багажичек. — Он указал на пункт выдачи багажа и, крепко взяв под локоть Володю, потянул его к выходу из аэропорта.

Выйдя на улицу, Леня начал вести себя странно. Он озирался по сторонам, заглядывал в лица людей, прохаживаясь, то клал руки в карманы, то скрещивал их на груди. Он попробовал даже посвистеть, но губы его предательски дрожали. Володя закурил, с улыбкой наблюдая за Фридманом. Вдруг Леня, подойдя к нему и прикрыв ладонью рот, взволнованно прошептал:

— Вот вопрос тут какой... А может, не будем работать?

— А что будем делать?

— Я забронировал билет, можно прямо сейчас улететь, но только тебе. Ребят я сам отправлю, завтра. Вот номер брони.

Он разжал кулак, на ладони шариковой ручкой было написано «042/5». Он сжал кулак, отошел на несколько шагов в сторону и тут же вернулся.

— Леня, да что случилось? — удивился Володя.

— Володя, опасно! Могут возникнуть проблемы. Давай одним разом пожертвуем. В Ижевске... Ну, ты в курсе, наверное... Верь мне, я не за себя боюсь. Хотя, конечно, и за себя тоже. Ну вот веришь? Предчувствие!

Володя долго, испытующе смотрел на Фридмана.

— Леня, все будет хорошо. — Он улыбнулся. — Или плохо. Не надо тебе ничего бояться. Вы с ума посходили все. Я сам за все отвечу. Делайте свою работу. А я как-нибудь разберусь.

— Нет, нет. Никто не покушается на твою самостоятельность, Володя, — переполошился Фридман. — Я уважаю тебя. Просто, если ты хочешь, я могу тебя отправить, и все — и больше ничего.

— Не хочу.

— Ну уж если ты сам... не волнуешься, так я чего?.. Пусть все будет, как ты хочешь. Ты сам решил. Я-то кто такой здесь?

Володя слегка приобнял его за плечи:

— Чего ж мы так боимся? Позови их на концерт.

— Кого?

— Да всех: милицию, ОБХСС, руководство местное. Пусть приходят с семьями, с друзьями.

— Это идея! Пусть. И знаешь... я даже сам хотел. А зачем, Володь?

— Начальство в зале — значит, можно.

Леня мгновенно преобразился. Он расправил плечи и с важным видом огляделся вокруг.

— Кстати, да...

* * *

Леонидов, Кулагин и Нефедов смотрели, как носильщики выносят и ставят на длинные широкие скамейки чемоданы, мешки и ящики. Пассажиры разбирали вещи. Нефедов завел камеру и начал снимать панораму аэропорта.

Через грязные двойные стекла Сева видел разговаривающих на улице Володю и Фридмана. По-

сле жесткой посадки ему было не по себе. Он подошел к Нефедову и дернул его за плечо.

— Толя, скажи, он может работать? — Сева указал на курящего на улице Володю.

Толя досадливо выключил камеру.

— Отстань, а? Я же снимаю! Может, не может... Вскрытие покажет.

— Толя, брось свои тупые шутки. Я спрашиваю тебя как врача. Он выдержит? Ну, я не знаю: сердце, сосуды, что там еще... печень?

— Что ты психуешь? Что вы сами себя пугаете? «Толя, скажи, Толя, покажи». Ну скажу, и что ты сделаешь? — Толик вызывающе смотрел на Кулагина.

Сева растерялся.

— Я что сделаю? Буду хотя бы знать.

— Ага, и еще больше психовать. Не смей меня. Сидите все у него на загровке и сочувствуете. Кто-то такой же преданный, как ты, вporол ему морфину когда-то, чтоб с похмелья не мучился, пожалел, одним словом...

— А ну иди сюда, говнюк.

Кулагин схватил Нефедова за рубаху и потащил к стеклянной стене, за которой курили Высоцкий и Фридман. Леонидов, стоявший неподалеку, подскокил к спорщикам:

— Э-э! Вы чего?!

Он попытался встрять и разнять их.

— Пусти. Схлопочешь! — пытался освободиться Нефедов.

— Отпусти ты его! — Паша старался оторвать Севу от Нефедова.

Сева, ухватившись за рубаху Нефедова, указал через стекло на Володю:

— Если с ним хоть что-то случится, я тебя убью.

— Да ничего с ним не... — Леонидов почти повис на Севе.

— И тебя тоже, — яростно обернулся Сева к Леонидову и отпустил рубашку Толика. Приглаживая помятый воротничок, Нефедов заговорил, стараясь придерживаться официального тона:

— С нормальной медицинской точки зрения вообще непонятно, как он жив. У меня на руках умирали люди, у которых была тысячная доля его проблем! Тысячная! А он — живет.

Сева понурился:

— И сколько это может продолжаться?

— Сколько Богу будет угодно. Пизанская башня пятьсот лет падает — никак не упадет. Не знаю! Может, год, может, пять, может, неделю. Хочешь помочь? Вон — чемоданы бери.

Троица начала выбирать свои вещи. Затем они вышли на улицу.

Подойдя к Фридману с Володей, Леонидов бодрым голосом, щурясь от южного солнца, отчитался:

— Все! Мы готовы. Куда идем?

— По машинам! — поддержал его тон Фридман. — Дорога долгая. Жара, духота, но в гостинице очень даже хорошо. Володечка, у тебя люкс. Садитесь вы втроем, а мы с Пашей по дороге поболтаем. Ужин в гостинице, и я с вами. Ничего сегодня не ел — сразу сюда. По машинам! Гитарочку в багажник.

Фридман семенил, подскакивая то к одному, то к другому, переходя с интимного тона на официальный.

На углу площади стояли две «Волги» — новенькая «двадцать четвертая» и видавшая виды старая «двадцать первая».

— Ух ты! Сто лет в такой не ездил! — оживился Володя.

Леонидов заговорщицки прошептал:

— Так это специально для тебя Фридман и подогнал. Садимся.

Володя с Севой нырнули в старенькую «двадцать первую». Нефедов, пометавшись, подсел в нее же. Машины тронулись.

— Я на такой семь лет отдежурил, — расположившись на заднем сиденье, мечтательно протянул Нефедов.

Володя, не поворачиваясь, резко оборвал:

— Толя! Ни слова о медицине.

* * *

Фридман, расположившись рядом с Леонидовым на заднем сиденье новенькой «Волги», сразу заговорил о деле:

— Паша, я билеты запустил — и их как корова языком слизнула, но ты должен понимать: десять процентов минус, это распространителям.

— Пять!

— Побойся бога, Паша, обычно берут пятнадцать.

— Ладно, Леня, не звони, на Высоцкого билеты и так уходят. За срочность — семь.

— А приглашенные? Что, тоже за мой счет?

— Какие еще приглашенные?

— Володя велел позвать руководство.

— Зачем? — подозрительно спросил Паша.

— Он страшется. Всем известно, что у вас неприязности, а начальство в зале — значит, можно. Их на стульчики не посадишь. Надо снимать бронь, а это деньги.

— Попролам. Валяй приглашай.

— Очень разумно. Володя — светлая голова! — Фридман достал из кармана записную книжку. — Вот они все у меня, голубчики. Секретариат обкома, профсоюзы, угрозыск, комсомол — все здесь. В Бухаре, между прочим, очень сильная комсомольская организация. А если понравится Сулейманову, тут уж...

— Это кто?

— Ой, Паша, это сильный человек. Кстати, у него день рождения завтра. Если поехать, весь Узбекистан наш. Хе-хе-хе. Надо поехать! Завтра! Меня звали, а я — с Высоцким. Это подарок! Это уважение! Это Восток, Паша!

Глава десятая
«ЛЕКАРСТВО»

Две «Волги» неслись по безлюдной трассе, пролегающей через барханы, на фоне заходящего солнца. В песчаных дюнах юлой закрутился аджинабадак — небольшой песчаный вихрь, вкручивая, как в мясорубку, сухие кустарники...

Мимо проплывали древние захоронения кочевников, высохшие деревья с разноцветными ленточками на ветвях. В небе одиноко кружил пернатый хищник, высматривая добычу. Перед лобовым стеклом машины вилась синей лентой трасса, разрезая желтое покрывало пустыни.

В приоткрытое окно врывался раскаленный воздух. Спасаясь от жары, Сева расстегнул рубашку и расслабленно откинулся на сиденье.

Володя не смотрел на дорогу. Прикрыл ладонью глаза и тяжело дышал. Нефедов в открытое окно попытался на камеру снять парящего ястреба.

— Толя, закрой, — попросил Володя.

Огорченный Нефедов закрыл окно и упаковал камеру в чехол.

Кулагин задремал. Поежившись, Володя передернул плечами и ладонью смахнул пот со лба.

Красный диск солнца, наполовину утонувший в песке, окрашивал бесконечные холмы в оранжевый цвет.

Вдруг Володя увидел на дороге, где-то далеко впереди, быстро идущего спортсмена с факелом над головой. Володя прищурился:

— Скороход, что ли? Что-то далеко забрался... — «Волга» неслась со скоростью сто двадцать километров в час, однако путник не становился ближе. Он то появлялся, то исчезал в дымке испарины.

— Мираж! — не отвлекаясь от дороги, буркнул водитель.

Стемнело мгновенно. Теперь был виден только небольшой кусочек несущегося навстречу асфальта.

Володю знобило. Хотелось остановиться, размять ноги, покурить, но он знал — станет только хуже. Надо быстрее доехать. А сейчас немного отвлечься, подумать, помечтать... заснуть — как ребята... Но не получалось.

Он погружался в тяжелую зеленую муть. Вместе с темнотой она заполнила салон машины и теперь пропитывала каждую клеточку его тела. «Ничего, это закончится. Главное — не останавливаться».

* * *

У стойки администратора гостиницы «Зарафшан» Фридман заполнил анкеты. Леонидов подошел к Высоцкому, который сидел за невысоким журнальным столиком, и положил перед ним ключи.

— На, ты — на втором этаже!

— Пашулик, больше не могу, — тихо сказал Володя.

Наклонившись к нему, Паша негромко ответил:
— Иди к себе, я приду. Все будет хорошо.

Володя резко встал и направился к лестнице. Девушка-портье выскочила из-за стойки и протянула Володе раскрытый блокнот:

— Распишитесь, пожалуйста.

— Не сейчас! Паша, скорее!

Он быстро поднялся по ступеням. Прошел по коридору мимо спящей за столом дежурной по этажу. Открыл дверь, вошел в просторный номер, поставил гитару на одно из кресел, упал на кровать лицом вниз и застонал.

* * *

Ожидая лифта, Паша подбрасывал в руке ключи от номера. Он с досадой процедил сквозь зубы:

— Началось!

— Что началось? — не понял Кулагин.

— Ну а как ты хотел? — не обращая внимания на Севу, сказал Нефедов. — Чудес не бывает.

* * *

Вслед за расселившимися гастролерами в холле гостиницы появился Михальч. Всю дорогу он сопровождал бригаду москвичей, следуя за ними на двухкилометровой дистанции. После пятичасового переезда ныла спина, хотелось спать, но он решил сделать обход и первым делом отправился на «прослушку».

На коммутаторе гостиницы дежурили связисты — Геннадий и Сергей. На столе стояли два магнитофона, один был подключен к телефонной панели.

— Докладывай! — кивнул Михалыч Геннадия и взял журнал для оперативных записей.

— Пока не спят. Было два звонка.

— Они звонили? Куда?

— В Ташкент, в филармонию. И еще скорую вызвали, — отрапортовал Геннадий.

— Зачем скорую? Кому?

— В номер к Высоцкому. Сказали, что у него колика почечная. Вот слушаем, — он указал на Сергея, сидевшего в наушниках, — пока не приехали.

— Дай мне. — Михалыч стянул с Сергея наушники.

* * *

Володя нервно расхаживал по люксу, не находя себе места.

Постучали в дверь. Вошел Леонидов.

— Ну что? — метнулся к нему Володя.

— Все, сейчас будет...

— Давай, Павел, давай... А то случится что-то страшное.

— Тебе отдохнуть надо... перед концертами.

— Это не твоя забота. Ты делай свое дело...

Леонидов прошелся по номеру.

— Хороший номер. С ванной? Ух ты, у тебя еще и приемник стоит.

Высоцкий упал на диван и бессмысленным взглядом уперся в потолок. Леонидов покрутил приемник, пытаясь поймать нужную волну.

— Не ловит, сука...

В номер опять постучали. Леонидов вздрогнул и кинулся открывать. За дверью стояли дежурная по этажу и врач скорой помощи с медсестрой.

— Здравствуйте! Вызывали?

— Да, проходите, пожалуйста.

— Что случилось?

Леонидов растерянно развел руками:

— Да вот, видите, острая почечная колика... была... У нас с собой вообще-то врач, но...

— Ну, давайте посмотрим...

Врач подсел к Высоцкому на диван, пощупал пульс, раскрыл саквояж, достал прибор для измерения давления. Высоцкий зло смотрел на Пашу.

Паша сделал вираж вокруг врача:

— Вы не могли бы просто оставить нам лекарство, все уже прошло, но вдруг снова...

В номер без стука вошел Нефедов.

— Здравствуйте! Нефедов! — Он протянул руку доктору. — Можно вас на минуту в эту комнату?

Он отвел доктора в соседнее помещение. Леонидов двинулся вслед за ними. Володя мрачно глядел в потолок.

Медсестра приставила стул к дивану и начала заполнять вызывной лист.

— Фамилия?

— Высоцкий Владимир Семенович, 1938 года рождения, Москва, Малая Грузинская, двадцать восемь, тридцать, — процедил он сквозь зубы.

* * *

Михалыч плотнее прижал наушники к ушам, пытаясь понять смысл происходящего в номере люкс. Три человека сбивчиво говорили практически одновременно.

— Весь день в дороге... несколько раз было плохо... Я делал уколы...

— Завтра на концерте будет первый секретарь обкома, мы не можем сорвать...

— Такие лекарства очень строго учитываются... Запрещено, это подсудное дело.

— Ну, давайте не будем формальничать... Завтра мы вас тоже приглашаем. С женой и детьми. А главное, не беспокойтесь! Мы заплатим!

— Что?!

— Сколько скажете. Не беспокойтесь, все будет хорошо.

Слушая разговор в наушниках, Михалыч вдруг заметил, что магнитофон не записывает.

— Пленку экономишь? — обратился он к технику Сергею.

— Да нет, мы записываем только телефоны.

— Кто приказал?

— Да всегда так.

— Вот это, — Михалыч постучал по наушникам, — тоже пиши. Все пиши!

* * *

Открылась дверь из соседней комнаты. Оттуда как ошпаренный выскочил врач скорой. Складывая саквояж, бросил сестре:

— Оформляем ложный вызов! Поехали, допишешь в машине. И если еще раз будет звонок — мы приедем с милицией!

Дверь номера захлопнулась.

В комнату вошли растерянные Нефедов и Леонидов.

— Вот ведь сука какая!.. — Леонидов с досадой хлопнул себя по ляжкам.

— А думает, тварь, что он принципиальный... — поддержал его Нефедов.

Володя повернулся к ним с перекошенным от боли лицом.

— Павел! Твою мать!.. Ты же обещал, что будет..

— Володя! Не горячись, что-нибудь придумаем...

— Что ты можешь придумать?

— Володя! Потерпи, дорогой... клянусь тебе...

Нефедов протянул Высоцкому стакан воды и таблетки.

— Володя, выпей.

— На хрена мне твои таблетки?! Ты понимаешь, что я умираю? У меня сейчас... жилы лопнут!

Володя вскочил и заметался по комнате. Распахнул раму. Казалось, он вот-вот выскочит в окно. Перепуганные Леонидов с Нефедовым схватили его за руки.

— Володя, милый, все билеты проданы, мы не можем отказаться...

Вдруг Нефедов свистнул в два пальца. Повисла пауза. Паша и Володя замерли.

— Сейчас я все сделаю... — Он с азартом потер руку об руку.

— Да что ты сделаешь? — заорал Леонидов. — Ты уже сделал! Какого хрена ты ничего не взял?! Что ты вообще можешь?! Приехал!.. Турист!..

У Нефедова глаза блестели как у сумасшедшего.

— Пошли! — Он схватил Леонидова за рукав. — Володя! Еще десять минут.

— Толик, помоги мне! — простонал Володя и рухнул на диван.

Нефедов выскочил из номера и побежал по коридору. Леонидов едва догнал его.

— Ты почему ничего не взял с собой? — спросил он на ходу.

— Я что, дурак — с собой такие препараты тащить?

Они задыхались — разговаривали на бегу.

— Ты врач, тебе можно.

— Врач — значит, срок в два раза больше. В Москве осталось что-нибудь?

— Полным-полно! Я дома спрятал!

— Звони Татьяне, пусть везет!

— Если Володя узнает — он меня убьет!

— А он доживет? — Нефедов резко остановился. И, не получив ответа, бросил: — Звони!

Перепрыгивая через ступеньки, Нефедов спустился на первый этаж, пересек холл и выскочил на площадь перед гостиницей. Уазик с красным крестом уже тронулся с места. Нефедов бросился было следом, но, поняв, что не догонит, схватил с клумбы сухой ком земли и швырнул в машину. Уазик затормозил, из него выскочил водитель, здоровенный узбек, и направился к Нефедову. Оттолкнув водителя, Нефедов подбежал к пассажирской дверце, сорвал с себя часы, сунул врачу.

— Хотя бы одну!..

Подоспевший водитель схватил Толика за шиворот и потащил прочь от машины. Нефедов отбивался, и водитель быстрым, уверенным ударом отправил его на асфальт. Но Нефедов упорно поднялся и снова метнулся к врачу.

— Засунь ты свои принципы в задницу! — Нефедов почти рыдал. — Он же умереть может! Да врач ты или коновал?..

Врач швырнул часы Нефедова на асфальт. Повернулся к водителю:

— Поехали!

Водитель опять отпихнул Толика, обошел машину и плюхнулся за руль. Машина тронулась с места. Нефедов подскочил к задней дверце уазика. На ходу распахнул ее, запрыгнул внутрь. Медсестра, сидевшая там возле пустых носилок, при виде обезумевшего Нефедова в ужасе забилась в угол и завизжала. Нефедов сразу нашел чемоданчик с препаратами и одним движением распахнул его. Машина снова резко затормозила, и Нефедова бросило вперед, однако он упорно продолжал шарить в чемоданчике. Врач и водитель выволокли его из машины за шкурку, бросили на землю и принялись бить ногами. Уворачиваясь от ударов, Нефедов все же успел подобрать свои часы.

— Все, все! — кричал он. — Ребята, я понял. Все! Извините!

Убедившись в том, что с медсестрой все в порядке, водитель и врач вернулись на место.

— Может, вызвать милицию? — никак не мог успокоиться водитель.

— Не надо, — отмахнулся врач. — А то полночи здесь простоим.

Машина отъехала от гостиницы. Нефедов продолжал сидеть на асфальте. Медленно, очень медленно разжал руку, проверяя, не раздавил ли ампулу, которую успел вытащить из чемоданчика.

* * *

Сработала одна из телефонных панелей, и радист Сергей включил магнитофон на запись.

— Чей телефон? — резко спросил Михалыч.

— Триста восемнадцатый, Леонидов.

— Дай послушать.

Сергей перекоммутировал наушники Михалыча, чтобы он мог слушать телефонный разговор.

* * *

Фридман и Сева сидели на диване в напряжении. Леонидов кричал в телефонную трубку:

— Танюша! Слушай меня внимательно! Под кроватью в кабинете коробка. Бери ее и вылетай. — Он повернулся к Фридману: — Куда ей лететь?

— Пусть летит в Ташкент, оттуда до Бухары, — зашептал Ленья. — Сюда завтра рейсов не будет.

— Ближайшим рейсом в Ташкент, оттуда доберешься до Бухары... на такси или на автобусе... — продублировал Паша и, опять повернувшись к Фридману, прошептал: — А если поездом?

— С поездами связываться не надо.

— С поездами связываться не надо, — послушно повторил Паша. — Билеты? Подойди во второе окно в Домодедово, скажи, что из театра, отстала от группы... Едешь на гастроли в Ташкент. Кассир Лидия Семеновна, запиши. Так! Если билетов нет — иди на посадку... Места всегда есть, поверь мне... Давай, голубушка, а то случится что-то страшное... Чувствую — подведем мы людей.

Паша положил трубку. Все молчали.

Первым пришел в себя Кулагин:

— Как она приедет? А если ее с этим дерьмом задержат? Ты соображаешь, что делаешь?

— А ты что предлагаешь? — спросил Леонидов, глядя в пустоту.

— Надо с Володей поговорить. Пусть он себя в руки возьмет.

Паша криво усмехнулся:

— Я бы не советовал сейчас говорить с Володей. А потом, зная Танюху, могу сказать определенно: она уже в дороге, нам ее не остановить.

Дверь в номер распахнулась, ввалился взъерошенный, избитый Нефедов. Леонидов изумленно уставился на него:

— Ты чего здесь? Где Володя?

— Спокойно, спокойно. Я решил проблему. Спит Володя.

— Ну, ребятки, я к себе — полежу. Отдыхайте. Выезд в восемь ноль-ноль, — устало вздохнул Фридман, как будто подвел итог. — До завтра.

— До завтра дотянем. А завтра... — Нефедов неопределенно развел руками, всем видом давая понять, что завтра он ни за что не отвечает.

* * *

Володя лежал на широкой кровати и глядел на огромный вентилятор под потолком, со свистом рассекавший воздух. Эйфория от укола прошла моментально. Наступила тишина. Медленно отступала боль. Натянутые нервы перестали дрожать. Впереди — несколько часов покоя.

Страшно было думать, чем обернется этот покой, но сейчас наступала передышка. Как сон — только с открытыми глазами. Никаких видений, галлюцинаций. Он старался использовать каждое мгновение этой тишины. Как обреченные раковые больные,

для которых и предназначались препараты, которыми он пользовался.

Когда-то давно, еще в другой жизни, он успокаивал себя тем, что в любой момент волен остановиться. Делал паузы, сначала на месяцы, потом на недели. Но паузы сокращались, и вот он уже не может без лекарства.

Выбор простой: или жить как сейчас, или не жить вообще. Несколько раз он решался: «лучше умру», но решимость быстро таяла. И главным был не страх смерти, а обреченное желание жить. И все продолжалось по кругу: «Зачем жить? Это не жизнь. Я все сделал. Уйду — никто и не заметит». И снова: «Нет, я смогу! Я выскочу!» И в жутких бессмысленных мучениях проходило еще несколько дней.

Но иногда, в самые отчаянные часы, вдруг ненадолго, как будто где-то приоткрывалось окно, появлялись слова, строчки, строфы, за которые потом не было стыдно. Только желание снова услышать далекую музыку и, подчиняясь ей, записать неуловимое, но так хорошо знакомое; только это желание и давало силы остановиться и круглосуточно мучиться невыносимой болью, тревогой, стыдом.

Но сейчас даже это окно не открывалось. Музыки не было. Он чувствовал, что обречен.

* * *

«Как можно быть такими безответственными? Да, у человека проблемы, но он достаточно зарабатывает, чтобы у него не было никаких проблем. Вы-то на что? Что вы вьетесь-то вокруг? Зачем вы вообще нужны, если не можете решить его пробле-

мы? Вы что, в первый раз на гастролях? Как так можно?»

Леня был в отчаянии. У себя в номере он, не разуваясь, повалился на кровать. Еще днем, после разговора с Володей, он воспрял духом. Поверил, что все обойдется. «Ну действительно, кто такой этот Бехтеев? И кто такой Высоцкий? Что, Бехтеев — главный в республике? Что, нет людей, которых он боится? Володя — двери ногой в любой кабинет! Володя — звезда! Не по зубам он вам, Виктор Михайлович! Он с вами сам разберется!»

Но теперь Леня понял, что рано расслабился. Зря понадеялся на Володины возможности. Володя — просто актер, больной, несчастный, одинокий человек. А сам он, Леня, — гнида и стукач! И нечего себя обманывать и оправдываться. Самая настоящая гнида!

В дверь постучали. Леня открыл не спрашивая. Он знал, кого увидит, и не ошибся. На пороге стоял Бехтеев.

— Не приглашаешь?

— Проходите, — Леня посторонился.

Бехтеев вошел. Огляделся, куда бы присесть. Леня убрал с кресла свой дипломат, но гость садиться передумал. Несколько секунд он постоял, рассматривая свои ботинки, и, подняв глаза на Леню, тихо и совсем буднично спросил:

— Леня, что за лекарства?

— Не понимаю.

— Он болен?

— Чем?

— Это я тебя спрашиваю — чем?

— Виктор Михайлович, я же не доктор! — уныло протянул Леня.

Михалыч произнес, упирая на каждое слово:

— Он принимает наркотики?

— Я к этому никакого отношения не... — Леня осекся, но было уже поздно.

Михалыч улыбнулся:

— Ладно. Работай.

Он повернулся, собираясь уходить. Леня схватил его за рукав:

— А когда вы их?.. То есть нас... Ну, чтобы я знал... Когда билеты будем жечь, наверное?.. Как мне-то быть? Вы же задержите?

Михалыч отстранил от себя Фридмана:

— Леонид, меньше знаешь — крепче спишь!

— Но его тут на день рождения зовут. Ехать?

— Много вопросов. Делай все как обычно.

Михалыч вышел в коридор. Фридман закрыл дверь на ключ и с ужасом уставился на телефон. Затем осмотрел весь номер, сел на кровать и схватился за голову...

* * *

Михалыч не спеша возвращался на коммутатор. Ему хотелось бежать, немедленно начинать действовать. Однако он специально шел медленно, почти торжественно, стараясь успокоить дыхание и замедлить биение сердца. Теперь он точно получит признательные показания от гастролера.

«Его надо задержать за употребление и хранение наркосодержащих препаратов. Подержать в камере пару суток, а потом помахать перед носом

ампулой — и будет любое признание. Только бы не сорвалось! Только бы эта Татьяна приехала!»

Михалыч заглянул на коммутатор гостиницы:

— Гена, а ну выйди.

Геннадий послушно выбрался к нему в темный предбанник.

— Слушай меня, — заговорил Михалыч. — Возьми двоих ребят потолковее, машину и езжай в Ташкент. Самолет из Москвы садится где-то в обед. Пассажирка — Татьяна, лет двадцати, думаю красивая. Захочет ехать на машине до Бухары. Все, больше ничего не знаю. Вычислишь ее, удержишь с багажом, и сразу — звонок мне. Работай.

Гена кивнул. Михалыч наконец отправился в свой номер — спать.

Глава одиннадцатая
«ЕГО ВСЕ ЛЮБЯТ»

Последние месяцы Татьяна была счастлива. Не просто влюблена — такое случалось с ней и раньше, — а именно счастлива. Она — с ним. Ничего специального она для этого не делала. Просто вдруг поняла: ей нужно быть с ним. И он то ли разрешил, то ли попросил... Она не могла вспомнить, как это произошло. Все вдруг откатилось даже не на второй план, а вообще за кадр. Учеба, друзья, семья, мечты о будущем. Она ждала каждого следующего дня, а когда этот день наступал, жила только им. То его нет! То он здесь. То он болен, то счастлив удачной строкой, то сломалась машина, то отключили воду, то уехал, то вернулся... И все становилось огромным, существенным, драматичным — и в то же время легко решаемым, смешным, а главное — безумно интересным.

Она не сразу поняла, что это любовь — то, во что превратилась ее жизнь. А когда поняла, пришел страх. Сначала она боялась соперниц, ревновала к друзьям, к театру, боялась, что это все вот-вот закончится. Но очень скоро страх сконцентрировался и заострился. Она стала бояться за него. Его смерть неминуема. Прямо сейчас или через год — но

смерть была рядом с ним всегда. Его тенью, кругом китайского желтого абажура, пустым гитарным футляром, остановившимися часами. И он это знал, и она. Знали и ждали. Разница только в том, что она боялась, а он нет.

Едва лишь зазвонил телефон, Татьяна поняла: вот оно, то, страшное. Спросенок из разговора с Пашей не запомнила почти ничего. Кроме одного: надо ехать и взять с собой коробку. Но этого оказалось достаточно. Главное — он жив. И значит, необходимо оказаться там — рядом с ним. Его жизнь в этой обувной коробке с надписью «ZEVO-ZEVO».

Татьяна положила ее в сумку, сверху бросила вещи, тетрадки. «Больничной» ручкой аккуратно черкнула на записке, которую оставил Володя: «Лидия Семеновна. Окно № 2».

Зашла в гостиную, выдвинула из комода ящик и из груды бумаг и квитанций извлекла внушительный конверт с надписью «Дача». Из конверта вытянула три сотенные купюры, но потом одну вернула. На конверте написала: «Минус двести — Узбекистан».

И только поймав машину до Домодедово, она попыталась сообразить, что же ей теперь делать. В свои девятнадцать лет она только один раз, два года назад, летала на самолете в Кисловодск с мамой. Это была единственная дальняя поездка в ее жизни. Дальше Подмосковья она больше никогда не выбиралась.

Почему Паша не взял лекарство с собой? Как же они могли, зная, что Володя болен, не позаботиться

о лекарствах? И неужели эти препараты нельзя достать там?.. Наверное, нет.

Ничего... все обойдется. Уже сегодня вечером она увидит Володю и обнимет его крепко, и будет с ним.

Однако войдя в здание аэропорта, она растерялась. Вся ее уверенность куда-то улетучилась. Таня увидела огромную толпу людей с чемоданами, коробками, тюками и колесами, баулами и детьми. И очереди... очереди... очереди.

Пометавшись немного, она вспомнила: «Касса номер два, Лидия Семеновна».

Татьяна почти бежала по аэропорту мимо стоек регистрации. Здесь принимали багаж. Она смотрела на знаки и стрелки, указывающие туалеты, буфеты, милицию, медпункт.

— А кассы, где кассы? — кинулась она к каким-то людям.

— Пройди мимо контроля и налево — коридор. Там кассы.

Некоторые пассажиры торопились, нервничали и толкались, некоторые спали: кто на лавках, кто рядом со стоящими вещами на полу. Татьяна плотнее прижала к себе сумку. Она увидела идущего навстречу милиционера. За ним тащился мужчина лет шестидесяти с открытым чемоданом, из которого торчали вещи. Таня бросилась к милиционеру.

— Где здесь кассы?

Мужчина загородил собой милиционера, не позволяя тому отвлекаться на какие-то мелочи:

— Извините, девушка! — И продолжил волнительный разговор с блюстителем порядка: — Где написано, что нельзя? Это мое!

— Покажите хоть что-нибудь — чек, накладную! — равнодушно возражал милиционер.

— Вы же видите — это не оружие, не горючая жидкость, не наркотики! — Теперь пассажир указывал на большой плакат, исписанный мелкими буквами под крупным заголовком: «Запрещается».

— Если б было оружие, ты бы уже сидел в кутузке. Двести игл для машинки. Двести! У тебя фабрика, что ли, швейная? — Тут милиционер наконец обратил внимание на Татьяну: — Что вам, девушка?

— Я кассовый зал ищу.

— Он у вас за спиной.

Татьяна изумленно проводила взглядом удалявшихся спорщиков и обернулась.

Все кассы, в том числе и вторая, были закрыты. Но около окошка старшего кассира собралась толпа с какими-то записками и бланками. Стряхнув с себя оцепенение, Татьяна вклинилась в эту группу, после долгих маневров пробралась к окошку и оттолкнула от него какую-то крупную женщину.

— Ты что ж делаешь, нахалка? — возмутилась женщина, подбоченясь и готовясь к схватке.

— Мне только спросить. Я стояла, — пролепетала Татьяна.

— Стояла она! Где это ты стояла? Знаю я, где ты стояла! В очередь!

— Где вы здесь видите очередь?

Держа в руках записку «Лидия Семеновна. Окно № 2», Татьяна обратилась к старшему кассиру:

— Мне нужна Лидия Семеновна. Мне... билет до Ташкента.

— Она не работает сегодня.

— Я из Театра на Таганке. Мне заказано. Хотя бы на посадку...

— Не знаю ничего.

Татьяну оттеснили от окошка, но в ней уже проснулась отчаянная решимость. Тяжело дыша, она осмотрелась и увидела еще одну открытую кассу — «Для военнослужащих». Рядом никого не было. Татьяна подошла, вставила в паспорт сотню и тоном, не терпящим возражения, произнесла:

— На Ташкент, ближайший рейс, один.

Не глядя на нее, кассирша отрезала:

— Нет билетов.

— Я из Театра на Таганке, мне необходимо, я везу лекарство Высоцкому.

— Я-то тут при чем? Это воинская касса, — не поднимая глаз, ответила кассир.

Татьяна просунула в окошко паспорт с сотенной бумажкой.

— Вот, можно без сдачи. Возьмите.

Кассир посмотрела на паспорт со вкладышем, подняла длинные ресницы и холодно произнесла:

— Отойдите, не мешайте работать.

Таня поняла, что уперлась в бетонную стену. Все ее тело непроизвольно затряслось. Задышавшись, она медленно опустилась на пол.

— Девушка! Что вы тут устраиваете? — высунулась из окошка кассир.

Татьяна поднялась и почти залезла головой в кассу, по лицу ее потекли слезы.

— Вы понимаете, что я говорю? Человек без лекарства, он умереть может! Как это — билетов нет?

Должна быть бронь на такие случаи! Пожалуйста, помогите!

Кассир с любопытством посмотрела на Татьяну.

— На Ташкент? Борт будет сейчас грузовой. Можно попробовать договориться. Согласятся — я тебя оформлю. Давай вместе сходим.

Она закрыла окошко, вывесила табличку «Перерыв 10 минут» и вышла к Татьяне.

— Нам в комендатуру. Сюда.

Вытирая слезы, Таня последовала за кассиршей. Они прошли по коридору, и кассирша толкнула дверь с надписью «Военная комендатура».

В небольшой комнате сидело несколько солдат, а чуть поодаль — майор с опухшим, красным лицом. Кассирша окликнула его:

— Майор, а подь-ка сюда.

— Не возьму, — офицер даже не посмотрел в ее сторону.

— Сюда иди, я сказала.

Майор неохотно встал.

— Очень нужно. Девушка — с «Таганки», — зашептала кассирша.

— Ты что, не знаешь, что у меня за груз?! — взорвался он.

Татьяна поняла, что это ее единственный шанс.

— Да это ничего, я могу посидеть на ящиках, — вытирая слезы, произнесла она. — Вы поймите, я везу лекарство для Высоцкого. Без него он может умереть...

Майор недоверчиво оглядел Татьяну с ног до головы.

— Ну уж прямо для Высоцкого...

— Вы мне не верите? Вот мои документы.

— Возьми, майор, — подмигнув, поддержала кассирша.

— Ладно. Сто рублей.

Татьяна вытащила из паспорта сторублевую бумажку.

— Да не здесь... Давай документы. Я оформлю тебя в сопроводительных. Если кто будет спрашивать, скажешь, что родственница Худякова... Сопровождаешь груз. Запомнила?

— Запомнила! А Худяков — это вы?

Майор удивленно посмотрел на Татьяну.

— Худяков — это груз.

* * *

В кабине пилотов было очень тесно, и Татьяна попросилась лететь в грузовом отсеке. Собственно, весь самолет, кроме кабины, и был огромным грузовым отсеком. В нем не имелось ни сидений, ни иллюминаторов и светила только одна лампочка над входом в кабину. Татьяне выдали воняющий бензином грязный ватник.

Когда самолет разогнался по полосе, ее чуть не снесло с ящика, на котором она сидела. Она вцепилась в ремни, которыми ящик был закреплен почти в центре самолетного брюха. Ногами уперлась в такой же зеленый ящик, закрепленный рядом. Сразу же заложило уши и стало холодно. Стуча зубами, Татьяна завернулась в спасительный ватник. Одной рукой она прижимала к себе сумку.

Из темноты, шатаясь, явился знакомый майор в приличном подпитии и со стаканом в руках. Пред-

ложил выпить, чтоб согреться. Татьяна отказалась. Перекрикивая шум моторов, майор заговорил с ней:

— Вильченко знаете?

— Кого? — не расслышала Татьяна.

— Вильченко!

— А кто это?

— Ну там, один... Он в Москве всех знает. То есть артистов там, хоккеистов... Такой мордатый, рыжий, даже не рыжий, а вообще... Золотой.

— Ну, может быть... Я просто не всех помню, я недавно в театре работаю.

— Не-ет, он не в театре. Он там два года в академии учился, жил. Ну, с детьми, с женой. Как же его — Вильченко... Вильченко... О! Герман! Герман Вильченко!!!

— Нет, вряд ли...

Майор, не обращая внимания на Таню, продолжал кричать, глядя куда-то в пустоту.

— Он говорил, короче, что эта... худая такая, из балета... заболела чем-то, как ее... ну — лебедь!

— Нет-нет, с ней все в порядке. Плисецкая.

— Во, да! Плисецкая! А говоришь — не всех знаешь. Чего с ней?

Татьяне тоже приходилось перекрикивать шум двигателей.

— Она... танцует. Она лучше всех. То есть, может, что-то и было, но давно. А сейчас все в порядке.

Майор мечтательно улыбнулся пустоте.

— Во-о... В Москве... Вы все, конечно, здорово... Все про всех знаете. А у нас — ни хрена! Только

«Красная звезда». Да я и не читаю вообще. А Высоцкого я знаю. Он, когда я в Полтаве служил, приезжал туда. Я его, знаешь, люблю... Сердцем. Ну, то есть очень уважаю! Везет тебе, конечно. Как тебя зовут?

— Татьяна. Да, я тоже... его люблю. Его все любят.

Татьяне вдруг стало хорошо и радостно. Она поняла, что первый раз вслух сказала, что любит Володю.

Глава двенадцатая
«ВКЛЮЧИТЕ СВЕТ В ЗАЛЕ...»

Люди шли во Дворец культуры «Фарход» с цветами, а многие с фотоаппаратами и даже магнитофонами. Паша стоял у окна второго этажа и смотрел сверху, как зрители толпились у входной двери в ожидании, когда билетер оторвет контроль и впустит их внутрь. Каждый зритель, отдав свою трешку, делал свой взнос. В каждой трешке и его, Пашина, доля.

Аншлаг в «Фарходе» составляет две тысячи семьсот рублей, считал Паша в уме. Двести — распространителям, по рублю с кресла — местным. Это уже тысяча двести. Пятьсот пятьдесят — Володе с Севкой, остается — девятьсот пятьдесят. Уберем еще сотню на всяких приглашенных и обеды — остается восемьсот пятьдесят. Вычесть проезд и проживание — и то, что остается, — это их с Леней гешефт. Копеек пятнадцать с каждого рубля его, Пашины. Но дело не только в деньгах...

Паша вальяжно спустился в фойе первого этажа.

Люди напирали друг на друга, заранее вытаскивая билеты; минуя контроль, они спешно пересекали фойе, затем бежали к своим местам в зрительном зале.

В примерной комнате, недалеко от сцены Володя настраивал гитару, а Кулагин в костюме-тройке чистил до блеска концертные туфли.

— После какой песни ты меня объявишь?

Севе хотелось поговорить с Володей, хотелось обсудить свой выход, чтобы это несло какой-то смысл. Но Володя был сосредоточен и замкнут. Не глядя на Севу, буркнул:

— Как пойдет... Ну, минут через тридцать подходи.

* * *

Звукорежиссер Коля тоже готовился к началу концерта, когда к нему в радиорубку без стука вошли связисты Михалыча — Сергей и Байрам. Байрам держал в руках большой катушечный магнитофон. Сергей хлопнул Колю по плечу:

— Где включаться?

— Чего-чего? — вытаращил глаза Коля.

— Не волнуйся, мы из республиканского радио. С дирекцией все обговорено. Дай линию, тебе говорят. Чего непонятно-то?

Байрам включил магнитофон в сеть, поставив его рядом с Колей, заправил бобину.

— У тебя розочка или палец? — обратился Байрам к Коле.

— Розочка.

— Подсоединяй. — Он протянул Коле нужный провод.

— Зачем вам? Вот, я сам пишу, взяли бы у меня да выбрали потом, что понравится.

— Тебя как зовут?

— Коля.

— Коля, мы будем работать, а ты меньше болтай.

Коля с завистью покосился на коробки с японской пленкой и аж крикнул, когда Байрам поставил скорость для записи «19» и нажал на паузу.

— Стерео будете писать?

— Квадро.

* * *

В гримерную заглянули Леонидов и Изабелла Юрьевна.

— Володя, познакомься! Изабелла Юрьевна! Директор этого прекрасного зала.

— Очень приятно. Володя.

Он пожал протянутую Изабеллой Юрьевной пухлую руку. Та улыбнулась и, постучав накрашенным ногтем по маленькому циферблату золотых часиков, томно произнесла:

— Зал сидит! Давайте начинать! А то через час пятьдесят уже второй... Проветрить не успеем.

Высоцкий вышел в темноту за кулисы. Был слышен гул зала, затем аплодисменты и голос Фридмана:

— Здравствуйте! Сегодня перед вами выступит актер театра и кино, сочинитель своих известных песен... Еще много он работает для вас на эстраде... Выходят его пластинки...

Володя стоял в темноте за кулисами в ожидании выхода. Сотни раз стоял он так, в темноте, и ощущал легкий холодок в области живота. Володя любил этот момент перед выходом на сцену. Сейчас

ты скрываешься в полном мраке, а через мгновение — уже в пространстве, наполненном светом, и на тебя смотрят сотни внимательных человеческих глаз. Он любил этот переход еще и за то, что в этом заключалось нечто таинственное, нечто от сотворения мира.

Многие актеры пытались подавить волнение, некоторые даже выпивали перед выходом, другие нарочито громко хохотали или разговаривали с помощником режиссера, чтобы как-то себя отвлечь. Были и такие, кто пытался использовать мандраж перед выходом на сцену — они нарочно усиливали свое волнение за кулисами, начинали охать и стонать, а затем вносили эти нервы сразу в ткань спектакля. Кому-то удавалось...

Володя же нашел собственный способ перескакивать эту черту: он еще до выхода набирал максимальную внутреннюю скорость, как гонщик перед стартом дает максимальный газ и потом отпускает сцепление.

Линия между тенью кулис и светом сцены разделяла два мира с противоположными законами. Смещение невозможно. Поэтому так важна пауза в темноте — в ней происходило накопление и очищение от ненужных тем.

Володя начал играть на гитаре еще до выхода, за кулисами, не дожидаясь конца конференса. Фридман едва успел объявить: «Владимир Высоцкий!», как уже началась песня, оборвавшая овации:

Словно бритва, рассвет полоснул по глазам,
Отворились курки, как волшебный Сезам,
Появились стрелки, на помине легки, —
И взлетели «стрекозы» с протухшей реки,
И потеха пошла в две руки, в две руки!

Мы легли на живот и убрали клыки.
Даже тот, даже тот, кто нырял под флажки,
Чуял волчьи ямы подушками лап;
Тот, кого даже пуля догнать не могла б, —
Тоже в страхе взопрел и прилег — и ослаб.

Щелкнули десятки фотозатворов. В нескольких местах над залом поднялись микрофонные удочки.

* * *

Из радиорубки в окошко был виден совсем маленький человек на сцене, странно контрастирующий с мощным голосом, звучащим из динамика. Работал магнитофон, зашкаливали индикаторы уровня записи. Байрам подкрутил ручку магнитофона, приговаривая: «Зачем так орать, и так все слышно».

Выйдя за кулисы, Леня на секунду замер. Он предчувствовал, что все случится сегодня, но как именно — не мог даже себе представить. Если прямо на концерте — будет большой скандал. На вечерний концерт ожидалось весьма важные персоны. «Нет! На концерте они не станут этого делать. Скорее всего, на выходе, после вечернего... А может, и дадут доработать до конца весь тур и возьмут всех потом».

Подойдя к дверям кассы, Леня постучал условным сигналом. Дверь открыла кассирша Нуртуза Музафаровна. Фридман юркнул внутрь и тут же закрыл за собой на ключ.

— Отложила?

— Я боюсь. Вдруг москвичи считать будут?

— Дура. Не тех боишься. Ну-ка дай.

Бехтеев приказал Лене откладывать корешки билетов с каждого концерта, а потом передать их ему.

Леня начал выдергивать длинные ленты билетных корешков из стопок, которые лежали на столе Нуртузы Музафаровны. Найдя газету, завернул выданные корешки билетов в нее, покрутился, ища укромное место, и засунул сверток на верх высокого шкафа.

— Давай сюда десятичасовые.

Сгреб новую стопку корешков и сунул в свой портфель. Затем приоткрыл дверь в фойе, воровато выглянул в щель и, перед тем как выйти, бросил Нуртузе:

— С деньгами не обсчитайся.

Нуртуза покорно взялась за пересчет.

* * *

Паша стоял в зале, облокотившись о входную дверь, и с наслаждением слушал, как Володя ведет концерт.

— ...Я начал с песни, чтобы у вас не осталось сомнений, кто перед вами. Сегодня я буду петь и совсем новые, и вспоминать старое. Пожалуйста, включите в зале свет! Давайте! Давайте! Это же не такой, знаете, концерт, как в Кремле, туда меня пока не пускают.

В зрительном зале вспыхнул свет. Послышались смех и аплодисменты.

Паша рассматривал зрителей. Он предвкушал успех. Бессчетное количество раз он видел, как преображаются зрители. После концерта люди выходили совершенно другими. И он, Паша, для всех

превращался в небожителя. Это он привез Высоцкого! Он — его друг! Все пойдут по домам, а он останется с ним.

Паша любил Володю не из-за денег. Он любил его за эту послеконцертную эйфорию, за возбуждение, за желание счастья, свободы, любви, в котором благодаря Володе оказывались ненадолго все зрители. Все обретало смысл.

Паше нравилось войти в зал и смотреть не на Володю, а на публику. Он знал наизусть все Володиные песни и подводки и предвкушал: «Сейчас заржут и поползут под стулья от смеха! Сейчас замрут и начнут незаметно смахивать слезы, а сейчас снисходительно хмыкнут». Вот она, жизнь! Вот то, чего не может никто, а Володя может! Он умеет делать людей счастливыми. И зрителей, и Пашу.

Но деньги надо брать после каждого концерта, а то начнутся разговоры: мол, «получилось меньше, чем мы предполагали». А так — недодали за первый концерт — мы не выйдем на второй. Денег у вас нет? Ищите, может, найдете. И найдут! Прямо у себя в кармане найдут. Совсем не обязательно, чтобы на Володе нагревались всякие шаромыжники.

— ...Мне необходимо видеть вас, — продолжал Володя, обращаясь к залу, — и тогда возникает контакт общения. А когда темно, не видно, кто в зале... Может, там и нет никого. — Снова прокатился смех. — Ну вот, хорошо. Правда, так лучше? — Дружные аплодисменты. Володя поднял руку. — Я буду прерывать вас, когда вы хлопаете, не потому, что я не люблю аплодисментов, — я артист, мне приятно, конечно, — а чтобы больше успеть рассказать, спеть.

Паша направился в кабинет директора. По фойе разносились слова со сцены:

— ...Сейчас песня, которую вы, наверно, не слышали еще...

Не хватайтесь за чужие талии,
Вырвавшись из рук своих подруг,
Вспомните, как к берегам Австралии
Подплывал покойный ныне Кук...

У ДК начали вновь собираться люди. Некоторые недоверчиво смотрели на афишу, на которой было написано: «Начало в 10-00», и сравнивали со временем, обозначенным в их билетах. Слышалось возмущенное: «Это как же?», «Уже поет!», «Почему здесь написано?..»

К афише спустилась директор ДК Изабелла Юрьевна и на место числа «10», обозначающего время начала концерта, наклеила квадратную табличку с числом «12». Несколько зрителей, испугавшихся было, что опоздали, с облегчением вздохнули и поспешили к дверям ДК.

Михалыч и его помощник Кибиров готовили очную ставку между кассиром Нуртузой Бекмамбетовой и знаменитым организатором «левых» концертов Леонидом Фридманом. На столе лежала папка уголовного дела, билетные корешки, деньги, афиши.

— Паспорт, между прочим, тебе не отдадут, — не унимался чиновник. — Анкету и заявление твое я приложу к делу прямо сейчас, но нужны еще визы и МВД, и комитета. А будут они теперь визировать? Я не знаю.

— Старшина, ну что ты, в самом деле? Мне же завтра права вернут. А над тобой все смеяться будут..

— Смеяться будут не надо мной, а над законом. Я выполняю свою работу. — Улыбкин достал из планшетки пачку протоколов и стал заполнять один из них.

Таня наконец поняла: происходит что-то неладное.

— Мы же опаздываем! — Леонидов энергично развернулся к Нефедову.

Лайнер «Ил-18» был готов к взлету. Высоккий сидел, глядя перед собой, кресло рядом с ним пустовало.

— Толя, скажи, он может работать? — Сева указал на курящего на улице Володю.

Толя досадливо выключил камеру...

— Что ты психуешь? Что вы сами себя пугаете? «Толя, скажи, Толя, покажи». Ну скажу, и что ты сделаешь?

У стойки администратора гостиницы «Зарафшан» Леонидов заполнил анкеты.

Среди ночи Татьяне позвонил Леонидов, кричал в телефонную трубку:
— Танюша! Слушай меня внимательно! Под кроватью в кабинете коробка. Бери ее и вылетай... Давай, голубушка, а то случится что-то страшное...

Леня начал выдергивать длинные ленты билетных корешков из стопок, которые лежали на столе Нуртузы Музафаровны. Сгреб стопку корешков, сунул в портфель...
— Я боюсь, — произнесла Нуртуза. — Вдруг москвичи считать будут?
— Дура. Не тех боишься...

Из гримерной Сева и Паша слышали, как в зале публика неистовствовала. Со всех сторон несло: «Володя, еще!», «Володя, „Баньку“!». Только что Володя закончил третий концерт. Оставалось еще два.

Сева запел: «Если друг оказался вдруг / И не друг, и не враг, а так...»

Зал загудел, послышались крики:

— Халтура!

— Высоцкого давай!

Кулагин заметил Фридмана, окруженного какими-то важными персонами, и бросился к нему:

— Леня! Леня!..

— Невозможно сейчас, Севочка! — Фридман недобро зыркнул на Кулагина: — После, после... все после.

Михалыч резко схватил Алимхана за горло и крепко сжал ему кадык.

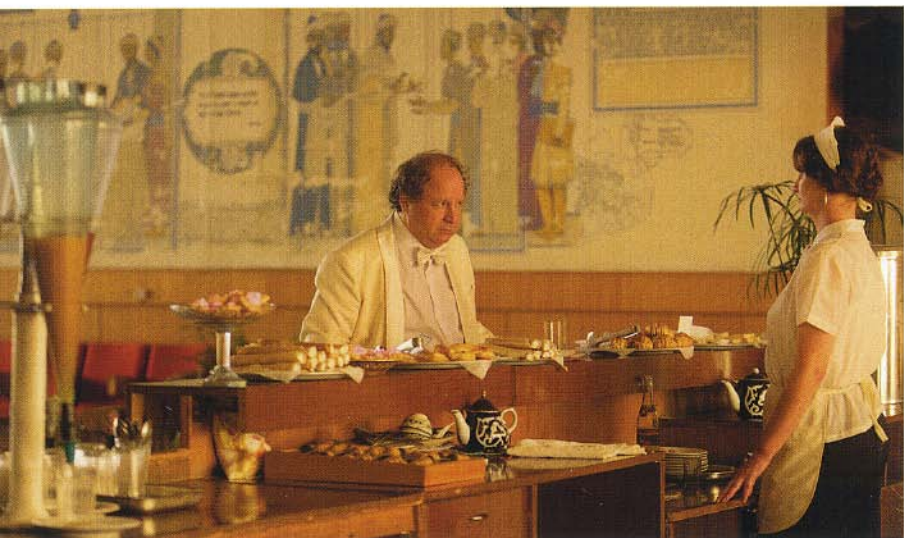
— Ну что, джигит, яйца тебе отрезать?..

Али беспомощно дернулся в жилистых руках и еле слышно просипел:

— Я... Э... Э... Мил-ис-ия!

Татьяна осталась одна на остановке в неизвестном ей пыльном кишлаке... По трассе в сторону кишлака направлялся автобус.

Фридман залпом проглотил стакан коньяка. Бросил буфетчице на стойку пять рублей, несколько секунд постоял, успокаивая дрожь в руках...

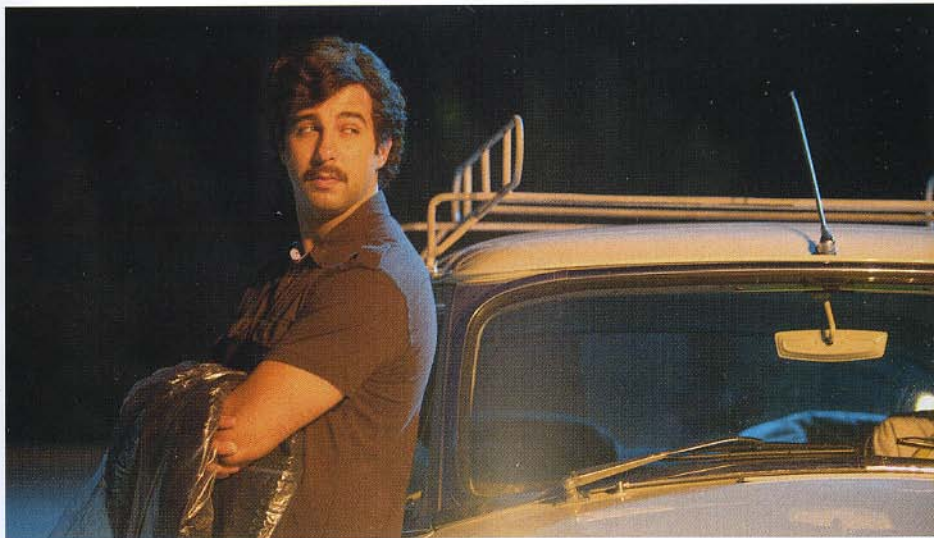

— Лень, у тебя здесь знакомые в милиции есть? — спросил Леонидов.

Леня вздрогнул.

— Зачем ты спрашиваешь? Я никогда... Почему у меня должны быть знакомые там?

— Я не поеду, Володь, — сказал Сева. — Я, знаешь, домой, в Москву. Что мне тут делать? Смотреть, как ты себя горишь?

Татьяна зажмурилась от солнца, которое вдруг наполнило комнату. Это Володя раздвинул занавески и открыл окно.

Татьяна была счастлива: она ехала верхом на ослике, заливаясь смехом от восторга и хлопая в ладоши... За ослом двигалась вся уставшая от жары компания.

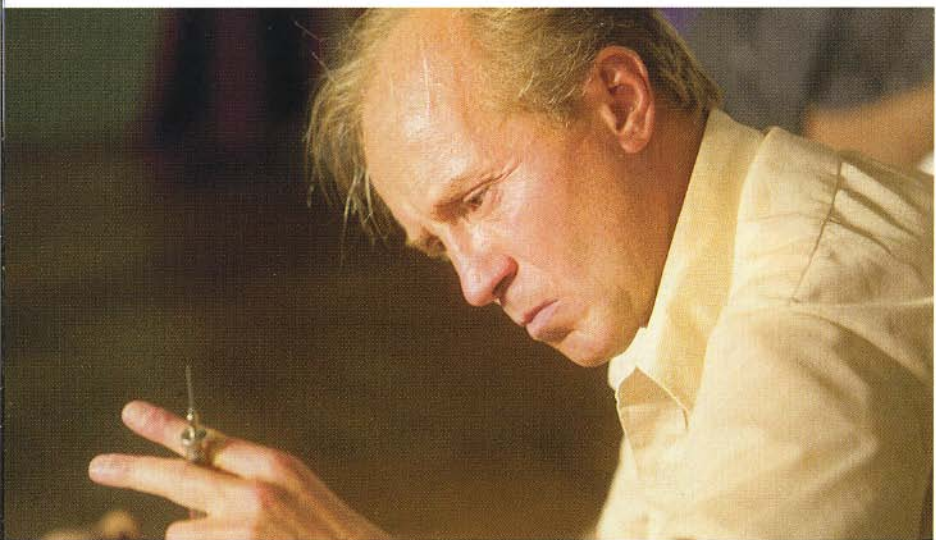
Высоцкий, в халате и тюбетейке, остановился возле торговца коврами и начал кричать, добавляя в речь узбекский акцент: — Вот сматри! Ничего говорить не буду, сам видишь! Лючше нет, бери и уходи!

С рынка они вернулись усталые. Кроме ковра, куплены были нож для Нефедова, кумган, керамическое блюдо, какая-то мелочь и огромный арбуз.

Володя лежал на полу в беспомощной позе.

Движения Нефедова вдруг стали экономными, быстрыми — профессиональными. Он метнулся к саквою, вынул нужную упаковку ампул, набрал адреналин в шприц.

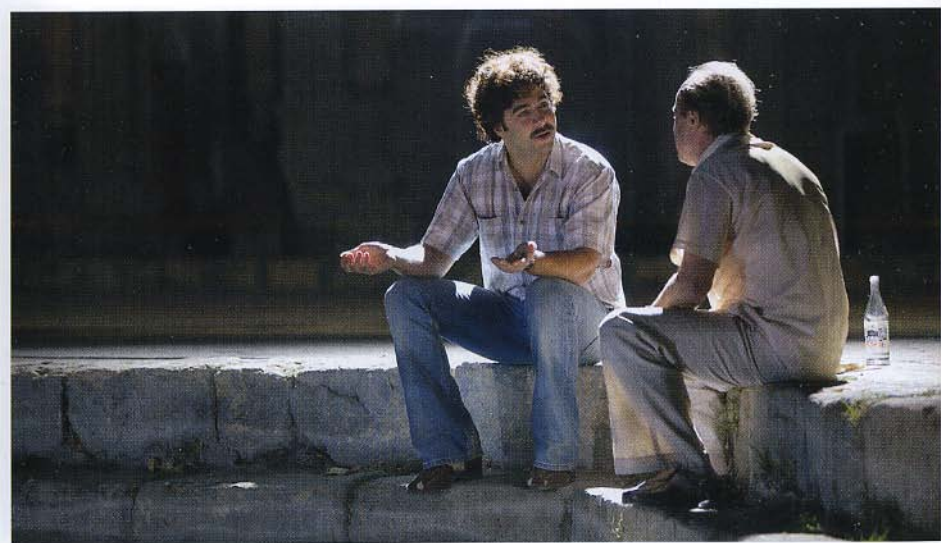

— Как ты себя чувствуешь?

— Не поверишь. Как новорожденный.

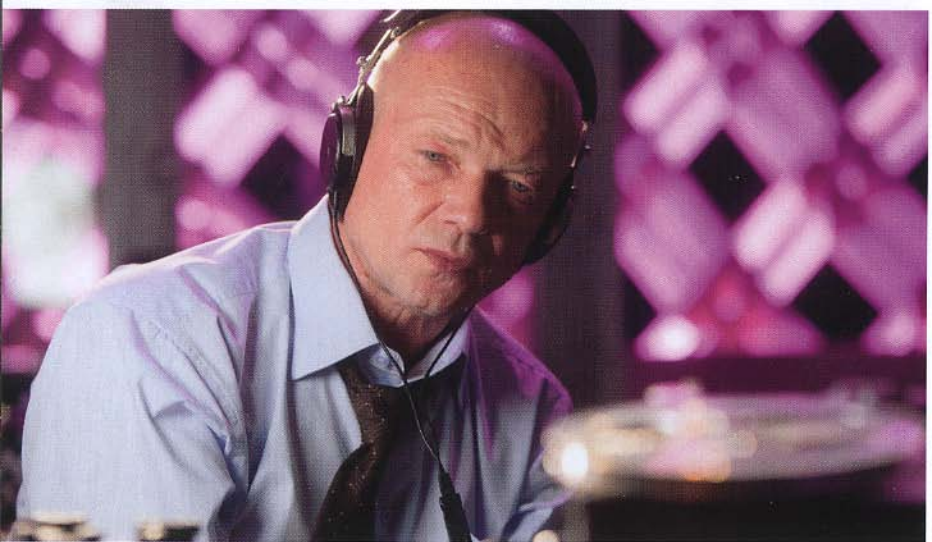
— Как я испугалась... — Она придвинулась ближе и уткнулась Володе в плечо.

— Ты чего? — Сева изумленно посмотрел на Толика. — Плачешь, что ли? Тебя только коснулось — и ты поплыл... а он с этим живет... Каждый день. По-настоящему... И пять раз в день выходит на сцену — по-настоящему.

Татьяна открыла дверь и впустила поддатого Нефедова.
— Я пришел дежурить. Вдруг ты заснешь? Мы так с Севой решили... Я вот тут..
Татьяна не успела возразить, как Нефедов уже плюхнулся в кресло.

Михалыч задумался. Пленка в магнитофоне кончилась, и безмолвно крутилась одна bobина.

— Да, пора нам в генералы. А, Витя? — Серый мечтательно взглянул на ночное небо.

Михалыч поморщился:

— В полковниках удержаться бы.

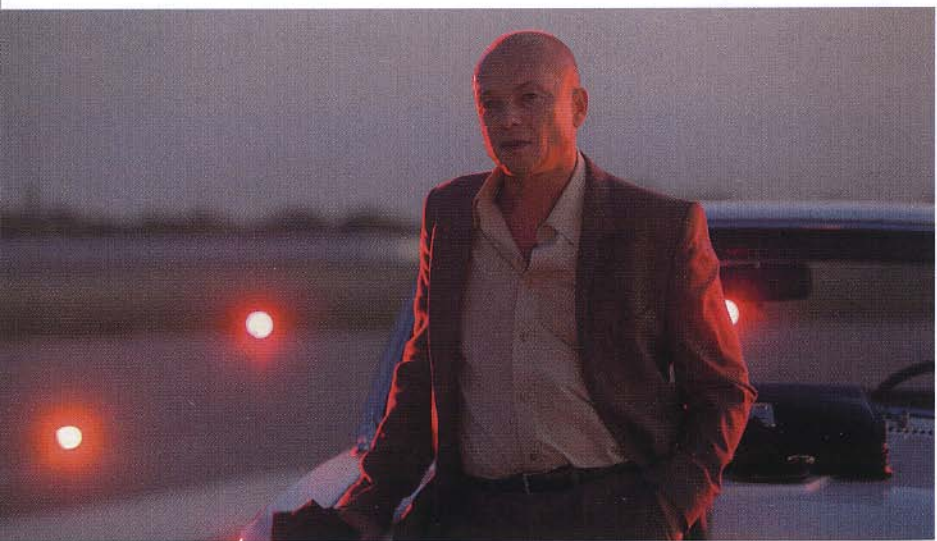

Из урны вырывались языки пламени. Обжигаясь, Фридман подсовывал бумаги в огонь... Комната наполнилась дымом.

Когда за Володи́ей и Михальче́м закрылась дверь с надписью «Служебное помеще́ние», Татьяна́ бесси́льно опу́стилась на чемодан.

Михальчи́ч сто́ял ря́дом со зда́нием аэро́порта и смотре́л на гото́вый к взле́ту самоле́т.

Глава тринадцатая
ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ

Грузовой самолет стоял в аэропорту Ташкента. К нему подъехал «Урал». Солдаты начали загружать в грузовик ящики. Татьяна уже шла по взлетному полю в сторону здания аэропорта, когда ее догнал запыхавшийся майор. Он сунул ей деньги — ворох бумажек разного достоинства.

— На, забери. Ты, это, извини, четвертак мы пропили.

Он резко развернулся и побежал назад к самолету. Татьяна так растерялась, что даже не успела его поблагодарить.

Она вышла на площадь перед зданием аэропорта и огляделась. Неподалеку стояло несколько машин такси.

— Мне нужна Бухара, — обратилась она к таксисту. — Сколько это стоит?

— Три рубля, — сообразил таксист, увидев приезжую.

— Недорого... — Татьяна поскорее прыгнула на переднее сиденье.

Шофер нехотя завел двигатель.

— А чего так рано? Он еще закрыт.

Татьяна с любопытством разглядывала утренний город. Поливальные машины обрызгивали дорогу и клумбы, отмывая их от ночной пыли.

— Кто закрыт? — не поняла Татьяна.

— Ресторан. Тебе же ресторан «Бухара» нужен?

— Нет. Город. Мне нужен город Бухара.

Таксист затормозил так резко, что Татьяну бросило на лобовое стекло.

— Ты че, дура? Город Бухара — это же четыреста километров отсюда! Кто тебя повезет, да еще за треху?

— Я заплачу сколько надо...

— Во дает... мать твою.

Таксист выключил счетчик и развернулся.

— Спросим у калымщиков. Может, кто и поедет. Да туда-обратно бензину только на полтинник...

На углу площади под деревьями на траве несколько мужчин играли в нарды. Один из них, глядя на Татьяну, громко ответил:

— Да ти че-е! Это же чирез пустыну... А если чиво случится?.. Не-е... Вон у Алимхана спроси...

— Слыхала? — Таксист смачно сплюнул.

Он вступил в переговоры на непонятном языке с двумя мужчинами в больших кепках «аэродромах». Те одновременно повернули головы в сторону Татьяны. Глаза их затащило масляной поволокой. Наконец таксист вернулся, неодобрительно качая головой:

— Сто двадцать рублей хотят. Поедешь?

Татьяна кивнула. Таксист махнул рукой. Один из мужчин подошел ближе, откровенно разглядывая Татьяну с головы до ног:

— Иди! Садись! Видишь тот красный обделаний машин. Туда.

Татьяна направилась в сторону красных «Жигулей». Люди в больших кепках загоготали на своем языке, сплевывая пережеванный нас.

Жигуленок резво выкатил с площади на трассу.

— Мене Алик зовут, а тебе?

— Татьяна.

Алик зашуршал ручкой радио в поисках нужной волны.

— Сам откудава?

— Из Москвы.

— Е-е!

Он недоверчиво осмотрел Татьяну с ног до головы и сильнее закрутил ручку радио. Наконец наткнулся на голос Магомаева, поправил на голове кепку, гордо подняв голову, что-то замычал и уперся в руль.

В машине сильно пахло бензином, от водителя отдавало нестираным бельем. Татьяне вдруг стало тоскливо и страшно. Еще полчаса назад она была уверена, что вот-вот увидит Володю, а оказалось, что до него еще сотни километров. Несколько часов придется ехать по жаре в компании с Аликом, который пялился на нее без стеснения и все время закидывал в рот какой-то черный порошок и прямо на ходу в окно сплевывал.

— Неужели правда, что до Бухары четыреста километров? — вырвалось у Татьяны.

— Четыреста шестьдесят пять. Тебе сколько лет?

— Двадцать... пять, — приврала Татьяна и предательски покраснела.

— Мужа ест?

— Да. — Таня попыталась придать голосу твердость.

— А киде работаешь?

— Я художник.

— А-а! У меня... это... пелемянник... хюдожник. Знаешь, в кинотеатра разный афиш-мафиш рисуют...

— А-а! Оформитель?

— Неть, — вдруг вскипел Алик, — я тебе гаварю — хюдожник...

* * *

В кабинет Изабеллы Юрьевны постучали.

— Ну что, Беллочка, готово? — осведомился Фридман, просунув голову в дверь.

— Да, можете заходить.

Фридман и Леонидов юркнули в кабинет.

Изабелла Юрьевна достала ведомость. Фридман извлек из своего портфеля печать, вытащил бумаги, стал расписываться. Изабелла вынула вторую ведомость, Фридман расписался и в ней.

— Это суточные? А вот, Беллочка, актики, — интимно проговорил Леня.

Фридман расписался на актах и поставил печать. Передал Изабелле Юрьевне, та тоже расписалась и тоже поставила печать. Один экземпляр вернула Фридману, затем передала несколько мятых купюр. Действо развивалось в полной тишине.

— Всё? — таинственно спросила директриса.

— Да, — так же загадочно подтвердил Фридман.

Изабелла Юрьевна подошла к двери, выглянула и заперла кабинет на ключ. Ритуал продолжился. Фридман на всякий случай подпер дверь еще шваброй и включил трансляцию. Со сцены доносился голос Высоцкого:

...И било солнце в три луча,
Сквозь дыры крыши просеяно,
На Евдоким Кириллыча
И Гисю Моисеевну...

Изабелла Юрьевна отсчитала деньги, вручила их Фридману. Фридман, отсчитав часть, отдал Леонидову, тот пересчитал и бóльшую часть сунул в карман, а несколько купюр в конверт.

— Все чисто? — спросила Изабелла.

— Чисто.

— Давай.

Леня включил трансляцию на полную громкость:

Спекулянтка была номер перший —
Ни соседей, ни Бога не труся,
Жизнь закончила миллионершей
Пересветова тетя Маруся...

Изабелла встала, подошла к шкафу, извлекла оттуда прокопченное ведро и протянула его Фридману. Леня открыл форточку, поставил ведро на подоконник, вынул из портфеля стопки билетных корешков, засунул их в ведро и чиркнул спичкой. Изабелла Юрьевна взяла полотенце и размашистыми движениями принялась выгонять дым в форточку. Фридман склонился над ведром, глядя, как языки пламени облизывают бумажные полоски.

— Ты считал?

— Беллочка, конечно. У нас аншлаг. Вся сетка. Все до одного, — поспешил успокоить Беллу Фридман. Он ссыпал пепел из ведра на газету и аккуратно завернул.

Леонидов достал из кармана бутылку коньяка. Разлил по стаканам.

— Ну что ж. С началом! — протянув стакан, провозгласил он.

Это тоже входило в ритуал. Все движения были отработанными, лаконичными и четкими. Лишних слов здесь не требовалось, каждый в точности знал, что делать. Главное — меньше слов, больше дела.

Когда все было закончено и Леонидов с Фридманом собрались за кулисы, Леня вдруг обернулся у двери:

— Беллочка, дорогой мой человек! Купи новое ведро.

Фридман и Леонидов, раскрасневшиеся и довольные, вышли в коридор.

Беллочка отправилась на улицу — поменять время на афише.

...Взяв последний аккорд, Володя отвернулся от микрофона, откашлялся. Мокрая рубашка прилипла к спине. Тяжело дыша, он снова повернулся к залу и подошел к авансцене. Он был болезненно бледен. Щурясь от яркого света, он принимал цветы и благодарил зрителей, а сам незаметно приближался к кулисе. Закончился второй концерт. Он ушел со сцены, не дожидаясь конца аплодисментов.

— Володя, покажи букет! — крикнул Нефедов, который снимал его на камеру.

Высоцкий замахал в объектив цветами. Тяжело дыша, он возвращался в гримерку. Стало ясно, что пять концертов в таком темпе он не выдержит.

В аэровокзале города Ташкента по трансляции звучало объявление: «Внимание! Пассажирка Татьяна, прибывшая из Москвы и следующая до Бухары, подойдите к справочному бюро. Вас ожидают».

Гена стоял около справочной и вглядывался во всех молодых женщин.

Девушка из окошка справочной окликнула его:

— Молодой человек! Москва уже вышла вся давно. Еще повторять будете?

— Нет.

— Тогда за четыре раза, пожалуйста.

Она протянула квитанцию.

К Геннадию подбежал оперативник Рустам и доложил:

— Сегодня в десять утра сел военный борт из Москвы, в сопроводительных документах есть Иванова Татьяна.

Гена глянул на часы, и оба бросились к выходу.

Площадь была заполнена людьми, на такси выстроилась огромная очередь. Машин же не было вообще. Недалеко от стоянки такси еще большая очередь дожидалась автобуса. Гена подошел к дежурившему около очереди на такси диспетчеру с жезлом и красной повязкой на рукаве.

— До Бухары кто-нибудь брал машину?

— Ты что?.. Далеко так! Не поехал бы никто!

Гена махнул рукой и отправился назад, к зданию аэропорта. И тут ему повезло. Человек в огромной кепке слегка тронул его за локоть:

— Куда надо машин, командира?

— До Бухары, — автоматически пробурчал Гена.
— У-у... Сто пятьдесят — поедешь?
— Сколько?
— Сегодня дэвушка один двести рублей до Бухары давал!
— Когда? — боясь спугнуть, осторожно спросил Гена.
— Двести, говорю тебе.

* * *

Геннадий вбежал в отделение милиции, козырнул удостоверением перед дежурным. Следом Рустам втащил человека в кепке и коротко приказал:
— Лицом к стене.
Геннадий ворвался в обшарканный кабинет, где за столом дремал пожилой старшина.
— Где городской телефон?
Не дожидаясь ответа, схватил со стола аппарат и стал набирать номер.
— Извини, выйди, — бросил он остолбеневшему старшине и показал удостоверение.

* * *

Шел третий концерт Высоцкого.
Михалыч в зрительском буфете ел коржик. Сюда тоже транслировались песни. Михалыч невольно прислушивался.

Посмотрите — вот он
Без страховки идет.
Чуть левее наклон —
Упадет, пропадет!
Чуть правее наклон...

Подбежал Кибиров и на ухо прошептал: «Вас к телефону в машину».

Михалыч спокойно дожевал коржик, запил лимонадом, вытер губы и неторопливо двинулся к выходу. Все шло по плану. С приездом Татьяны наступала решающая стадия операции. Предстояло встретить ее и просто зафиксировать хранение и транспортировку наркосодержащих препаратов. А дальше — дело техники. Звонок Гены практически ставил точку в нехитрой многоходовке.

Михалыч вышел на улицу и быстрым шагом пошел к серой «Волге». Сел на переднее сиденье, взял трубку. И услышал возбужденный голос Геннадия:

— Виктор Михайлович, она уехала два с половиной, наверное, даже три часа назад на красной «трешке», номерной знак 77-49 УЗИ. Водитель — Мамедов Алимхан, 1957 года рождения.

— Как же вы ее упустили? — заорал Михалыч.

— Тут военный борт шел утром, она на нем прилетела... Кто ж знал?

— Догнать сможешь? — взял себя в руки Михалыч.

— Догнать никак не получится уже. Могу с ГАИ связаться...

— Слушай меня! С ГАИ не связывайся. Следуй по их маршруту: вдруг сломаются или еще что-то. И будь повнимательней. Понял?

— Понял.

«Вот она, мелочь!» — мелькнула мысль у Михалыча.

Секунду он просчитывал расстояние и промежуточные точки.

— Так, давай на Ташкент, — кивнул он водителю, положив трубку.

— Как — на Ташкент?

— Быстро!

— Есть, товарищ полковник.

Взвизгнув шинами, «Волга» отъехала от Дворца культуры. Она промчалась мимо афиши, анонсирующей концерт Высоцкого. У входа во дворец вновь собрались люди.

* * *

В зале публика неистовствовала. Перекрикивая аплодисменты, со всех сторон неслось: «Володя, еще!», «Володя, „Баньку“!»

Володя, переводя дыхание, поднял руку. Аплодисменты стихли.

— Я на бис не пою, спасибо вам большое! Вообще мы здесь второй день, очень теплый прием, я бы даже сказал, жаркий... Но у вас климат такой.

Снова разразилась овация. Только что Володя закончил третий концерт. Оставалось еще два.

Он вышел со сцены, держась за горло. Кулагин, наблюдавший финал концерта из-за кулис, остался у дверей в коридор, чтобы не пропустить зрителей, которые еще на аплодисментах заскакивали на сцену, чтобы взять автограф или сфотографировать Высоцкого. К нему на помощь подошли Леонидов и Фридман.

В примерной за столиком сидел Нефедов. Он взял руку Высоцкого, посчитал пульс и присвистнул. Набрал таблеток из разных упаковок, подал Володе. Затем набрал в рот воды и, как из пульте-

ризатора, выпустил из себя облако капель. Володя не прилег и не принял таблеток — все стоял и смотрел на окно, к которому с улицы прилипло несколько любопытных. Они таращились на него, как аборигены на Кука, и нисколько не смущались, что он их видит.

Толя повторно выпустил капельное облако:

— Приляг, я тебе говорю... Приляг!

— Толя! Горло... говорить больно. Скажи Севке — надо, чтоб он подольше там...

— Сделай вот так, — Нефедов прижал подбородок рукой к груди, широко раскрыл рот и запрокинул голову, а потом медленно закрыл рот. — Вот так — раз десять. Сейчас все пройдет. Ты почему таблетки не пьешь?

— Не пройдет... Толя, мне очень плохо...

Толик видел расширенные зрачки и нездоровую бледность на лице Володи. Пробежал холодок — симптомы знакомые: «Сердце не справляется!» Но, не желая показывать Володе волнения, уверенно произнес:

— Пока я с тобой, ничего не случится. Я таких, как ты, десяток за смену с того света... Сядь.

Нефедов поймал взгляд одного из любопытных. Неожиданно он нагнулся, схватил за ножку шифоньер и потащил к окну. Весь красный от натуги, он загородил окно шкафом.

В гримерку вошли Кулагин, Фридман и Леонидов.

— А занавеску задернуть не пробовал? — съязвил Леонидов.

Высоцкий наконец проглотил таблетки.

— Толя, не волнуйся так...

— Может, Володя, еще что-нибудь передвинуть? — предложил Фридман.

— Что происходит? — занервничал Кулагин.

— Севка... Глос... петь не могу. Возьми на себя побольше. А там я попробую, расскажу что-нибудь, мне даже просто говорить трудно.

— Давай хотя бы один отменим? — осторожно предложил Сева.

Фридман аж подпрыгнул:

— Сейчас у нас очень ответственный концерт — из горкома пришли, из профсоюзов, а на следующий я жду из обкома людей. Ты же сам, Володь...

— Люди пришли на мой концерт, — твердо произнес Володя. — Давайте я сам буду решать. Работаем! Сева, и не надо соплей.

* * *

Шоссейка тонкой ниткой пролегала через пустынные хребты. Солнце нещадно палило. Красная «трешка» одиноко летела посередине дороги. Вокруг на расстоянии взгляда не было ни души. За последние полчаса только бензовоз промелькнул в окошке да одинокая «Волга» показалась на горизонте.

В салоне автомобиля Татьяна искоса наблюдала за тем, как Алимхан, одной рукой держа руль, другой достает из кармана маленький целлофановый пакетик и в очередной раз насыпает из него себе под язык темно-зеленый порошок.

— Ты чего такой грюсный? — Али зыркнул на Татьяну.

— Жарко.

— Скоро арык бюджет... купаться бюджетшь... — Он улыбнулся, обнажив пару золотых зубов, и шаловливо дотронулся до коленки Татьяны.

Татьяна отдернула ногу и отвернулась.

— Е-е! Я тебе сам кюпать буду... Хочишь?.. Ти кюпалник взял с собой? А? Чего мольчишь? Не хочиш разговариват? Ми тут один... Тут двести километр нет никто... Будишь плехо вести себе, бирошу сдес, шпост шакал тебе съест.. Я тебе гавару... хараццо бюдиш сибе вести, давезу на висшем уровне... дэньги нэ надо... нет — сдес останишься... Али еще никогда не обманиваль...

Красная «трешка» вдруг резко свернула на обочину дороги. Али открыл дверь машины и, сплюнув на землю черную слюну, выскочил из кабины. Слегка пошатываясь, он обошел машину и распахнул пассажирскую дверцу. Попытался вытащить Татьяну из кабины. Таня отчаянно сопротивлялась, отпихивалась ногами. У нее началась истерика:

— ...Я везу лекарство... Высоцкому... Если ты меня тронешь хоть пальцем... он тебя... найдет на том свете... понял... не трогай меня! Не трогай... или убей здесь!

* * *

Спидометр показывал сто тридцать километров в час. Михалыч заметил съехавшую с дороги машину лишь на мгновение. Некоторое время он соображал, затем посмотрел на часы:

— Сколько до Ташкента?

— Ну, я не знаю, до центра города, наверно...

— До аэропорта?

— Километров триста, может, меньше. Если так гнать — бензина не хватит.

Михалыч некоторое время считал в уме часы и километры, затем принял решение:

— Разворачивайся.

— Как — разворачивайся? Мы же...

— Слушай меня, — отдельно произнес Михалыч. — У тебя под ногами три педали. Жми на ту, которая посередине.

Водитель подчинился. Машина резко затормозила, подняв клубы пыли.

— Теперь вот эту круглую штуку против часовой стрелки крути. Это называется разворот. Поехали.

— Куда?

— Прямо. Я тебя на ишака пересажу, Серик! Рано тебе на машине. Да не гони.

Теперь Михалыч хорошо рассмотрел красные «Жигули», которые стояли метрах в двадцати от дороги в небольшой ложбинке. Он увидел открытые двери, резкие движения водителя, лежающиеся женские ноги, а главное — номер 77-49 УЗИ.

— Они. Стой.

Еще несколько секунд Михалыч наблюдал за происходящим.

— Так он ее, по-моему, это... — забеспокоился Серик.

— Быстро соображаешь!

Михалыч дотянулся до руля и сам нажал на клаксон: один длинный, два коротких гудка.

Али оглянулся и на секунду замер, затем выпрямился и захлопнул дверцу со стороны Татьяны. Он попробовал сделать вид, будто это просто ссора.

— Вот так, понял? — И пригрозил пальцем.

Таня завизжала, стараясь, чтобы услышали в «Волге».

— Э!.. Все, все... пошутить хотэл. Нэ ори, пожа-
лыста! Извэни, короче... Нэ буду болше.

Али обошел машину и, перед тем как сесть за руль, воровато оглянулся на дорогу. «Волга» стояла все там же. Задним ходом Али начал выезжать на трассу. Оглянувшись еще раз, он не поверил своим глазам: «Волги» на дороге не было.

— Э, ой-бай! Видэл?

Татьяна его не слышала. Она вжалась в кресло и до боли в руках сжала сумку. На какой-то момент она полностью потеряла контроль над собой и разрыдалась до икоты. Руки онемели. Она попробовала пошевелить головой, но тело не подчинялось.

— Эй, слюшай... не буду болше... прасти, пажалиста.

Красный жигуленок осторожно тронулся с места.

* * *

Сева старательно тянул время. Он уже отработал свою программу и теперь решил показать номер «Испорченный радиоприемник». Он зашипел в микрофон, изображая помехи в эфире, а затем голосом женщины-диктора произнес:

— И о погоде: завтра в Бухаре и области обильные осадки. — Зал одобрительно хохотнул. — Ветер западный, порывистый... — Он опять изобразил помехи и голосом Николая Озерова продолжил: — Буряк проходит по краю, пас Блохину, удар, гоооол!!! Счет

становится... — Вновь изобразил помехи и снова женским голосом: — Двадцать семь — двадцать девять градусов выше нуля.

Раздались аплодисменты, почти овация. Кулагин явно не рассчитывал на такую реакцию. Но тут краем глаза он увидел, что на сцену выходит Володя. Аплодисменты предназначались ему. Севе ничего не оставалось, как объявить в микрофон:

— И вновь на сцене — Владимир Высоцкий!

Страшно уставший и растрепанный, Володя приблизился к микрофону:

— Актер должен оживлять все, к чему прикасается. А для этого нужна наблюдательность, фантазия. Сева делает это очень хорошо. Вообще уметь делать что-то хорошо — это важно.

Кулагин не отрываясь смотрел на Володю из-за кулис. Рядом стоял Нефедов — судя по всему, он и проводил Володю до сцены.

— Где же Татьяна? Пора бы уж ей... — нервно тебя кулису, обратился Толя к Севе.

Сева думал о своем:

— Я сейчас снова выйду. Он же еле стоит.

Однако Володя продолжал свое выступление:

— В последнее время участились случаи появления летающих тарелок. Многие их видели, многие на них летали. И вот сейчас — песня. У нее такое длинное название: «Письмо в редакцию передачи „Очевидное-невероятное“ из сумасшедшего дома с Канатчиковой дачи». Капица слушал и не обиделся.

— Вроде все пока нормально, — Толя сам не верил тому, что говорит.

— Да нет, Толик, не нормально, не нормально!
Высоцкий взял первые аккорды и начал песню:

Дорогая передача!
Во субботу, чуть не плача,
Вся Канатчикова дача
    К телевизору рвалась, —
Вместо, чтоб поест, помыться,
Уколоться и забыться,
Вся безумная больница
    У экрана собралась.

* * *

Красный жигуленок остановился на заправку в небольшом безлюдном кишлаке. Заправочной станцией назвать это было трудно, так как там просто стоял бензовоз и бензин по канистрам разливали из шланга. Неподалеку были раскиданы несколько мазанок, да еще имелась небольшая изгородь, возле которой блеял привязанный к высохшему дереву баран. Откуда-то долетал дымный запах шашлыка.

Татьяна сидела в машине одна. Безжизненное пространство вокруг отупляло. Она даже не думала бежать — очевидно же, что бежать некуда.

Возвращаясь к машине с едой и что-то насвистывая, Али не заметил двух мужчин, вышедших из-за глиняной постройки. Один из них, поравнявшись с ним, резко схватил его за горло и втолкнул за загородку, видимо служившую загоном для скота. Али уронил шашлыки с овощами на землю. Одним движением Михалыч повалил его и крепко сжал кадык.

— Ну что, джигит, яйца тебе отрезать? А? Я тебя спрашиваю, говно! Отрезать?

Али беспомощно дернулся в жилистых руках и еле слышно просипел:

— Я... Э... Э... Мил-ис-ия!

Михалыч вынул удостоверение и сунул его прямо в лицо Алимхана:

— Читай! Умеешь читать? Я тебя, говно, за Полярный круг!.. Веришь?

Задыхаясь, Али одними губами прошептал:

— За что?.. Уважаемый?..

— Если ты на нее еще хотя бы раз посмотришь!..

Михалыч отпустил горло Али, и они с Сериком исчезли так же быстро, как и появились.

Али, шаркая ногами, подошел к машине. Осторожно сел за руль. На Татьяну он не смотрел.

— Я довезу вас до автобус... хорошо доедешь...
Мошин совсем сломался.

Глава четырнадцатая ШЕСТИЧАСОВОЙ

Нефедов и Кулагин почти втащили Высоцкого в примерную.

— Все! Он больше на сцену не выйдет. — Кулагин уложил Володю на кушетку.

...А людей уже запускали в зал. С улицы валили все новые зрители.

Кулагин подбежал к билетерам, закрыл входную дверь прямо перед носом у очередной группы зрителей и заявил:

— Не будет шестичасового. Отменяется. Не пускайте никого!

— Задерживается? — не поняла билетер.

— Отменяется, я же говорю!

Под напором зрителей дверь снова открылась.

— Объявляйте со сцены, а то нас тут сметут! — сказала ему женщина-билетер и вернулась к работе. Люди шли и шли, а она все продолжала надирать билеты.

Кулагин заметил Фридмана, окруженного какими-то важными персонами, и бросился к нему:

— Леня! Леня!..

— Невозможно сейчас, Севочка! — Фридман недобро зыркнул на Кулагина и тотчас с улыбкой

повернулся к своим чиновным спутникам: — Пожалуйста, идемте... проходите, пожалуйста! — На миг он обернулся к Севе: — После, после... всё после.

Неожиданно Кулагина окликнули сзади:

— Вы Кулагин? Всеволод?

— Да. Кулагин, Кулагин, Всеволод.

Молодая симпатичная девушка протянула ему билет и ручку.

— Ну, если вам это нужно... — Сева слегка смутился.

— Вы же будете выступать?

— Да нет, конечно!

Девушка рассмеялась. Ее подруга тоже протянула бумажку. Около Кулагина стали останавливаться люди, кто-то щелкал фотоаппаратом, кто-то просто глазел...

* * *

Фридман вышагивал впереди солидных гостей по проходу.

— Резервный ряд... Прошу, вот он!

Однако в этом ряду уже разместились компания каких-то молодых людей.

— Встаньте! Кто вас сюда посадил?! — прикрикнул на них Фридман.

Те вскочили и бросились искать другие свободные места. Гости Фридмана сели.

— Душновато здесь...

— Да-да, Вера Павловна. Немного душновато. — Леня замахал руками, словно отгонял комаров от Веры Павловны. — Но... Начнется концерт, и вы всё

забудете, поверьте мне! Блестяще работает Владимир Семенович, блестяще! Приятного вечера.

Кланяясь, он пошел по проходу обратно, пожимая руки важным зрителям.

* * *

Вновь увидев Фридмана, Кулагин вернул девушкам ручку и бросился к нему.

— Отмена! Леня, отмена! Володя не может... — умолял он.

— Невозможно! Только не сейчас! — зашипел Леня.

Сева крепко взял Леню под локоть и потащил за кулисы.

— Выйдем вместе на сцену и скажем, что перенос... Или нет, что деньги вернем!

— Какие деньги, Сева? Кто их вернет?! Не безумствуй!

* * *

Леонидов и Изабелла закрылись в директорском кабинете. Услышав внезапный стук, Изабелла поднялась, чтобы открыть дверь.

Кулагин ввалился в кабинет.

— Простите, нам надо два слова друг другу сказать, — обратился он к Изабелле.

— Вообще-то мы работаем, — недовольно отозвался Леонидов и проглотил кусочек лимона.

— Все! Он же не может, ему плохо, отменяй концерт. Его надо в Москву, в больницу. Ему плохо.

— Ему плохо, потому что нет лекарства, — невозмутимо отрезал Паша. — А если он не будет работать, начнется вообще бог знает что! Так его держат публика, обязательства хоть какие-то. Толя дает ему препараты шведские. Ты знаешь, сколько я за них заплатил? Говорили, расслабляют, снимают тягу. Да ни хрена они не снимают! Долбаные шведы.

Сева набрал воздух в легкие, чтоб не закричать от досады, затем выдохнул, успокаиваясь. Насколько он сейчас вообще мог успокоиться.

— Павел, ты не понял... Выйди сейчас на сцену и скажи, что концерт отменяется. Все люди, поймут.

— Нет, это ты выйди и работай, — так же невозмутимо продолжил Паша. — Ты зачем сюда приехал, артист? Артист — играй! Пока ты работаешь, Володя отдыхает.

Паша вытолкнул Кулагина из кабинета.

* * *

Сева выскочил на сцену, и публика захлопала.

Он поклонился, отбежал к кулисе и, краснея от натуги, выкатил на сцену рояль.

Затем снова убежал и вернулся со стулом. Зрители наблюдали, как он забрал со сцены стойку с микрофоном, сел за рояль, взял несколько аккордов... Зал затих. Продолжая наигрывать, Сева обратился к публике:

— Добрый вечер. Потушите свет в зале. Добрый вечер! Вы все пришли на концерт Владимира Высоцкого. Но ведь когда мы приходим на концерт,

скажем, Моцарта, мы же не ждем, что он сам к нам выйдет. Мы с удовольствием слушаем его произведения. И сейчас — никакого обмана. Будут звучать песни Владимира Высоцкого! — Сева начал играть ритмичней. — Кому не понравится — в конце мы вернем деньги.

И Сева запел:

Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а так...

Примерно до середины песни ошарашенные зрители молча слушали Севино исполнение. Затем зал неуверенно загудел, послышались крики:

— Халтура!

— Высоцкого давай!

Люди поднимались с мест, свистели. Первые ряды кидали на сцену скомканные билеты и фантики от конфет.

Сева мужественно продолжал:

Если парень в горах — не ах,
Если сразу раскис — и вниз...

Вдруг шум в зале стих. Сева увидел, что на авансцене стоит Володя. Кулагин перестал играть и опустил голову.

Володя очень тихо, но отчетливо заговорил в микрофон:

— Это, наверное, очень удобно — вот так в темноте свистеть, топтать ногами... вроде и себя показал, и не увидел никто. Пожалуйста, включите свет в зале.

Он дождался, пока свет включат, и продолжил:

— Всеволод Кулагин — мой друг, прекрасный актер. Он пел мою песню. Давайте дослушаем.

Он повернулся к Севе и кивнул ему. Севе ничего не оставалось делать, как закончить начатое:

Если ж он не скулил, не ныл,
Пусть он хмур был и зол, но шел...

Зрители, затаив дыхание, смотрели на сцену. Все понимали, что происходит что-то необычное, незапланированное. И когда Сева, закончив петь, встал у рояля — публика приветствовала его как триумфатора. Слабо кивнув, Сева побрел за кулисы.

Володя вновь обратился к публике:

— Спасибо, что вы пришли на мой концерт. Я вышел с гитарой, чтобы у вас не было сомнения, кто к вам приехал. Но петь сегодня я вам не буду. Я потерял голос — может, от жары, может.. не знаю, одним словом, от чего. Но раз вы пришли, встреча состоится, что бы ни случилось, при любой погоде. Я расскажу вам о Театре на Таганке, о себе, поговорим так. Знаете, есть такая форма — творческий отчет. Вот отчитаюсь, значит.

Зал ловил каждое слово Высоцкого. В резервном ряду солидные люди из местного руководства тоже внимательно слушали.

В кулисах за Володей наблюдали Леонидов, Нефедов и Сева. К ним присоединился Фридман.

— Ребятки, здесь такого никогда не было. Все пришли! Вон — шестой, седьмой ряд.

— Шел бы ты... — Сева недобро посмотрел на Фридмана.

— Да-да, конечно, вы здесь сами... — Фридман ретировался.

Было видно, что Володя в предобморочном состоянии. Мокрая футболка, блуждающий взгляд, неоправданные паузы.

— Знаете, как у нас говорят: уважительная причина неявки артиста на спектакль — смерть. Слышали? А мы живем, и, значит, никаких изменений в репертуаре. Начнем сначала, если хотите, пишите записки, я отвечу. А так часто спрашивают: «Зачем вы пишете песни? Вы же артист». Действительно, зачем писать, петь, когда можно и не писать? Когда есть композиторы, певцы, поэты... Но я, в общем, думаю, что пишут не зачем-то, а просто потому, что не писать не могут, когда рвется что-то из души, из сердца...

* * *

Прижимая к себе сумку, в забитом до отказа стареньком пазике Татьяна въехала в Бухару.

Она сидела около окошка в окружении женщин, детей и даже нескольких баранов. Ее соседка кормила грудью маленького черноволосого ребенка. От жары, пыли и бессонной ночи Татьяну охватило странное безразличие. Несколько раз она ненадолго проваливалась в сон.

Наконец автобус остановился. Пассажиры ожились, с криком и хохотом повалили на улицу. Татьяна вышла последней.

Осмотрелась. Площадь выглядела пустой и заброшенной. Пассажиры, вышедшие из автобуса, исчезли, будто растворились в воздухе. Внезапно перед Татьяной вырос коренастый милиционер. Он вяло отдал честь:

— Сержант Файзиев. Ваши документы, пожалуйста.

Татьяна достала паспорт и протянула его сержанту:

— А где здесь концерт Высоцкого? Вы не знаете?

— Там, — он махнул рукой в сторону. — Дворец культуры «Фарход». Пройдите со мной, пожалуйста.

— Зачем?

— Проверка документов.

Татьяна пошла рядом с сержантом к зданию автовокзала. Несколько женщин и детей, сидя на корточках у стены, прятались от солнца.

Сержант открыл дверь и пропустил Татьяну в темное помещение автовокзала. На самом деле это был длинный одноэтажный барак с надписью «Бухара». Внутри было прохладно и темно.

Милиционер открыл дверь с надписью «Комната матери и ребенка». Внутри за пеленальным столиком сидел плотный мужчина в светлой рубашке с короткими рукавами. Файзиев отдал ему паспорт Татьяны и удалился.

Михалыч раскрыл паспорт и посмотрел на дату рождения. Девятнадцать лет. Это ж кем надо быть, чтобы отправить в такое путешествие ребенка, да еще и с «препаратом»?.. Михалыча охватила невероятная жалость к этой ничего не понимающей красивой девочке. И — злоба, жгучая, до тошноты, по отношению к гастролерам. Несколько секунд он глядел на фото в паспорте.

— Татьяна Петровна, сумочку откройте, пожалуйста.

Помедлив, Татьяна открыла замок, поставила сумку на стол и отступила на шаг. Неторопливым, уверенным движением Михалыч извлек коробку с надписью «ZEBO-ZEBO».

— Ничего не хотите мне сказать? — поинтересовался он.

— Нет.

Он снял с коробки крышку, достал небольшой сверток и развернул его на пеленальном столике. Там оказалось четыре упаковки ампул и металлическая коробочка. Михалыч раскрыл коробочку. В ней на марле лежали два шприца.

— С какой целью прибыли из Москвы? — спросил он.

— У меня здесь друзья.

— Друзья? — Михалыч обошел стол и присел на стул перед Татьяной. — Это для них?

— Это лекарство... Мое лекарство.

Неожиданно он схватил ее за руку и быстро задрал рукав. Помедлив, Татьяна высвободилась. Он взял ее за вторую руку. Она опять попробовала дернуться, но теперь он держал крепко. Нарочито медленно закатал ей второй рукав. Посмотрел Татьяне в глаза.

— Нет. Не ваше. — Он указал на упаковки ампул: — Это лекарство внутривенное.

— Я забыла выложить... В Москве.

— «Забыла выложить...» Ну ты хоть понимаешь, что решается судьба твоя? Приобретение, хранение и транспортировка наркотиков — пять-семь лет.

Татьяна молчала.

— Женские зоны в основном за Уралом... Ты покрываешь кого-то? Они забудут тебя завтра же. Ну так как? «Забыла выложить»?

— Да.

— Город Анадырь знаешь?

— Я там родилась, — неожиданно зло сказала Таня и с вызовом посмотрела на Михалыча.

Помолчали. Он вдруг увидел абсолютно взрослого человека, вполне отдающего себе отчет в том, что происходит. Во взгляде Татьяны читались неприкрытая злость и презрение. Михалыч понял, что разговаривать с ней бесполезно, а жалеть глупо.

— Ну что ж... Значит, ошибся я. Пиши.

— Что писать?

Михалыч положил перед Таней лист бумаги и ручку и стал диктовать, медленно прохаживаясь по комнате. Татьяна послушно начала писать.

— «Объяснительная. Медицинские препараты, которые я привезла с собой из Москвы, принадлежат мне». Укажем количество: сорок ампул по два кубических сантиметра. Название препарата «Омнопон». Число, подпись. А здесь я напишу, что составлено в моем присутствии.

Он взял объяснительную, пробежал глазами, сунул ее в папку.

— Все. Иди.

— Куда?

— Куда шла. Я же говорю: ошибся. Могу я хоть раз ошибиться?

— А я могу забрать? — она указала на ампулы.

— Конечно. — Он взял одну из ампул, повертел в руке и положил обратно. — Мне-то зачем столько «Омнопона»?

Татьяна быстро сложила все в обувную коробку и сунула ее в сумку.

— До свидания?

— До свиданья.

— Спасибо.

Она повернулась и вышла из комнаты, забыв забрать паспорт.

Михалыч проводил ее взглядом. «И девицу эту вместе со всеми... Ей уже не помочь!» — решил Виктор Михайлович. Стало легче.

* * *

Татьяна влетела во Дворец культуры. Дождавшись, пока она исчезнет в глубине здания, Михалыч вышел из машины и направился к служебному входу.

— Кибиров! Людей на служебный вход. Быстро. Я буду через минуту, — приказал он в рацию.

* * *

Зал был забит до отказа, люди сидели в проходах, на корточках перед сценой, даже в ложах освещения. И все внимательно слушали Высоцкого, очень тихо говорившего со сцены. Он читал монолог Гамлета:

Что человек, когда его желанья —
Еда и сон? Животное, не боле...

Слезы не давали возможности хорошо разглядеть Володю. Но Тане достаточно было голоса: «Он здесь».

— Например, сочинительство, — доносилось со сцены. — Тоже дело тонкое. Я занимаюсь этим двадцать лет, и я буду обязательно продолжать писать для вас песни, но, знаете, с каждым разом как-то трудней и трудней. И тут не годы, не усталость, а, знаете, как в шахте угольной. Все выбрали, а слой все глубже уходит и тоньше становится. Доставать уголь все сложнее и опаснее. И тогда они взрывают породу. Бывает так, что и впустую. Выбрали после взрыва все, а слоя-то больше и нет — кончился! А бывает, что вот он — уголек, только бери...

Глава пятнадцатая
«Я ВЕСЬ В СВЕТУ —
ДОСТУПЕН ВСЕМ ГЛАЗАМ...»

На улице возле служебного входа Михалыч вполголоса давал указания Кибирову и нескольким оперативникам:

— Значит, так. Он заканчивает, уходит. Сразу вы двое — к дверям, встаньте туда и никого посторонних в коридор не пускайте. Остальные — на заднюю лестницу. Ждите моей команды и входите. Всех, кто в коридоре, — по комнатам. Порезче, поглубее. Кому не нравится — можно в рыло. Никаких объяснений. Ждать меня. Еще понятых — два человека.

— Все ясно, Виктор Михалыч. Исраилов здесь.

— Где?

— Сидел в зале, а сейчас в буфете чай пьет.

— Что это он? Война началась? Ладно, я к нему. Да... вот еще что. В раздевалке у гастролера будет дорожная коричневая сумка. В ней ампулы — несколько упаковок. Когда войдете, найди их и держи у себя, пока не приду. Всё, работайте.

Михалыч развернулся и направился к главному входу.

Стараясь не мешать зрителям, Татьяна прошла по центральному проходу, протиснулась между сидящими на ступеньках людьми. У самой сцены она наклонилась и скользнула к левому portalу. Уже в самом углу зала она выпрямилась и проскочила за кулисы. На нее никто даже внимания не обратил — все не сводили глаз с Высоцкого.

Паша был поражен. Сколько раз доводилось ему видеть, как Володя пением гипнотизирует публику, но такого не случалось еще никогда. Простым рассказом о работе он держал в оцепенении зал уже больше часа. И сам Паша не мог оторваться от сцены.

Однако, заметив Татьяну у противоположной кулисы, Паша сразу же бросился к ней, огибая сцену за задником.

— Танечка, золотце, привезла? Давай! — Он забрал у Тани сумку. — Знаешь что? Он в жутком состоянии. Он тебя сразу в Москву отправит. Давай-ка я тебя в гостиницу сразу.

— Паша, я...

— Увидитесь. Потом, — Леонидов потащил Татьяну к выходу.

Они пошли по коридорам в фойе.

— Поселишься сейчас в номер к Володе. Мы будем минут через тридцать. Не говори ему, зачем приехала! Он меня убьет. Скажи, просто соскучилась.

— Паша, у меня паспорт забрали.

— Кто? — Паша резко остановился.

— Проверили документы, спросили, кому лекарство везу.

— А ты?

— Сказала, для себя... или... даже не помню...

А про паспорт вообще забыла с перепугу.

— Дальше.

— Сюда пришла.

— Отпустили тебя?

— Конечно.

Паша опять повлек Таню к выходу.

— Ты в рубахе родилась. Сумасшедший дом. В гостиницу без паспорта еще хоть как-то можно... А вот в самолет — не посадят. Где это было?

— На автовокзале.

— Я завтра схожу, попробую забрать.

Они вышли на улицу и направились к машине. Среди выстроившихся в ряд, начищенных до блеска черных «Волг-24» выделялась старенькая «двадцать первая».

Паша усадил Татьяну на заднее сиденье и обратился к водителю:

— Отвезешь ее в «Зарафшан», поселишь в двести одиннадцатый, к Высоцкому. Все, Танюха, мы скоро.

* * *

В полной тишине, покачиваясь на ватных ногах, Володя подошел к небольшому столику на сцене, на котором стоял графин. Налил себе воды, сделал несколько глотков. Он почти ничего не видел. Только ощущал присутствие тысячи зрителей.

Ноги подкашивались. В ушах гудело. Чтобы не упасть, он оперся о стойку микрофона.

— Я обязательно вернусь в ваш город и буду петь, а вы, если захотите, придете... Прощайте... То есть простите... Что сегодня вот так... Спасибо, что слушали.

Он двинулся за кулисы. Народ безмолвствовал. Проходя мимо рояля, Володя уронил стул, оставленный Севой. Зал охнул. До кулис оставалось несколько шагов.

— Володя, сюда, сюда, — услышал он шепот Паши Леонидова.

Из последних сил Володя рванулся вперед и упал на руки Паши и подоспевшего Нефедова.

— Мне что-то нехорошо... Голоса нет. При-
сесть бы...

Нефедов и Леонидов понесли Володю по коридору в грим-уборную. И вдруг со сцены вслед им зазвучала песня:

Я весь в свету — доступен всем глазам,
Я приступил к привычной процедуре,
Я к микрофону встал, как к образам.
Нет-нет, сегодня точно к амбразуре...

— Кто это придумал? — еле слышно спросил Володя.

— Хрен его знает, как-то само, — ответил Леонидов.

Михалыч вошел в зал на последних словах песни. Раздались аплодисменты, и к одиноко стоящему микрофону зрители понесли цветы.

Из радиорубки за происходящим наблюдали Сергей и Байрам. Фонограмму запустили они. Песня кончилась — Байрам выключил магнитофон.

Михалыч не верил своим глазам. Люди продолжали подниматься на сцену, с цветами и просто так. Кулисы заполнились народом. В коридор, куда увели Высоцкого, людей не пускали два оперативника.

— Туда нельзя. Актеры отдыхают.

— А мне только автограф взять!..

— Нельзя!

Фридман протолкнулся сквозь толпу поклонников. Заметив оперативников, замер, затем повернулся, выскочил из толпы и побежал сломя голову в фойе.

Тем временем к грим-уборным пыталась приблизиться пожилая супружеская пара.

— Я врач. Может быть, нужна помощь? — с достоинством говорил мужчина.

Чуть подумав, оперативник отозвался:

— Вы вдвоем? — Он окинул их взглядом. — Не могли бы обождать?

— Ну конечно, мы ждем, — сразу согласились они.

— Хорошо. Может быть, вы будете нужны.

Нефедов и Леонидов уложили Володю на кушетку. Пошарив в сумке Татьяны, Леонидов вытащил сверток с ампулами.

— Никого не впускай! Никого! Слышишь? — всполошился Нефедов.

— Так никого ж нет.

— Дверь закрой на ключ.

Леонидов подчинился.

Нефедов как-то воровато оглянулся на Володю. Тот тяжело дышал.

— Володя, все будет хорошо, я сейчас.

Он осторожно извлек одну ампулу из коробки — так, чтобы Володя не заметил, сколько добра привезла Татьяна. Начал набирать «лекарство» в шприц.

* * *

Фридман побежал через фойе к билетной кассе и принялся отчаянно колотить в дверь. Открыла Нуртуза. Отодвинув ее в сторону, Фридман вытащил из тайника на шкафу газетный сверток с билетными корешками, предназначенными для Михалыча, сунул его в свой портфель и вылетел из кассы.

* * *

Вместе с несколькими оперативниками Кибилов стоял на темной лестнице. На часах было 19.40.

— Все готовы? Пошли!

Оперативники открыли дверь и с задней лестницы быстро зашли в коридор. Один из них заглянул в туалет — проверить.

Кибилов толкнул дверь гримерки, но она не поддалась. Он постучал.

* * *

Нефедов уже готовился сделать укол. Услышав стук, застыл на месте. Леонидов не растерялся ни на миг. Зычным голосом прокричал, обращаясь к двери:

— Минуту! Артист переодевается.

Кибиров жестом остановил здорового оперативника, который приготовился было ломать дверь: «Ладно, подождем».

* * *

Фридман залпом проглотил стакан коньяка. Бросил буфетчице на стойку пять рублей, несколько секунд постоял, успокаивая дрожь в руках, и наконец вышел из буфета. Он не обратил внимания на Израилова, который с аппетитом вкушал за столиком булку, зато сразу заметил идущего навстречу Михалыча. Тот подмигнул ему, сложил пальцы решеткой и сквозь них посмотрел на Фридмана. Леня показал Михалычу портфель:

— Вот... Всё у меня... Это кому? Мне-то что делать? — сбивчиво забормотал он.

— Тебе-то? — ухмыльнулся Михалыч. — Тебе — ждать и бояться.

Фридман застыл в нелепой позе. Михалыч прошел мимо него и остановился рядом с Израиловым.

— Здравия желаю, товарищ генерал. С приездом.

— Почему он не поет? — продолжая жевать, осведомился генерал.

— Болен.

— Болен? Лечи! Какие гости в зале, видел? А в Ташкенте — Первый с семьей на концерт ожидается! Что делать будешь?

— Сейчас задерживаем его.

— Как — «сейчас задерживаем»? — генерал чуть не поперхнулся.

— Не успел доложить. Кроме левых концертов тут еще... Они наркотики с собой привезли. — Михалыч искоса взглянул на Фридмана, стоящего неподалеку. — Извините, товарищ генерал.

Михалыч отошел от генеральского столика, нагнулся на Фридмана:

— Что встал как памятник? Памятник администратору Фридману? Пошел отсюда.

Фридман попятился.

Михалыч вернулся к столу.

— Ты хорошо подумал? — Исраилов продолжал жевать.

— У нас есть все основания, — пожал плечами Михалыч.

— Ты делать умеешь, а думать — нет! А ты попробуй! А то зачем тебе голова твой! Может член ЦК преступника и наркомана слушать и хлопать потом? А вон сидят и хлопают. Я видел. А в Ташкенте — Первый сидеть будет и тоже хлопать будет! — Вдруг генерал перешел на крик, и изо рта у него полетели остатки булки: — Кто пригласил руководство области? Ты куда смотрел? Ты о чем думал? Или ты специально — меня подставить захотел? Научил тебя кто так делать?!

— Я выполняю ваш приказ.

— Я приказывал тебе руководство дискредитировать? Ты что сказал такое? — побагровел Исраилов.

— Товарищ генерал!

Буфетчица с интересом прислушалась к разговору. Но генералу до нее не было никакого дела, он расходился все больше:

— Молчи давай! Информацию собирай — и про наркотики, и про левые их дела незаконные. Может,

и надо будет сказать кому-то: «Ты куда ходишь? Ты что смотришь-хлопаешь?» Но это я буду решать! И говорить я буду! Когда надо будет! Веди его! И чтоб волос с него не упал! Охраняй! Чтобы никакой скандал не был! Ишь какой: «Задерживаем!» Отбой давай! И делай, как я говорю, а то я тебе сделаю.

Михалыч стоял, оплеванный Исраиловым в прямом и переносном смысле. Как только генерал замолчал, он невозмутимо достал из кармана рацию и, прикрыв ее рукой, скомандовал:

— Внимание всем! Стоп на задержание. Киби-
ров, уводи людей.

Рация зашипела в ответ:

— Киби-ров на связи. Повторите.

— Уводи людей!

* * *

Оперативники снова вышли на заднюю лестницу. Киби-ров вернулся к двум сотрудникам, которые стояли рядом с пожилой парой у выхода на сцену.

— Всё. Снимаемся.

Все вместе они направились к служебному выходу.

— Мы можем пройти? — спросил пожилой врач.

— Конечно, — ответил на ходу Киби-ров.

Пожилая пара зашла в коридор.

Из гримерки выглянул Леонидов.

— Простите, а где Владимир Семенович? — учтиво обратился к Паше пожилой мужчина.

— Переодевается, — так же учтиво ответил Паша.

— Ох! Как вас охраняют...

— Да это какие-то важные люди в зале были, — махнул рукой Леонидов.

— Да, да, мы видели.

— Что с Владимиром Семеновичем? — вмешалась в разговор женщина. — Он был страшно бледный. Вы мерили давление?

— Да, да, — поддержал ее муж. — Я врач, нас попросили подождать. Может, нужна помощь?

— Прошу вас, не нужно паниковать. С ним сейчас доктор, и это, скорее всего, аллергия.

Тут дверь гримерной открылась, и в проеме появился Володя.

Перемена, произошедшая с ним, удивила и Леонидова, и пожилую пару. Он был абсолютно нормален.

— Все хорошо, Паша? — голос осипший, но бодрый.

Мимо него, ни на кого не глядя, протиснулся Нефедов:

— Пойду покурю.

Володя кивнул Леонидову:

— По твоим делам все в порядке?

— Да и по твоим, я смотрю, тоже. А то вот нам помощь предлагают. — Паша показал подбородком на пожилую пару.

— Материальную, я надеюсь... — Володя улыбался.

— Я врач, — повторил пожилой мужчина растерянно, — я думал...

— Да, да, мне под конец совсем нехорошо было, — признал Володя. — То ли духота, то ли жара.

— Вы позволите? — Мужчина взялся пальцами за запястье Высоцкого. — Подождите-ка, вам надо лечь. Немедленно! У вас...

— Не беспокойтесь. Это всегда так после сцены. Волнение. Я после спектакля часов до четырех-пяти утра не сплю. Сердце колотится. Профессиональное. Как вас зовут?

— Александр. Кира, — представились супруги.

— Очень приятно — Владимир. Спасибо, что побеспокоились. Но у меня все хорошо. Даже очень хорошо. — Он повернулся к Леонидову: — Паша, есть хочу умираю. Поехали в гостиницу. Поужинаете с нами, ребята?

— Спасибо, мы дома.

Александр и Кира отошли в полной растерянности. То ли оттого, что их называли ребятами, то ли просто потому, что, будучи медиками, поняли, в чем дело.

Высоцкий вернулся в гримерную, а Леонидов остался в коридоре — прогуливаться.

Он расхаживал по коридору, когда из-за угла появился Фридман.

— Кто там? — он ткнул пальцем в дверь гримерной.

— Володя.

— И всё? — удивился Леня.

— И всё.

— И больше никого? — настаивал Леня. Глаза у него бегали.

— А кто тебе еще нужен?

— Никто.

— Леня, у тебя здесь знакомые в милиции есть?

Леня вздрогнул:

— У меня?

— У тебя.

— Зачем ты спрашиваешь? Я никогда... Почему у меня должны быть знакомые там? Я многих

знаю, но чтоб близко или дела какие-то... Да никогда! — Он вдруг весь покрылся красными пятнами и завизжал: — Ты за кого меня держишь? Я что тебе, стукач? Ты это хочешь сказать?

Паша в недоумении захлопал глазами:

— Ты чего орешь на меня? У Татьяны паспорт забрали в милиции.

— Татьяна? Она что, приехала?

— Приехала. Сейчас в гостинице. Паспорт у нее забрали. Я думал, может, ты знаешь кого-то. Странный ты какой-то, дерганый.

— Это я-то странный? — Леня уже успокоился. — Чем же это, интересно?

— Леня!

— «Леня, Леня»... Вот поехали бы к Сулейманову, там многие будут...

— Какой еще Сулейманов?

— Большой человек, из местных. У него день рождения сегодня, я же говорил тебе. А ты еще отмахнулся: «Мало ли что там, Леня»...

— Так поехали.

— Там Володя нужен. А он не сможет теперь.

— Теперь-то как раз сможет, поговори с ним. Про Татьяну ни слова, а так — мол, поехали, отдохнем. А мы с тобой, может, и решим вопросы наши.

Фридман поправил рубашку, пригладил волосы и нырнул в гримерную.

— Володя! Блестяще! Было руководство местное. Знаю, тебе это не очень важно, но очень всем пришлось по душе. — Он сделал круг по комнате, зачем-то коснулся гитары. — Тут вот еще какое дело... Нас всех пригласили, прямо сейчас, мотануться за город. На воздух. Шашлык, плов... Здесь плов, я тебе

доложу... — Он изобразил лицом восторг. — Интеллигенция местная. Чего они здесь видят? Ты же праздник сюда привез! Вот... Может, поедем? Поужинаем... Тут в гостинице еда не очень... А там все по-настоящему. И очень ждут.

Володя с улыбкой посмотрел на Фридмана:

— Пообещал уже?

— Если не хочешь, я все назад отмотаю.

— Да ладно, если обещал — поедем.

Фридман засиял:

— Конечно, конечно. Володя, ты... ты — настоящий... ЧЕЛОВЕК!!! Серьезно. Спасибо! Мне здесь, может, еще работать придется. И это очень здорово, что ты вот так... согласился. Здесь люди настоящие, они помнят добро.

Всей компанией они вышли через служебный вход на улицу.

— По машинам, ребятки! Нас ждет шикарный ужин. Гитарочку давай в багажничек, — суетился Фридман. — Если захочешь, Володь, споешь.

Уже устроившись на переднем сиденье «Волги», Володя заметил Севу. Тот стоял в стороне, уже переодетый. Концертный костюм на вешалке держал, закинув на плечо. На асфальте стояла сумка с вещами.

— Едем ужинать? — окликнул его Володя.

— Я не поеду, Володь. Я, знаешь, домой...

— Как — домой?

— Домой, в Москву. Я сорвался, не подумал, а у меня репетиция, потом запись на радио... Поеду я.

— Севка!..

— Да ладно... Меня вон и в афише-то нет — даже не заметит никто. Что мне тут делать? Смотреть, как ты себя гробишь?

Володя вышел из «Волги»:

— Ты прекрасно работаешь! Если бы не ты, я бы не дотянул сегодня.

— Володь, не надо, — оборвал его Сева, — не говори ничего.

Он поднял сумку и прошел мимо друга, задев его вешалкой с костюмом.

— Сева! Я прошу тебя!

Сева открыл багажник «Волги» и бросил туда сумку.

— Ну вещи-то я могу положить? Или мне их так и держать? — Он хлопнул багажником и сел в машину. Опустил стекло. — Мы едем ужинать... или как? — крикнул он Володе.

28 июля 1980 года, Москва

Недалеко от Белорусского вокзала между высоких зданий на Ленинградском проспекте стоит маленький одноэтажный домик с мезонином. Ни вывески, ни номера, ни даже таблички перед входом. Домик отделен от тротуара высоким кованым забором. Калитка всегда открыта, но никто не входит. По ночам во всех окнах горит свет.

Попадают внутрь через подвальные коридоры из подъезда многоэтажного жилого дома. В этом большом сером доме раньше жили старые большевики. От них на фасаде остались две мемориальные доски. Одна — в память о латышском стрелке, годы жизни 1888–1931. Он и пожить-то толком в этом доме не успел — с 1928 по 1931 год. Другая посвящена женщине. Кто она? Что она? Неизвестно. «Видный деятель международного коммунистического движения». Дожила аж до 1964 года, а родилась... да и не важно, когда она там родилась.

Важно, что висела доска с ее именем рядом с третьим подъездом. Из него-то и можно было попасть в дом с мезонином. Зайдя в подъезд, следовало не подниматься к лифту, а, наоборот, спуститься по лестнице на один пролет к двери со звонком.

Нажмешь — откроют, ничего не спросят и проводят. Этим же ходом попадали в дом с мезонином и работники — от уборщицы до дежурного офицера, — и гости...

В народе его называли Дом свиданий. А вообще-то по документам он значился как приемная номер 2 КГБ СССР по Москве и Московской области. Имелась еще и приемная номер 1, но про ту-то как раз все знали. Она находилась в районе Большого дома на Лубянке. Там и вывеска наличествовала, и заходили туда с парадного входа. А эта — на Ленинградке — оставалась как будто никому не известной...

Хотя вся Москва знала. Даже приезжим как достопримечательность показывали. Вот, мол, наш Дом свиданий!

Внутри было несколько комнат, спальня и большая зала — гостиная. В ней сохранились печка в изразцах и старинная хрустальная люстра.

Все комнаты были оборудованы прослушкой, а «слушатели» располагались в мезонине. У входной двери, в которую никто не входил, стоял часовой. А у черного входа — аж два.

Комнатка отдыха для караула находилась в подвале, и там же была небольшая, человек на десять, столовая. Сюда три раза в день привозили горячую еду.

Отдельного места для дежурного офицера не предусматривалось, поэтому Серый слонялся по комнатам. То там посидит, то здесь полежит. Если телевизор смотреть, то в гостиной. Дежурство — суточное. Делать почти всегда нечего. Сослали так сослали.

Работа Серого заключалась в том, чтобы предоставлять — открывать комнаты для встреч сотруд-

ников разных подразделений комитета с агентурой или просто с гражданами для бесед. Вербовкой здесь никто никогда не занимался. Так... поговорить, предупредить, поугатать.

Серый попал сюда в марте после двух подряд инсультов. На пенсию не хотелось. Упросил, чтоб оставили в строю, — ну вот и оставили.

Было часов десять вечера. По всем трем каналам одна Олимпиада. Спорт Серый не любил да и телевизор тоже не жаловал. Тренированная память фиксировала все. И Серый после просмотра телевизора долгие часы не мог заснуть. Все переваривал никчемную информацию, анализировал, составлял какие-то цепочки, искал скрытые связи событий... Сходил с ума, одним словом. Профессиональное. Голову успокаивали пасьянсы да шахматные задачи, но в последние три дня и они не помогали.

И хоть врачи запрещали, Серый хлопнул коньяка и даже покурил. Помогло, хотя и ненадолго. Мозг кипел. Ну что ему? Он давно не работал по Таганке и по Высоцкому, да и когда работал — были же у него и задачи другие, и проблемы, и объекты...

Но сейчас все это стало неважно. Важны только факт смерти Высоцкого и его похороны. Не так следовало себя вести. Не так! Да, Олимпиада! Да, тучи иностранцев! Но нельзя же просто зажмуриться и молчать. Третий день эти перестраховщики делают героя из человека... пусть талантливого по своему, но вовсе не героя. А если уж случилось такое, так используйте то, что есть, вместо того чтобы прятать голову в песок. Объявите хотя бы по «Маяку», присвойте это чрезвычайное происшествие.

Ах, Олимпиаде нельзя мешать? Да ее забудут через год, эту Олимпиаду! На пользу себе нужно было обращать — и популярность его, и песни его, и смерть его.

Когда Серый работал в «четверке», то стал свидетелем столкновения двух точек зрения на важнейшую проблему борьбы с диссидентами и вообще с инакомыслием. Одна — цэковская, другая — комитетская.

Инструктора ЦК настроились на войну: давить, сажать, разоблачать. В «четверке» дураков было меньше. Имелись, конечно, экземпляры, но существенно, существенно меньше. И позиция их представлялась куда более здравой: необходимо попробовать обратить инакомыслие стране на пользу.

Верные ленинцы из ЦК требовали от Четвертого управления КГБ решительных действий, вплоть до показательных высылки из страны и посадок. Коллеги Серого, напротив, не спешили, пытались добиваться если не сотрудничества, то хотя бы перемирия. Особенно старались при работе с наиболее яркими персонажами. Не только с Высоцким, но и с другими «творцами»: художниками, композиторами, писателями.

С научной интеллигенцией обстояло попроще — секретность. Чуть что — измена Родине. А вот с богемой в «четверке» старались обходиться аккуратней.

И результаты были. Многие фильмы, спектакли, романы доходили до публики благодаря работе коллег Серого. И «творцы» успокаивались и были лояльны и доброжелательны, потому что им позволяли реализоваться.

Серый любил повторять где-то услышанную, немного фантастическую мысль: если научиться использовать энергию вулканов, то электростанции больше не понадобятся.

Зная его гибкость, руководство «четверки» поручало ему самые проблемные и скандальные творческие коллективы и самых сложных «творцов». Так в его жизни появились сначала Таганка, а потом и Высоцкий. Серый был их куратором и не скрывал, кто он и откуда. Работал открыто и эффективно. Ни одного невозвращенца, ни одного коллективного письма в ЦК — ничего. Только аншлаги и конная милиция перед спектаклями.

* * *

июль 1979 года, Москва

В зрительном зале в первых рядах россыпью сидели усталые актеры и монтировщики. Это была та часть труппы, которой предстояло выезжать на заграничные гастроли. На сцене стояли директор театра Алексей Фомич и Серый пиджак.

Серый пиджак заканчивал речь. Нужно было немного расслабить, растормошить притихших после инструктажа сотрудников Таганки.

— ...Ну а для того, чтобы мы все-таки разошлись в хорошем настроении, расскажу вам такой случай. Известная ленинградская балерина в Лондоне во время гастролей решила сварить супчик. Кружка у нее была эмалированная. Налила водички, включила кипятильничек, а сама в туалет. Засиделась, видать, там. Выходит — вода почти выкипела, а на полированном столе под кружкой — пятно. Позво-

нила подруге: «Что делать?» Та, тоже балерина, побежала к монтировщикам, взяла у них пилу. Всю ночь распиливали они этот стол на кусочки и складывали в пакетики, а утром вынесли на помойку. Работники гостиницы хватились — тут был стол. Они говорят: «Какой стол? Мы не видели. Куда бы мы его дели?» Скандал дошел до посольства, но балерины так и не сознались. Дома, правда, не выдержали — рассказали. Думаю, больше за границу они не поедут.

В зале засмеялись, некоторые даже захлопали.

— Но у нас все-таки драматическая труппа, — решил поддержать общее оживление Алексей Фомич. — Не только ногами дрыгаем. Все-таки и мозгами иногда работаем...

— Ну что ж, закончили? Тогда возьмите анкеты. Отнесите к ним серьезно. Все сведения будут проверяться. Хотя ведь у вас в театре есть люди, которые часто бывают за границей. А кстати, что-то я не вижу Владимира Семеновича...

Из зала донесся женский голос:

— Да он с Кулагиным в Узбекистане.

Люди из зала потянулись к сцене, где секретарь Машуля раздавала анкеты. Серый повернулся к директору:

— Мне нужно срочно от вас позвонить.

— Ко мне в кабинет, — пригласил Алексей Фомич.

Они поднялись на второй этаж. Серый бесцеремонно выставил хозяина кабинета в коридор и, оставшись один, бешено закрутил диск телефона.

— Алло! Это я. Прямо сейчас свяжись с Ташкентом. Узнай, Высоцкий там?.. Так какого хрена я ничего не знаю? Да в курсе я, что они по нему работа-

ют! Билет мне туда! И запроси на нас все, что у них на него есть. Сейчас приеду.

Серый швырнул трубку на рычаг и выскочил в коридор. Корниенко отправился провожать его к служебному входу.

— Что-то случилось?

— Случилось. Еду вашего Высоцкого из Узбекистана вытаскивать.

— У него какие-то проблемы? — на ходу спросил Фомич.

— Проблемы у меня, потому что у нас одни принимают решения, другие исполняют, а третьи отвечают башкой своей.

Корниенко смутился:

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите... Но ведь до наших гастролей еще есть время. Я уверен...

— В чем вы можете быть уверены? — Серый остановился и зло посмотрел на Фомича. — Вы — директор театра и даже не знаете, где ваш актер!.. Ваши гастролы отменятся — никто не чихнет даже. А если его сейчас в Узбекистане закроют, об этом весь мир года два говорить будет... Ладно, всё. Никому ничего. Вернусь — позвоню. Идите. Дорогу я знаю.

Серый выскочил из театра, прыгнул в машину и скомандовал:

— На работу!

Машины миновали ворота, въехали на базу отдыха и, наконец, оказались на большой автостоянке. Нашли место, остановились рядом с новенькими черными «Волгами», выстроенными в ряд. С краю красовались две сверкающие «Чайки».

Высоцкий с Кулагиным оглядывались по сторонам.

— Ты куда нас привез, Леня?

Паша вылез из машины, дружески приобнял Володю:

— Володь! Да просто посидим полчасика — так, для приличия... Разонравится — сразу уедем...

Небольшая лестница вела от стоянки к хорошо освещенной поляне, где под открытым небом был накрыт стол в форме буквы П, персон на сто — только мужчины. Во главе стола угадывался именинник — пожилой грузный узбек в пиджаке с орденскими планками и звездой героя.

Леонидов сразу заметил человека в белой милицейской рубашке с погонами полковника. Рядом с ним сидели двое в зеленых рубашках и с гене-

ральскими погонами. Эти находились рядом с именинником. Чем дальше от центра стола, тем мельче шли персоны.

Спустившихся по лесенке гостей никто не заметил — весь стол наслаждался выступлением фольклорного ансамбля. Двое музыкантов — баянист и бубен — исполняли национальную мелодию, пятнадцать одинаково одетых узбечек в танце изображали сбор хлопка. Вдруг ритм бубна участился, веселее заиграл баянист, две девушки подняли ковер с вытканым изображением именинника и подбежали к юбиляру. Тот встал и степенно поклонился собравшимся. Кругом дружно захлопали. Танцовщицы, оставив ковер, убежали прочь от стола, а музыканты продолжили играть.

Банкет продолжался уже не первый час, и многие гости, едва лишь закончился фольклорный номер, поднялись, отошли от стола и закурили.

Фридман посадил Высоцкого и Кулагина с краю, к свежим тарелкам, а сам с Леонидовым отправился «делать дела». Нефедова устроили за другой край стола, где тоже нашлись свободные места.

Фридман ввинтился в группу гостей, среди которых был и милицейский полковник. Один из военных, узнав Фридмана, картинно расставил руки для объятий.

— Леня, дорогой!

— Вечер добрый! Вы были сегодня? Это Павел Валерьянович, директор Театра на Таганке, — представил он Леонидова.

У Леонидова от неожиданности отвисла челюсть.

— Очень приятно! — Военный уважительно пожал руку Паше. — Хороший концерт. Как вам наша публика?

Паша тут же включился в игру:

— Люди у вас удивительные. Так понимают, такой контакт... В Москве ничего подобного давно нет.

К разговору подключился милицейский полковник:

— А я вот не был... Можно будет получить запись концерта?

— Разумеется. Дайте мне ваши координаты.

— Если надо что-то заплатить...

— Нет-нет, что вы... — засуетился Паша. — Давайте я запишу.

В разговор встрял еще один генерал:

— Это... А можно сфотографироваться с ним?

— Да ради бога. — Паша по-свойски приобнял собеседников и повел их к Володе. — Прощу вас!

Тут же, как по команде, возник молодой человек с фотоаппаратом. Владимир поднялся и начал позировать то с одним, то с другим. Гости пожимали ему руку, глядя в объектив, обнимали за плечи. Фотографироваться подходили все новые и новые желающие.

— А вы сейчас споете что-нибудь? — обратился полковник к Володе.

— Почему же нет?

Воспользовавшись тем, что гости отвлеклись, пожилая женщина быстро прошла вдоль стола, собирая на поднос грязные тарелки.

Общее внимание переключилось на Высоцкого. Это не понравилось упитанному мужчине, сидев-

шему рядом с юбиляром. Он поднялся и принялся громко что-то говорить по-узбекски.

Все потянулись к нему — слушать очередную здравицу. Свою длинную речь Упитанный неожиданно закончил по-русски:

— Прими от нас, дорогой человек, этого скромного подарка! — И указал на центр поляны.

Все повернули головы и увидели белого коня, которого держали двое конюхов. Вид прекрасного животного вызвал у собравшихся дружные аплодисменты. Именинник важно вышел из-за стола, приблизился к коню, похлопал его по бокам. Конь топтался, косил глазами, фыркал, но его удерживали крепко. Один из конюхов вскочил в седло и начал демонстрировать возможности скакуна. Проехался, поднял на дыбы, затем соскочил. Гости снова захлопали, фотограф начал щелкать нового хозяина рядом с великолепным подарком. Наконец коня увели, и гости вернулись к трапезе.

Упитанный, расцелованный хозяином, от гордости готов был лопнуть. Победоносным взором оглядел он присутствующих и, преисполненный важности, уселся рядом с именинником.

Поодаль от стола готовили ягненка к жертвоприношению, и над ним аксакал читал ритуальную молитву.

А рядом с Володей и Севой стояла с нагруженным подносом женщина лет пятидесяти. С материнской любовью смотрела она на Высоцкого.

— Володя! Вы не представляете, что значат ваши песни для нас здесь, глубоко в провинции... — печально проговорила она. — Я ведь сама москвичка,

осели мы здесь после эвакуации. Работала учительницей в школе... Но что я могла дать детям, если, кроме книг, ничего не видела? В Москве была последний раз в шестьдесят восьмом, да и то проездом. Успела заскочить в Третьяковку да сходить в консерваторию, вот и все...

Володя вдруг почувствовал, что она откровенничает с кем-то другим. С тем Володей Высоцким, которого больше нет. Когда-то он писал и пел для таких, как она. А сегодняшний Высоцкий — только тень того, прежнего, Володи. Только чучело самого себя. Ему нечего сказать, нечего дать ей. Ему остается сидеть, слушать, лениво кивать... У него ничего нет для нее. Как же это случилось? Когда он стал другим? Он не в состоянии написать ничего путного. Написанное — рвет. Сегодняшние стихи — автопародия.

Володя тихо спросил:

— А что ж вы не уедете?.. Да вы присядьте.

Устраиваясь рядом на краю стула, женщина поставила свой поднос на стол. Вздохнула:

— Да как уж тут уедешь? Здесь у меня мама похоронена... сын два года назад утонул...

Внимание Высоцкого на мгновение отвлек связанный барашек, безропотно ожидающий своей участи. Склонившийся над ним седой аксакал монотонно напевал: «Биссмя хе Рохмане рохим. Аоз а белляхе мене шайтан ироджим...»

В глазах агнца отражались ужас и покорность. Временами он дергал ножками в надежде развязаться, а потом опять успокаивался, оглядывая окружающих грустным взглядом.

— Жили мы на Солянке... — вспоминала женщина. — Дом наш разбомбили в сорок втором... Потом

эвакуация. Здесь я и вышла замуж. Ну а куда мне теперь отсюда, когда все мое — здесь...

Неожиданно рядом с ней возник Упитанный:

— Э, слушай, иди на кухню, да? Ты что сель за стол, сумасшедший?

Женщина подхватила поднос с грязной посудой и почти бегом направилась к палатке, откуда то и дело выскакивали люди с подносами и бутылками.

Связанного барашка оттянули в сторону для заклания.

— У кого-то день рождения, у кого-то — смерти, — задумчиво проговорил Володя.

— Ты о чем, Володь? — не понял Севка.

— Да так, о своем...

Высоцкий встал и направился к машине. Кулагин тоже поднялся и пошел за ним. Это заметили Фридман, Леонидов и Нефедов. Дожевывая и допивая, они вышли из-за стола.

Вдруг к Володе и Севе подлетел Упитанный:

— Э! Ты артист? Да? Поель-попиль — надо уважение сделать! Давай изобрази, да? Люди ждут!

— Да, да, сейчас, — ответил Володя и зашагал дальше.

— Эй! И балалайка свой нэ забудь.

Высоцкий и Кулагин приблизились к машине. Володя упал на заднее сиденье.

— Поехали. Давай.

Кулагин занял место рядом с водителем. Леонидов заглянул в приоткрытое окно:

— Что, всё, Володь? Жаль, манты классные. Ты хоть пробовал?

Шофер завел двигатель и медленно двинулся вперед. Леонидов, Фридман и Нефедов уселись во вторую машину.

Упитанный в бешенстве принялся что-то кричать, да так, что возле него собрались люди. Окруженный свитой, он направился к стоянке и перегородил собой выезд. Требуя остановить машину, он яростно жестикулировал, а его спутники, как могли, поддерживали его. Те, кто оставался за столами, уже оборачивались на шум. Упитанный ударил ногой по колесу и ладонью несколько раз шлепнул по крыше машины. Водитель заглушил мотор.

— Э-э, собак, ты че?! Обида хочешь дэлать?! Я тэбе что? Хай, ладно, пой, потом поедешь.

Он распахнул заднюю дверцу. Несколько секунд Высоцкий сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, затем легко вышел из машины и без замаха ударил Упитанного в лоб. Тот сделал несколько неуверенных шагов назад и сел на землю.

Наступила тишина.

— Э-э, ты че смотреть стоишь? Убэй его, сичас убэй! — крикнул, опомнившись, Упитанный, обращаясь к жилистому парню с бельмом на глазу. Тот подбежал и попытался поднять его. Приказов парень обсуждать не умел. Лишь на секунду задумался — здесь или нет. Затем он и еще несколько молодых людей, точь-в-точь похожих на киношных басмачей, двинулись к Высоцкому. Тот все еще стоял у машины.

Неожиданно между ними и Высоцким возник аккуратно одетый молодой человек. Он миролюбиво заговорил по-узбекски. Еще несколько похожих на него, как родные братья, молодых мужчин ввинти-

лись в возбужденную, пестро разодетую толпу. Негромкие уговоры и жесты, недвусмысленно призывающие к миру, сделали свое дело — взрывоопасная ситуация начала улаживаться.

— Садитесь, садитесь, Владимир Семенович, — проговорил один из них. Наклонившись к водителю, он шепотом приказал: — Езжай тихонечко. И вы тоже, — отнесся он ко второй машине. — Давай, давай, давай!

Оставив своих сотрудников сдерживать наседавшую толпу, Кибиров бросился к имениннику. Торопливо зашептал ему на ухо:

— Гурмэн Силибурович, это артисты. Их Рашидов в республику пригласил. Будет совсем неудобно. Я вас прошу... Я присматриваю за ними. — Он склонился еще ниже и украдкой показал удостоверение.

Именинник встал не спеша. Властно прикрикнул на Упитанного:

— Эй, Хансул! Иди сюда!

Упитанный сразу же сдулся, но все еще пробовал держать масть.

— Гурмэн-ака, я поговорить хочу с гостями здесь!

— Ты в гостях у мэне, иди за стол!

Упитанный заковылял к столам, и наседавшие на машину гости мгновенно расступились.

— Володя! Боже мой! Что ты делаешь?! — запричитал Фридман, в суматохе оказавшийся в машине с Володей. — Что ты такое делаешь?! Здесь же нет советской власти. Они тут творят что хотят! Зачем мы сюда поехали?!

— Твоя идея была, — сквозь зубы процедил Володя.

Машина медленно, с достоинством выехала на дорогу. Как только шины коснулись асфальта, водитель резко набрал скорость.

— Леонид Борисович! — обернулся он к Фридману. — Только по городу. В район не поеду больше.

— Конечно, Виталик, конечно, сейчас в гостиницу.

Во второй машине Нефедов и Леонидов, которые оставались в стороне от событий, пытались осмыслить случившееся.

— Сейчас и мы с тобой огребем! — усмехнулся Паша.

— За что? — не понял Толик.

— За Татьяну.

— А что там было-то?

— А ничего... Хотели Высоцкого — получили Высоцкого.

Глава восемнадцатая
ХОРОШАЯ РАБОТА

Михалыч вышел из лифта и пошел по коридору гостиницы, покручивая на пальце ключ от своего номера. И вдруг услышал песню в исполнении Высоцкого. Голос доносился из номера 542. Постояв секунду перед дверью, Михалыч без стука вошел. В небольшом трехместном номере устроились трое его сотрудников и две девушки-узбечки в гостиничной униформе. На тумбочке между кроватями едва-едва помещались бутылка портвейна, чайные чашки и надломанная шоколадка на куске фольги. Кассетный магнитофон играл на подоконнике.

Увидев Михалыча, оперативники вскочили, а покрасневшиеся девицы застыли.

— Это что? — тихо осведомился Михалыч.

— Отдыхаем, Виктор Михайлович, — немного расслабились ребята. — Присаживайтесь.

Михалыч перегнулся через тумбочку, дотянулся до шнура от магнитофона и дернул. Песня оборвалась. Он еще раз рванул шнур, и магнитофон, перелетев через тумбочку, оказался у него руках, по ходу сбив бутылку портвейна на пол. Михалыч нажал на все клавиши одновременно и вытащил кассету.

— Еще есть? — спросил он, зло оглядев своих сотрудников.

— Мы пойдем, — пробормотала одна из девушек. Они прошмыгнули мимо Михалыча в дверь.

— Тут «хвостик» еще, — ответил один из оперативников, виновато, как нашкодивший ученик, — на одну не поместилось. — Он достал из тумбочки вторую кассету и отдал Михалычу.

— Всё. Спать! — приказал Михалыч, выключил свет и захлопнул дверь.

Он быстро прошел по коридору к служебной лестнице и побежал вниз. На коммутаторе обнаружил сонного радиста, который при виде Михалыча буквально взлетел над стулом.

— Ты хоть понимаешь, что ты сделал? — поинтересовался Михалыч у несознательного радиста, сунув ему под нос кассету.

— Я, это... переписал ребятам, они же не слышали.

— Я тебя спрашиваю — ты понимаешь, что сделал?

— Это же просто песни, — тянул радист.

— Ты скопировал оперативную запись. Ты мог это сделать только по приказу. Операция секретная. Ты отвечаешь за эту долбаную секретность своей башкой! Честью офицера, если она у тебя есть, щенок!.. Объяснительную на мое имя!

— Товарищ полковник...

— Ты где учился?

— В МЭИ, в Москве.

— Сколько баранов дал, чтоб на службу попасть? Стоп! Ты же Бакеев? Сын Алишера Бакеева?

— Племянник...

— А-а! Ну, тут баранами не обошлось.

— Мой дядя...

— Что твой дядя? Что твой дядя? Хороший человек? Честный?

— Да.

— Может быть. А племянник у него — говно!

— Я, это... прошу прощения.

— Тут никто никого не просит. Тут приказывают и исполняют приказы. Какие бы они ни были: непонятные, тупые, бессмысленные. Это — служба. Нет никаких песен. Это — оперативная запись. Нет никакого Высоцкого. Есть объект наблюдения. Непонятно?

— Разрешите, я доложу?

— Ну-ка.

— Звонили, приказали вам в управление явиться.

— Когда?

— Немедленно, то есть срочно.

— Когда звонили?

— А-а... ну это... недавно, я точно не помню...

— Молодец! Безопасность государства в надежных руках. Поговори с дядей. Пусть он заберет тебя отсюда. А то плохо кончится карьера твоя.

Михалыч резко развернулся и вышел.

* * *

Из вертолета с еще работающим винтом по откидной лесенке спустился Серый пиджак. Направился к стоящим метрах в ста новым «Волгам».

Фамилию московского гостя в управлении не назвали, но, как только полный мужчина выскочил из вертолета, Михалыч его узнал. Они познакомились лет пятнадцать назад, в академии. На некоторых

занятиях оказывались в одной группе. После выпуска встречались пару раз в московских коридорах. Здоровались.

«Почему он? Может, и хорошо, что знакомый, может, скажет что интересное...»

— Это кто же меня встречает? — широко улыбаясь, расставил руки Серый пиджак. — Как стоишь перед полковником?!

— А ты как стоишь перед полковником? — ответно улыбаясь, Михалыч шагнул ему навстречу.

Серый пиджак на миг стал грустным и счастливым.

— Мы оба стоим как... дураки.

Они порывисто и совсем не театрально обнялись.

— Здорово, Витек.

— Ну-ну-ну... Здорово, здорово...

Серый пиджак немного отстранился от Михалыча. Он все еще улыбался, но становился все грустнее и озабоченнее.

— Чем обязаны? — Михалыч пристально поглядел на него.

— Да вот, старого товарища приехал спасать от позора и отставки.

— И прям сразу пугать! — усмехнулся Михалыч. — Может, покушаем сначала? Меня узбек мой вчера уже чуть не съел.

— Товарищ Израилов? Чуть не съел? — Серый пиджак хохотнул. — Да он спас тебя, Витя! Если бы ты вчера Высоцкого прихлопнул, сейчас меня кто-нибудь другой встречал бы, а ты, в лучшем случае, швейцаром в гостинице...

— Я работы не боюсь, товарищ полковник.

— Зачем две машины?

— Ну, может быть, ты меня куда-нибудь отпра-
вишь, а сам в управление?

— Давай своих в ту машину, а сам — за руль. По-
говорим.

— Все так секретно?

— Все секретно и довольно серьезно.

Михалыч открыл водительскую дверь и нахло-
нулся к водителю Серику.

— Давай в ту машину. Езжайте за мной.

Он уселся за руль и открыл пассажирскую двер-
цу. Серый пиджак устроился рядом, на переднем
сиденье.

— Куда едем? В управление?

— Да на хрен мне управление ваше! Покатаемся.

Некоторое время ехали молча, приблизились
к железным воротам. Солдат-срочник выскочил из
будки, отсалютовал, открыл.

— Чего приехал? — нарушил молчание Михалыч.

— Поговорить.

— А по телефону?

— Я Высоцкого веду четыре года... — начал раз-
говор Серый пиджак.

— А-а-а... Опытом делиться?

— Ты чуть не обделался! Во-первых, очень высо-
кое мнение есть — его не трогать.

— Покровители? Тогда понятно.

— Не перебивай, дай сказать. Я действительно
приехал тебе помочь, но это не главное.

— А что главное?

— Ивлева Татьяна Петровна.

Михалыч помолчал, оценивая осведомленность
Серого, затем широко и открыто улыбнулся:

— Здорово работаете!
Серый пожал плечами:
— Как умеем.

* * *

Татьяна еще спала. Она зажмурилась от солнца, которое вдруг наполнило комнату. Это Володя раздвинул занавески. Не открывая глаз, Татьяна что-то недовольно промычала и натянула покрывало на голову. Володя присел на кровать и принялся щеко-тать вылезшую из-под одеяла ногу Татьяны. Она попыталась спрятать ноги.

— Я сплю, — капризно протянула она. — Это невозможно...

— Очень даже возможно.

Он потянул покрывало, но Татьяна держала его.

— Ну чего еще?

— Вставай, — настаивал он.

— Я только легла.

— Да ладно тебе. Часов двенадцать спишь.

— Все равно. Еще рано...

— Вставай, Танюша.

Татьяна выглянула из-под покрывала:

— Ты чего оделся?

— Ты тоже давай, пять минут тебе на все про все.

— А поваляться?

— Никаких «поваляться». На базар идем, ковер Севке покупать.

— Я тоже хочу. Я тоже!

— Вот и давай.

— Рано же.

— Уже поздно. Да через час тут пекло будет.

— Извини, я просто не выпалась...

— Придем — поспишь. Тут все днем спят, в самую жару. Сиеста.

Володя вышел из спальни, а Татьяна, блаженно потянувшись, уселась на кровати. Осмотрелась, завернулась в покрывало. В большой комнате на столе лежала тетрадь с несколькими написанными строчками и рожницами. Строчки были зачеркнуты. На кресле осталась гитара. Татьяна зевнула.

— Не получилось? — она кивнула на тетрадь.

— Получится! — уверенно ответил Володя. — Умывайся и вперед.

* * *

Татьяна бывала на рынке в Москве, но то, что она увидела здесь, называлось «восточный базар», и такого ей встречать не доводилось. Сюда съезжались не только из соседних районов, здесь торговали и монголы, и китайцы, и уйгуры, и казахи. Рынок гудел, играл, сверкал.

Высоцкий, Кулагин, Татьяна, Леонидов и Нефедов шли по базару. Они старались держаться вместе, но их толкали, и то и дело они отвлекались на продавцов, которые сидели спокойно, ровно до того момента, пока с ними не поравняются приезжие, — тогда продавцы начинали неистовствовать, предлагая лепешки, арбузы, хурму, орехи. Они выскакивали из-за прилавков, пожимали руки, совали дыни, косички лука.

Нефедов отстал первый, потому что снимал на кинокамеру горы риса, яблок и приправ. Он даже попытался создать что-то вроде натюрморта, всучив

улыбающемуся узбеку большой гранат, хотя тот торговал рисом. Леонидов приостановился, поджидая Нефедова, и как бы в задумчивости стащил с прилавка персик.

Володя, Сева и Татьяна продолжали двигаться в глубину рынка. Татьяна остановилась около красивых тканей, и к ней тут же подскочил человек с эмалированным тазом. Он начал гарцевать вокруг нее, улыбаясь и приплясывая.

— Детей купать, белье стирать! — Он застучал по внешней стороне тазика, заискивающе заглядывая девушке в глаза.

Таня, фыркнув, отвернулась и отошла к рядам с посудой — ее заинтересовали медные кумганы. Высоцкий тоже подошел к ним и обернул Таню красивым восточным платком. Он надел его как юбку, потому что ноги Татьяны вызывали нездоровое оживление.

— Не дразни гусей.

Татьяна даже не заметила этого. Ее вниманием полностью овладел ослик, стоявший в тени, недалеко от прилавка.

— Ой! Ослик! Можно погладить?

Сидящий рядом с осликом на ящичке пожилой узбек только улыбнулся. Подошедший Леонидов сунул Татьяне персик и сказал: «Дай ему». Сам кормить ослика он не решился. Поразмыслив, ослик взял в зубы фрукт. Леонидов оживился:

— Смотри-ка, схрямкал!

Татьяна завизжала от восторга.

— А можно на нем покататься? — обратилась она к хозяину.

Дед продолжал блаженно улыбаться.

Она залезла верхом на осла и замахала руками.
— Толик, снимай! — крикнула она Нефедову, увлеченному дынями в соседнем ряду.

Тот оторвался от камеры и, прищурив глаз, деловито заметил:

— Здесь темно. Давай-ка сюда, на солнце.

Но ослик вовсе не собирался выходить из тени. Леонидов стащил с прилавка какую-то зелень и поманил ею ослика.

— Э-э! Платить надэ! — возмутился продавец зелени.

— Потом, отстань, — отмахнулся от него Паша и протянул пучок ослу. — Ну-ка, иди сюда.

Ослик повернулся мордой к зелени и сделал шаг. Леонидов попятился — ослик за ним. Паша захохотал:

— Вот так. Жрать-то хочется!

Татьяна была счастлива: она ехала верхом на ослике, заливаясь смехом от восторга и хлопая в ладоши. Нефедов направил на нее камеру. Высоцкий подошел к дедушке на ящике и протянул ему три рубля.

— Побудьте с нами часок.

Дедушка, продолжая улыбаться, встал, по-узбекски велел мальчишке охранять товар, догнал ослика и повел его под уздцы.

Кулагин шел немного впереди, приговаривая: «Мне не надо, спасибо, не надо».

Нефедов остановился около торговцев ножами. Он выбрал самый большой тесак и делово стал крутить его в руке, играя отблеском стали.

— Помнишь, я рассказывал?

Он начал наносить удары воображаемому больному.

Паша перехватил его руку, шепнул на ухо:

— За карманы держись. Это Восток.

Но Нефедова уже невозможно было остановить — при виде изобилия ножей у него разбежались глаза.

— А есть еще, побольше? — не успокаивался он.

— Есть! — хохотнул Паша. — Только это сабля называется.

На Высоцкого надели халат и тюбетейку. Рядом, как по команде, выросло еще несколько торговцев халатами, и каждый предлагал купить у него.

— Этот бэри, в нем нэ жарко будэт.

— Сколько?

— Дэсят рублэй.

— Десят — за два, — показал пальцами Володя.

Татьяна ехала на ослике, держа в руках купленный только что кумган.

— Зачем ты это купила? Это же все новодел, — разглядывая кумган, авторитетно заявил подошедший Паша. — Они просто кидают все это в навоз недели на две, вот он и зеленеет. — Он потер стенку кумгана пальцами. — Вот — вся зелень на руках остается.

Высоцкий, в халате и тюбетейке, задержался около продавца музыкальных инструментов. Татьяна спешила и вместе с ослом тоже отправилась разглядывать барабаны и струнные.

— Один палка, два струна, — прокомментировал Паша.

Продавец играл на чем-то, похожем на скрипку, не национальную мелодию, а «Старинную французскую песенку» Чайковского. Его слушали и приценивались иностранцы, сгрудившиеся неподалеку.

Татьяна попробовала ударить в большой барабан. Звук получился неожиданно гулким. Ослик покосился на Таню, захрипел и, задрвав морду, издал пронзительный крик, напоминающий хохот. От неожиданности Татьяна подпрыгнула, взвизгнула, обняла и чуть не расцеловала осла.

Подлетел возбужденный Кулагин:

— Есть то, что надо, но я чего-то не пойму...

Володя, Татьяна и дедушка с осликом отправились вслед за Севой, вокруг которого уже кружил коршуном продавец ковров.

— Вэревкой завязать?

— А чего так дорого?

— Ти хороший чэловэк — двэсти пятьдэсят отдам.

Володя раскатал ковер и внимательно осмотрел. Ковер был большой, три на четыре, малиновый. Неожиданно Володя взял Кулагина под руку и повел прочь.

— Володь, я же этот хотел! — вырывался Кулагин.

Не обращая внимания, Володя остановился возле другого торговца и начал кричать, постепенно добавляя в речь узбекский акцент:

— Вот, сматри! Ничего говорить не буду, сам видишь! Лючше нет, бери и уходи!

Продавец с веревкой в руках, уже нашедший как будто покупателя в лице Севы, расстроился:

— Э-э! Ви кто такой? Ви откудава?

— Ми? А ми из колхоза «Зэлений луч»! — не унимался Володя. — Слыхали? Э-э! Всэ иди сюда. Бэри мой ковра — всю жизнь мэнэ поминить будэшь...

Люди вокруг останавливались. Они смотрели на странного «торговца» в халате и тюбетейке, но совсем не похожего на местных.

— А это сколько стоит? — решил подыграть ему Сева.

— Сто рубелей, и часы свой давай снимай!

Продавец с веревкой, ничего не понимая, взмолился:

— Э-э! Алла!

— На нэго нэ смотри даже. — Володя поймал кураж. — Двэсти пятьдэсят дашь мэнэ — три забирай!

Продавец оторопел.

— Он обманивает тэбе, — он схватил Севу за рукав, — это нэ твоя ковра!

— Это нэ мой ковра?! А чей?! Твой?!

— Его.

Человек с веревкой указал на растерянного конкурента, чьими коврами теперь «торговал» Высоцкий.

— Щаз куплю — мое будэт! Сколько, брат, за все? Растерявшийся узбек поскреб голову — он не ожидал такого предложения — и начал в уме прикидывать.

— Бэри, пока я нэ пэрэдумал... — продолжил игру Володя.

Первый продавец, с веревкой, потянул Севу к своему товару.

— Ето сумащедший какой-то! Идем, двэсти отдам!..

— Сто восемьдэсят! — начал торговаться Сева.

— Э-э-э!

— Давай?

— Э-э-э! Шайтан!

— Давай? — Сева решил закончить торговлю. — А то у него возьму!

— Хай, ладнэ! — сдался продавец и покосился на улыбающегося Володю, стоящего в окружении толпы зевак. — Эх! Шайтан!

Все наблюдавшие за этой сценой продавцы и зеваки дружно захохотали и захлопали.

* * *

По пешеходному мосту от рынка шествовал ослик, на котором лежал свернутый в трубочку ковер и связанные за углы подушки. За ослом двигалась вся уставшая от жары компания: Нефедов с огромным ножом, Леонидов с кумганом и арбузом, Татьяна в платке-юбке, Кулагин с большим керамическим блюдом и еще какой-то мелочью.

— Что мрачный такой? Не понравилось? — обняв Пашу, спросил Володя.

— Да у меня касса вся с собой! Чего я с вами поперся?

Володя пощупал сверток, закрепленный на поясе Леонидова:

— Эх, знать бы! Мы бы развернулись!..

— Володь, у тебя номер большой, давай тебе все свалим?..

К полудню жара раскалила асфальт, в котором вязли каблуки Татьяны. Процессия остановилась около фонтана. Там резвились детишки, брызгали друг на друга водой. Татьяна опустила руки в струю и, перекрыв ее случайно, облила детвору. Дети заверещали и в ответ направили струю на Таню. Тут уж все принялись поливать друг друга без разбора.

Досталось всем, и только Паша успел отскочить, отряхивая джинсовую французскую рубашу. Радостно смеясь, Таня залезла по колено в фонтан. Она размахивала руками, отгоняя детей, бросившихся за ней в воду. Поднялся дикий шум и крик. Улыбаясь, смотрел Володя на эту картину. По его лицу стекали капли воды, словно слезы.

* * *

На окраине Бухары у обочины трассы, ведущей в аэропорт, стояли две служебные «Волги». Изредка мимо в обе стороны проносились автобусы и грузовики. Михалыч и Серый пиджак, отойдя от машины метров на тридцать, негромко беседовали. Изнывающие от жары оперативники наблюдали за ними из машины.

— ...Я тебе не помощник, — продолжал разговор Михалыч. — Свою работу я сделал. Исраилов — сдрейфил. Шум в республике, бабаи все вдруг на концерты потянулись. Грамот наготовили, подарков... В общем, мне сказано — никаких действий. Я человек подневольный, разбирайся с Исраиловым.

— Витя, говорю тебе то, чего говорить нельзя. На Политбюро утвердили предолимпийскую программу. Ты понимаешь уровень?

— Так и хорошо. Я-то тут при чем?

— Ты — ни при чем! Я — при чем! Я ответственный, чтобы Высоцкий не просто участвовал, а так, как нужно, участвовал! Вот скажи, ты, когда с Ивлевой работал, не думал, что через нее можно на него давить?

— Думал.

— Ну так я только предлагаю довести до ума то, что ты начал. В долгу не останусь. Под тобой качается серьезно. Обещаю — помогу. На узбека твоего найдем как воздействовать.

— Что ты хочешь, чтоб я сделал?

— Задержи Ивлеву в рамках дела, которое ведешь.

— Нет. Давай-ка пиши запрос. Мы документы передадим — и разбирайся в Москве.

— Москва — гнилое место. У него куча знакомых, звонки, шум... Да и ее действия — на твоей территории. Пусть Владимир Семенович дорабатывает концерты. Бабаи пусть хоть на руках его носят, а перед отъездом — снимешь ее с самолета. И всё.

В номере Володя сорвал с себя потную рубашку и упал на диван.

— Ой, жара невыносимая. Давай поспим пару часов, я поставлю будильник, — устало обронила Татьяна, раздеваясь на ходу.

Она поставила будильник на три часа и, перешагнув через свернутый ковер, едва не споткнулась о медный кувшин — все покупки лежали на полу в большой комнате.

— Я в душ.

Володя включил телевизор. Сел в кресло, взял гитару и начал тихо перебирать струны. Монотонная узбекская речь из телевизора сливалась с шумом воды из ванной. Где-то в соседнем дворе скрипели детские качели, и детский высокий голос заунывно, как плач муэдзина, что-то напевал.

Лай собаки растворился в скрипе качелей. В ванной что-то напевала Татьяна... Дверь ванной, рассохшаяся от жары, вдруг напомнила древнюю фреску.

Резко зазвонил телефон. Дремавший Кулагин вскочил с кровати и поднял трубку.

— Париж? Да, конечно, соединяйте. — Держа трубку возле уха, он недоуменно посмотрел на Нефедова. — Откуда она знает телефон?

— Твои дали. Откуда еще? — зевнул Толик.

— Да, здравствуй... — заговорил Кулагин в трубку. — ...А как ты?.. Володя? Да все в порядке! Мы на рынок ходили... Да что ты... все хорошо! Я его только что... Да почему?.. Ну хочешь, я схожу к ним... То есть... ну... у него... номер на другом этаже. Подожди. Да я клянусь тебе, у него все... Ладно! Я бегу! Он тебе перезвонит, успокойся, прошу тебя! Бегу!

Он натянул джинсы и, застегиваясь на ходу, выбежал в коридор.

Нефедов неодобрительно глянул в сторону не закрытой Севой двери.

— Ну люди... Зачем бегать-то? Телефон же есть! — Он тяжело приподнялся и дотянулся до аппарата. Набрал местный номер, послушал гудки.

В номере люкс надрывался телефон.

— Володя, возьми! — крикнула Татьяна из ванной.

Телефон продолжал трезвонить, когда Татьяна вышла из ванной с обмотанной полотенцем головой и подняла трубку.

— Алле.

В этот момент входная дверь с треском распахнулась и влетел испуганный Кулагин. Они с Татьяной одновременно заметили Володю, лежащего на полу в беспомощной позе. Татьяна завизжала, прижав к груди телефонную трубку.

— Что там? Говори! Алле! Дебилы! — слышался из трубки голос Нефедова.

Спотыкаясь о брошенные на полу кувшины, метался по номеру Кулагин. Татьяна кричала, приподняв голову Высоцкого...

Кулагин побежал в ванную и тотчас появился опять, неся в дрожащих горстях воду. Налетел на свернутый в трубку ковер, разлил воду и опять побежал в ванную...

Заскочил полуголый Нефедов с чемоданчиком в руке. Высыпал все содержимое на ковер, нашел пузырек с нашатырем, сунул Высоцкому под нос, стал бить его по щекам...

Кулагин брызнул воды Володе на лицо, принялся растирать ему уши и щеки...

Татьяна поднимала и опускала Володе руки, хлопала по щекам в надежде привести его в чувство.

— Ты меня слышишь? Володя? Не пугай меня...

— Давай положим его вот так.

Кулагин и Нефедов развернули тело Высоцкого, немного раскатали новый ковер и уложили на него Володю, головой на валик. Кулагин закрыл пальцами глаза.

— Чем тут пахнет?

— Нашатырь. — Нефедов тоже зажмурил глаза. — Танюха, вытирай, разлился — дышать невозможно.

Татьяна сорвала с головы полотенце и протерла пол.

— Замой водой... — еле слышно пискнул Сева.

Татьяна побежала в ванную, а Нефедов отстранил Кулагина, пытающегося делать искусственное дыхание Высоцкому.

— Дай я ему челюсти разожму.

Он нажал где-то под горлом, и рот у Высоцкого раскрылся.

— Может, он язык проглотил?

Нефедов залез пальцами в рот.

— Теперь давай!

Кулагин снова попробовал вдохнуть в Высоцкого воздух. Сам Нефедов двумя руками надавил на грудную клетку.

В номер без стука зашел Леонидов.

— Чего у вас тут за бардак? Где Володя? Почему дверь нараспашку?

Заметив лежащее тело, еще раз оглядел всех:

— Вы чего наделали?

— Ты мне мешаешь! — прошипел Нефедов. Теперь он искал нужный препарат, роняя ампулы и разбрасывая упаковки таблеток.

Вымывая нашатырный спирт и задыхаясь от слез, Татьяна причитала:

— Все же было хорошо... Хорошо...

— И что мне прикажете делать? Отменять концерты? — повысил тон Паша.

— Ты не понял... Он... Он... — Сева задохнулся.

— Если он мне завтра на концерт не выйдет, я деньги заберу — и в Москву. Сами разбирайтесь! Я свою работу выполнил. — Паша с недоумением посмотрел, как Нефедов бьет в грудь Володю, пытаясь

вернуть его к жизни. — Он... чего? Того, что ли?.. Он живой? Вова!

Леонидов бросился к Высоцкому и столкнулся с Нефедовым лбами. Тот отшвырнул его:

— Пульса нет.

Паша застыл, сидя на полу.

* * *

На коммутаторе гостиницы переглянулись двое растерянных оперативников, оба в наушниках.

— Звони Михалычу.

— Лучше скорую вызовем.

— Сначала Михалычу!

Второй спешно принялся накручивать номер.

* * *

Облокотившись о капот «Волги», Михалыч и Серый пиджак дружески прощались. Машины стояли на стоянке недалеко от рынка. Подчиненные Михалыча загружали в багажник ящики с фруктами, провозая в дорогу дорогого гостя.

— Буду держать тебя в курсе. А вот провожать не поеду.

— И не надо.

Серый протянул Михалычу руку.

Из кабины «Волги» слышался зуммер телефона.

— Ответь, я подожду, — кивнул Серый.

Через открытое окно Михалыч просунулся в салон и поднял трубку:

— Слушаю. Что?! А вы где были? Еду!

Михалыч распрямился, несколько секунд молча смотрел в глаза Серому пиджаку, а потом как-то буднично сказал:

— Он умер.

— Поехали.

Они моментально забрались в машину.

— Так ты же...

— Ты же... мы же... что же... где же... Поехали!

Машина сорвалась с места.

Сотрудники Михалыча в растерянности проводили ее взглядом, но, спохватившись, тут же пустились следом.

Две «Волги» неслись по улицам тихого городка, разрезая поток машин и пугая прохожих воющей сиреной.

— Хочешь совет? Сбавь скорость и сирену выключи. Давай-ка прикинем, что делать, — заговорил Серый. Он опомнился первым.

— Доедем — прикинем.

— Плохо, что ты знал про его состояние, а мер не принял. Сейчас чего гнать-то? Езжай спокойно.

— Я — спокоен! — Михалыч не сбавил скорость и не выключил сирену. Снял трубку. — Израилова! Срочно! Бехтеев. Товарищ генерал, у нас проблемы. Я не тяну. Он умер. Я еду... — Трубка ответила короткими гудками. — Ах, сука! — отнесся к отсутствующему Израиллову Михалыч.

— Давай-ка я во вторую машину пересяду, — предложил Серый.

— Давай.

Михалыч резко тормознул, остановилась и задняя машина.

— Ну, чего ты, иди.

— Не психуй, все уже случилось, — нарочито медленно говорил Серый. — Кстати, для тебя — не худший вариант. Да и для меня. Я свяжусь с Москвой, посоветуюсь. А ты сделай так, чтоб поменьше людей знало. Москвичей изолируй, тело тихонечко вывези из гостиницы.

— Вылезай.

— Вылезу, не спеши.

Серый открыл дверцу, но выходить не спешил.

— Вскрытия не допусти ни в коем случае.

— Почему?

— Если выяснится, что он помер от «лекарств», которые Ивлева привезла, тебе кранты.

— Почему? Я, что ли, их привез?

— Ты все знал и не изъял. Значит, взял ответственность на себя. Приедешь в гостиницу — первым делом найди «лекарства» и заberi. Бумаги потом подчистишь. Но главное — чтобы никто пока ничего не знал.

Пиджак вышел и пересел в заднюю машину. Михалыч секунду тупо смотрел перед собой, затем снял телефонную трубку.

— Второй, слушай внимательно: заблокировать гостиницу, отключить телефоны. Я буду через пятнадцать минут. Найди какую-нибудь машину... тело вывезти.

* * *

Отключить телефонную связь, находясь на коммутаторе гостиницы, было просто. Один из оперативников раскоммутировал провода несколькими движениями.

Второй взял рацию и распорядился:

— Бархин! Перекрыть вход-выход из гостиницы. Служебный тоже. Никого — ни туда, ни сюда! Всё! Быстро.

* * *

Из рафика выскочили несколько человек и бросились к гостинице. Остановили и насильно затолкали внутрь выходявшую из гостиницы парочку. Один из подбежавших остался дежурить у двери.

Несколько секунд — и приказ Михалыча был выполнен. Оставался транспорт для тела. Бархин побежал на дорогу «голосовать».

* * *

Промокнув ваткой место, куда только что сделал укол, Нефедов откинул в сторону шприц.

— Это все — мертвому припарка. Не поможет... Нет пульса... Пульса нет...

— Делай что-нибудь! — взмолился Леонидов.

— «Что-нибудь, что-нибудь»... Надо запустить сердце. Как? Ничего нет... Иногда помогают пощечины, иногда реаниматоры кричат, трясут больного. — Вдруг Нефедов завопил на ухо Высоцкому: — А-а-а! Володя!

Леонидов с перепугу тоже завопил:

— А-а-а!

— Севка, давай воду, побольше. Вот сюда. — Нефедов указал на валяющийся на полу кумган. — Ока-тить его надо! — Взгляд Нефедова, мечущийся по комнате, упал на настольную лампу. Секунду поду-

мав, он схватил ее и выдернул из нее электрошнур. Зубами стал зачищать провода. Поняв, что он хочет сделать, Татьяна бросилась к нему.

— Ты убьешь его! — Она пыталась вырвать провод у Нефедова.

— Заткнись!.. Убери ее, Павел!

Леонидов оттащил бьющуюся в истерике Татьяну в сторону и уставился на Нефедова. Тот пластырем приклеил один оголенный провод к груди Высоцкого. Держась за другой, попытался включить провод в розетку, но не достал. Тогда он вцепился в ковер с лежащим на нем Высоцким и подтянул его ближе к розетке.

— А ну-ка отошли все!

Вставив штепсель, прикоснулся оголенным концом к груди Высоцкого и сразу же отдернул руку. Эффекта не последовало. Он решил повторить. Вдруг из-за спины Нефедова Кулагин окатил тело водой. Послышался резкий треск разряда, экран телевизора погас, Нефедов отлетел метра на два и упал.

— Ты чуть не убил меня, скотина! — заорал он.

— Ты сам сказал — «окати»!

— Это же электричество, баран!

Нефедов на всякий случай выдернул уже безопасный провод из розетки. Затем трясущимися руками нащупал у Высоцкого пульс. Поискал на другой руке, на шее. Выдохнул и обмяк.

— Нет.. Все. Володя умер. Доигрались.

Нефедов приоткрыл Володины веки, чтобы рассмотреть зрачки.

— Володя! Володечка!.. Нет, он не умер... — Татьяна вглядывалась в лицо Володи, пытаясь отыскать хоть какие-то признаки жизни.

— У него нет пульса, — устало повторил Нефедов.

— Нет. Не умер, — твердила Таня. — Нет.

— Ничего нельзя сделать.

— Сделай ему укол.

— Не поможет... Я уже делал. Никакой реакции...

— Сделай ему укол. Сделай... — монотонно повторяла она.

Нефедов отошел в сторону, взъерошил волосы и забормотал, обращаясь в никуда:

— Все... Конец. Смерть наступила в четырнадцать сорок три. Присутствуют: я — Нефедов Анатолий Иванович, Кулагин Всеволод Иосифович, Татьяна Ивлева... А где Фридман? Ладно, достаточно и нас. Вскрытие можно не производить. Сердечная недостаточность. Запустить сердце не удалось. Скорая ехала слишком долго... А, да, мы же не вызывали. Все... Все.

Нефедов замолчал.

Повисла гнетущая тишина. Был слышен лишь скрип качелей где-то на улице да гул сверлящего небо самолета.

Татьяна целовала Володино лицо, прижимала к себе.

Нефедов заорал, срывая голос:

— Оставь его! Что ты его тискаешь?! Он давно умер! Умер! Кого вы обманываете?! Всё! Отмучился! Всё! Конец!

Он затих, продолжая потирать виски и раскачиваться, словно хасид на молитве.

— Сделай же хоть что-нибудь! — сквозь слезы выдавил Сева.

— Что-нибудь? Клизму могу поставить. Тебе, дубина, неуч!

И вдруг Татьяна спокойно, как ни в чем не бывало, игриво и уверенно заговорила с Володей.

— Володя! Не пугай, хватит! — Она даже улыбнулась. — Володя, я сейчас буду тебя щекотать, а ну вставай!

У нее началась истерика. Слезы душили ее, но она пыталась смеяться. Сева зажал ей рот ладонью.

— Толя, ты же врач! — взорвался Всеволод, но Нефедов горько покачал головой:

— Какой я врач. Я — фельдшер, Сева!..

* * *

В гостиницу попытался зайти Фридман — с арбузом, но его грубо оттолкнули оперативники.

— Нельзя! Через час войдете. Спецмероприятие.

Фридман чуть было не попал под колеса подъезжающего грузовика «Продукты». Арбуз упал и с треском разлетелся на кусочки...

ЖАЛОСТЬ

— Чудес не бывает... Медицина — это не волшебство! — бормотал, раскачиваясь, Нефедов.

Татьяна повернулась и залепила ему пощечину.

— Возьми себя в руки! Прекрати качаться! — Она ударила его еще раз, потом еще и еще. — Тряпка! Бери шприц!

Нефедов растерянно посмотрел на Татьяну, потом еле слышно прошептал:

— У меня есть адреналин...

Его движения вдруг стали экономными, быстрыми — профессиональными. Он метнулся к саквою, вынул нужную упаковку ампул. Втянул раствор в шприц и наклонился к простертому на ковре Володе.

* * *

Солнце! Какое яркое солнце! Это потому что весна... и снег сияет, и вода талая... а рядом Люся, какая она молодая! Почему я ее вижу? Ее здесь не должно быть. Почему снег? А Люся смотрит куда-то вперед и говорит, говорит, говорит...

— Я не могу смотреть на счетчик. Лучше б я на электричке за ними слетала. Да они любят поезд. Я им эклеры на Казанском покупаю всегда. Ой! Я на счетчик смотреть не могу. А еще же обратно...

Володя увидел, как перескочили цифры — восемь рублей шестьдесят две копейки. Он едет на такси с Люсей за детьми в сад. Это станция Отдых в Подмосковье, здесь вэтэошный детский сад — пятидневка. Значит, пятница. А год? Какой год? Шестьдесят седьмой? Или позже? Нет. Позже не может быть. Старая «Волга» — такая же, как в Бухаре, едет по раскисшей весенней колее. Вдруг заговорил водитель:

— А вас никто и не заставлял.

Зачем он оглянулся?

Водитель оглянулся, на миг потеряв бдительность, и машина попала в огромную лужу. Они увязли рядом с вышкой ЛЭП. До поселка оставалось метров пятьсот.

— Приехали, блин! На дорогу смотреть надо.

— Где вы здесь дорогу видели?

Водитель сделал попытку выбраться задним ходом, но машина засела намертво.

Володя посмотрел на свои руки, подвигал пальцами, натянул вязаные рукава серого свитера на белые манжеты сорочки. «Как давно я так не одевался. А что за пальто? Ну да... Я же его свистнул в костюмерной на „Ленфильме“...»

Люся заплакала. Шофер стал материться.

— Еще раз... При моей жене... В ухо дам! — Язык онемел и не шевелился во рту. Губы не размыкались, но Володя ясно слышал свой голос. Услышал его и водитель, он обернулся, хотел было ответить, но осекся.

— Люсь! Сколько отсюда до садика?

— Пешком — минут пять.

— Марш за детьми. А мы пока здесь...

«Надо что-то сделать... любое движение, первый шаг...

В детстве у меня был трюк, который никто не мог повторить. Я завязывал глаза и шел через широкую улицу с машинами и автобусами. Расчет простой — увидев на дороге мальчишку, идущего с завязанными глазами, водители обязательно остановятся. Я шел и слушал, а потом срывал повязку с глаз и бежал от шоферов и прохожих. Это тоже могло кончиться плохо — милицией или затрещинами, и мне было жутко и весело, но главным было ощущение немислимой скорости и собственной силы. В этом трюке только один секрет: надо сделать первый шаг на проезжую часть, и страх исчезнет. И сейчас нужно начать. Сделать первый шаг!»

Володя шагнул и сразу оказался по щиколотку в холодной воде. Руки перестали быть ватными.

Вытащил Люсю на руках из машины и поставил на сухое место.

— Беги, а то они волнуются, наверное. Плачут.

Люся припустила к поселку, а Володя начал собирать сучья, ломать кусты. Водитель заглушил двигатель, но помогать не торопился, только, приоткрыв окно, посоветовал:

— Вон заборы, видишь? Может, оторвешь пару досок?

Володя сунул все, что удалось собрать, под колеса, уперся в задний бампер машины и крикнул водителю:

— Заводи! Давай!

Вместе с фонтанами воды из-под колес вылетели деревяшки. Машина чуть сдвинулась, но не вперед, а вбок.

— А ну, давай враскачку! Вперед-назад, вперед-назад.

— Я так сцепление сожгу. Иди поищи кого-нибудь.

— Враскачку давай, я сказал. А то оставлю тебя здесь одного куковать.

Водитель повиновался. Некоторое время они буксовали. Володя вымок до костей, но не сдавался. Он что-то совал под колеса, снова упирался, пару раз даже упал в лужу. Его усилиями машина подплыла к краю лужи, но здесь было еще глубже. Володя уже выбился из сил. Тяжело дыша, он обтер лицо рукой и поднял глаза.

Метрах в десяти от него стояла Люся с двумя детьми. Младшего она держала на руках, старшего за руку. Она плакала. Володя вышел из лужи и аккуратно, чтобы не испачкать, поцеловал детей.

— Лапик! Что за слезы? Ты не веришь, что я ее вытащу?

— Папа! Ты испачкался... — Аркаша ткнул пальцем в прилипший к плечу Володи кусок грязи.

— Это ерунда. Высохнет, и грязь сама отвалится.

— Папа! Мы успеем в цирк?

— Володечка, поехали на электричке. Отдадим, сколько начикало, если он жлоб такой. — Люся обратилась к таксисту: — Вы можете выйти помочь?..

— Да ни за какие деньги!

— Папа! Давай дадим ему в мою! — предложил младший, Никита.

— Молчи уж! — невольно улыбнулась Люся.

Вдруг Володю осенило. Он даже хлопнул себя по лбу ладонью.

— Слушать меня! Все в машину!

Он схватил в охапку детей и усадил их на заднее сиденье. Потом вернулся, поднял Люсю на руки.

— Ты же пустую ее сдвинуть не можешь...

— Люсик! У тебя родители — ученые, — справляясь с дыханием, ответил Володя. — Ты со Стругацкими дружишь. Чем больше масса, тем больше трение. Берись за шею. Ты, да два кабанчика наших, да этот друг... — кивнул он на водителя. — Сейчас все будет.

Он усадил ее рядом с детьми.

— Давай!

Машина, словно воющая баба, надрывалась, визжала, проглатывая комья грязи и обдавая Володю с ног до головы ржавой жижей.

На заднем стекле, словно на старой фотографии, красовались два детских испуганных лица Аркадия и Никиты.

Увидев, что колесо вот-вот зацепится за замерзшую кочку, Володя быстро скинул с себя ленфильмовское пальтишко и сунул его под колесо. Оставшись в протертом свитере, он еще раз подлез под кузов. Для большего упора встал на колени, оказавшись по пояс в грязи.

— Ну! Давай! Еще! Дава-а-ай!!!

...И, словно делая толчок штанги, буквально приподнял машину. Двигатель издал пронзительный визг, из-под колеса полетело пережеванное пальтишко... «Волга», как обезумевшая лошадь, вырвалась из ямы и резко затормозила на островке сухой земли.

Дети скакали на заднем сиденье, размахивая руками. По губам можно угадать отдельные фразы:

— Папа сильный!

— Папа молодец! Ура!

Люся радостно кричала:

— Володя! Иди к нам! Возвращайся!

Володя стоял по колени в луже, радостно глядя на «Волгу», от которой шел пар, как от загнанной лошади.

«Ну вот и все!»

Машина долго и протяжно засигналила.

«Какой длинный сигнал! Это звонит будильник — его Таня поставила перед тем, как идти в душ».

Володя увидел здесь же, на пустыре возле станции Отдых, Таню, Пашу, склонившегося над ним Толика и Севу. Таня плакала. Ему стало безумно их жаль.

«Это было! Я просто вспомнил. Жалость. Мы говорили потом о жалости. Я сказал Люсе, что сдвинул машину потому, что стало жалко ее и детей. И Люся тоже заплакала — как сейчас Таня».

Жалость стала невыносимой, до боли в груди и шее. Страшно светило солнце, и гремел в ушах будильник. Володя невероятным усилием поднял веки. Он сидел на полу весь мокрый, в разорванной рубашке.

Он улыбнулся Тане и спросил:

— Я что, плохо себя вел?

Нефедов, сидевший спиной к Володе, повернулся и отсутствующим взглядом посмотрел на него. Затем разочарованно отвернулся и повернулся вновь. Он едва коснулся Володиного плеча и прошептал:

— Володя, лежи, не разговаривай, тебе надо по-лежать спокойно.

Татьяна сквозь слезы улыбнулась:

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально...

* * *

Не выключая двигатель, Михалыч выскочил из машины, вбежал в холл гостиницы. Навстречу ему уже спешил Кибиров.

— Ты и вы все — за мной! — Михалыч влетел на второй этаж. За спиной дежурной по этажу он сорвал шторы с окна, скомкал их и сунул Кибирову: — Завернем тело.

Сотрудники едва поспевали за Михалычем. 207, 209, 211 — мелькали номера на дверях. Здесь Михалыч остановился, выдохнул и резко открыл дверь. Посредине комнаты на малиновом ковре сидел Высоцкий. Вокруг него стояли Леонидов, Нефедов, Кулагин и Ивлева. Почувствовав на себе взгляд, Высоцкий поднял глаза на Михалыча. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— У вас дверь открыта, — то ли сказал, то ли подумал Михалыч. Он вышел и сам закрыл дверь.

Семь человек, каждый на голову выше Михалыча, выжидательно смотрели на него. Михалыч через силу улыбнулся:

— Ну что... похоронная команда, отбой!

Ребята растерялись. Они ждали чего-то другого.

— Он живой! Разблокировать гостиницу! Телефоны включить! Бегом отсюда!

Оперативники затопали по коридору к лифту. Михалыч закурил и направился вслед за ними. Ему хотелось вернуться в люкс к Высоцкому, он даже оставился, но передумал. И так достаточно глупостей успел сегодня сделать.

* * *

— Ну и напугал ты нас! — нарушил молчание Сева.

— Простите, ребята... жара...

Володя попытался встать.

— Нет, сиди, тебе нельзя сейчас...

— Да все нормально! Толя. Я... я в порядке.

Отстранив обескураженных друзей, Володя спокойно поднялся и отправился в ванную.

— Что со светом? — донеслось из ванной.

Леонидов угрюмо пробурчал:

— Ладно. Пойду тоже обольюсь... Вы тут присмотрите за ним...

* * *

В полной темноте Володя достал сигарету, щелкнул зажигалкой. Закурил. Посмотрел на себя в зеркало.

Живой.

* * *

Павел вошел в свой номер. Открыл дверь в ванную, включил свет, опустил голову в раковину и запустил холодную воду. Вдруг очень громко заработал

телевизор. Паша вздрогнул, ударился о кран и с мокрой головой выскочил в комнату. В кресле, спиной к окну, сидел крепкий лысоватый мужчина в старомодном костюме и галстукe. По телевизору показывали концерт узбекского фольклорного коллектива. На столе лежала коробка «ZEBO-ZEBO» с Володиным «лекарством».

— Вытирайтесь. Я подожду, — не отрываясь от телевизора, спокойно распорядился незнакомец.

— А вы, простите, кто? Н-ну хорошо...

Паша вернулся в ванную, нервно вытер голову полотенцем, посмотрел на себя в зеркало, слегка пригладил взъерошенные волосы и вернулся в комнату..

— Я что-то не пойму... Вы как сюда?.. То есть вам чего?.. — забормотал он.

Михалыч пропустил вопросы мимо ушей. Не спеша заговорил:

— Думаю, ваш товарищ работать сейчас не может, а без него и вы все здесь не нужны. Поэтому собирайтесь. Через час поезжайте на Карла Маркса, четырнадцать. Это кассы. Там будет бронь на фамилию Леонидов. Завтра есть рейс Бухара–Москва в девять утра. За билетами съездите сейчас. Ну вот.. А коробочку я, с вашего позволения... В самолет с ней никак.

И Михалыч направился в коридор, прихватив коробку.

* * *

Татьяна, Нефедов и Кулагин сидели рядом с мокрым ковром и смотрели друг на друга. Володя по-прежнему находился в ванной, откуда был слышен шум воды.

— Что делать? Надо же что-то делать... — нерешительно заговорил Кулагин. Он осторожно подошел к двери в ванную и постучал.

— Володя, ты как там?

Дверь открылась. Вышел Володя — мокрый, в полотенце.

— Я здесь, Сева. Ну и бардак у нас! Чего сидим, надо собираться. О, ковер-то пригодился! Давай мы его скатаем. А это все в узел попробуем. Влезет в машину?

— Смотря в какую, — озадаченно произнес Нефедов, оглядывая разбросанные на полу вещи.

— Можно все, кроме Леньки и Толика, в одну. А во вторую — их и вещи. Хорошо поместимся.

Володе никто не помогал. Все просто смотрели, как он ворочает ковер.

— А куда поедем? — спросил Сева.

— В Фергану, по-моему.

— Ты сможешь работать?

— А почему нет?

Побагровев, Сева неожиданно заорал:

— Да потому, что ты сейчас лежал мертвый! У тебя сердце остановилось! Так не бывает! Ты был мертвый! Слышишь меня?! Не смей курить! Ляг, поспи, мы хоть в себя придем.

Он обхватил Володю сзади и потащил его к кровати.

— Да не кричи, я лягу, — отозвался Высоцкий. — Ты бы тоже успокоился. Умылся, что ли.

В номер без стука вошел Леонидов. Стараясь ни на кого не смотреть, пробубнил:

— Давайте паспорта, я за билетами. Завтра утром рейс.

— Куда? — не понял Володя.

— В Москву, вот куда. Отмена — и Фергана, и Ташкент, и Навои. Давайте паспорта, еще гостиницу придется продлевать.

— Кто отменил? — зло спросил Володя.

— Я отменил! — рявкнул Леонидов. — Я хоть что-то здесь решаю? Тут решают все кому не лень. Короче... Нельзя продолжать. После всего этого. Паспорта давайте.

— Слава богу! Хоть один нашелся, — громко сказала Таня.

— Можно было бы и меня спросить, — недружелюбно процедил Володя.

— Паспорт давай, — потребовал Леонидов.

— Я не поеду.

— Поедешь.

— Вы охренели? — Володя оглядел присутствующих. — Я говорю: я могу работать!

— Ты можешь — я не могу, — набычился Паша.

— Езжай. — Володя махнул рукой. — Мы с Фридманом доработаем. Все, кончили. Собираемся. Свое место надо понимать в жизни. Ты никто здесь. Ты вообще никто.

— Давай паспорт, я тебе сказал, — упрямо повторил Леонидов.

Володя посмотрел на Пашу в упор:

— Павел, пошел вон. Это наш последний разговор.

— Володя, поедем в Москву. Тебе же было плохо, — попробовала обнять Володю Татьяна. — Ты же...

Он резко отстранился:

— Ну-ка все встали и вышли отсюда!

— Пусть это наш последний разговор. — Павел старался говорить спокойно. — Но утром мы все улетаем. Здесь оставаться нельзя.

— Мне вышвырнуть тебя?

— Володя, мы теряем большие деньги. Я теряю... В Москве я тебе все объясню. — Павел почти умолял.

— Что ты можешь объяснить? Я сказал — я доработаю, не тебе меня останавливать. Я за все отвечаю!

— Это без меня. — Татьяна медленно направилась к двери и вышла в коридор.

Леонидов подскочил к Володе, вытолкнул его на балкон и быстро зашептал:

— Иди сюда. Слушай... и не ори. У меня из номера исчезло «лекарство». Все, что было. Нас пасут. А теперь просто подумай. Даже не о себе. Это как у всех: лежало у меня, доставал Толик, везла сюда Таня, колешься ты.

— Что везла сюда Таня? — не понял Высоцкий.

— А ты думаешь, я тебе в аптеке наркоту купил? Нас прослушивают, они всё знают. Володя! Они сядут напротив тебя, ампулой помашут, и ты сломаешься. Ты всех утопишь, и нас, и себя. Это хуже смерти. Я не дам тебе этого сделать. Я завез вас сюда, я вас отсюда и увезу. А дальше — делай что хочешь.

Володя подавленно молчал. Затем повернулся и вышел в гостиную. Ни на кого не глядя, достал из кармана рубашки паспорт, молча отдал Леонидову. Кулагин и Нефедов встали и тоже вынули паспорта.

Паша быстро вышел. Постояв в размышлении несколько секунд, за ним потянулись и Нефедов

с Кулагиным. Некоторое время они шагали молча вслед за Пашей по коридору, потом Нефедов остановился, будто что-то забыл, и повернулся к Севе.

— Я бы, знаешь... Севка... сейчас... — Он не договорил.

— Я бы тоже. Этажом выше буфет.

Кулагин вытащил из кармана червонец.

— И закусить чего-нибудь.

— Я парочку возьму. На всякий случай.

* * *

Оставшись один в номере, Володя стал прибираться. Отодвинул сумку с сувенирами к стене, скатал мокрый ковер и поставил рулон вертикально у двери в прихожую. И тут заметил туфли Татьяны. Как же она пошла босиком? С туфлями в руках он вышел в коридор. Спустившись на первый этаж, оглядел пустой холл. Спросить было не у кого. Володя вышел на улицу.

Через минуту в холл гостиницы спустился Леонидов и наткнулся на Фридмана, осторожно озирающегося по сторонам.

— Пашечка! — бросился он навстречу Леонидову. — Тут какое-то мероприятие было. Ты не в курсе?

— Мы уезжаем, — отрезал Паша, направляясь к стойке администратора, чтобы сдать ключи.

— Конечно, конечно. Давай только жару переждем.

— Нет, Леня, я все отменил. Сейчас я за билетами. Утром мы в Москву.

Леня оторопел.

— Стоп, стоп, стоп. Как это — отменил? С кем ты разговаривал?

— Какая разница? Мы едем в Москву. Все. Билеты я сейчас на свои куплю, потом вернешь. — Паша повернулся, чтобы уйти.

— Не-ет! — Леня схватил Пашу за руку. — Если вы срываете мне двадцать концертов... Давай-ка присядем, поговорим, посчитаем... — Фридман потащил Пашу к креслам. — Я не пацан, со мной так никто не может...

— Пошел ты! — Паша вырвал у него руку и направился к выходу.

— Нет, Пашулик, так нельзя. — Фридман внезапно схватил его за грудки. — Это что же ты творишь? — Лицо Лени бесконтрольно затряслось. — Все минусы на меня? Так не будет!

Паша тоже схватил Фридмана за рубашку.

— Ты с кем разговариваешь? Концертов должно было быть четыре — а их вчера было пять! Что ты несешь? Ты в таком плюсе, что мне подумать страшно.

— Не считай чужие деньги! — Леня попытался пнуть ногой Пашу, но сандалия слетела с ноги и брякнулась у входной двери.

— Стой! Все! Погорячились. Давай не будем. Я уже разговаривал с филармонией твоей — они в курсе.

Леня схватился за него еще крепче.

— А мне почему никто не сказал?

— Так только что... Володе было плохо. Он чуть не умер — еле откачали. Где машины наши? Я в кассы. Да отпусти рубашку!..

Находясь в оцепенении и не отпуская рубашки, Леня ответил:

— Я с тобой. Машины у кинотеатра. По дороге потрепемся. И потом, билеты как ты возьмешь? На Москву? Ты шутишь?

— Я уже все решил. Не ты один работать умеешь.

Еще несколько секунд они держались друг за друга, как дзюдоисты в захвате, затем одновременно отпустили руки. Фридман на одной ноге допрыгал до сандалии. Вместе с Пашей они вышли на улицу.

* * *

Володя нашел Татьяну во внутреннем дворике гостиницы на детских качелях, босиком, у клумбы с розами. Он подошел, сел перед Татьяной на корточки, отряхнул ей ноги, как ребенку, и надел на них туфли.

— Пойдем домой?

Татьяна тихо заговорила, как будто сама с собой:

— Я летела сюда, а рядом ящики стояли. Оказалось, гробы... Мне страшно. У меня никто никогда не умирал. А если бы ты сейчас... — У нее непроизвольно потекли по лицу слезы. — Мы бы тебя тоже в ящике отсюда? Ты кричишь... А меня тошнит от страха.

Володя молчал. Качели слегка поскрипывали. Шмель, оторвавшись от цветка, сделал восьмерку между Володей и Таней и растворился в жарком воздухе.

— Все закончилось. Мне лучше гораздо. Я так себя лет двадцать не чувствовал. — Володя поглаживал Татьяну по руке.

— Смотри, какие огромные розы! Прямо так на улице растут. Нет, не надо. Не рви, пусть так. До меня только сейчас дошло, как далеко мы заехали. Вышла, хотела такси домой поймать... — Она всхлипнула. — Я даже уехать отсюда не могу!

— Завтра улетим, не плачь. Павел за билетами поехал.

— У меня паспорта нет.

— Решим.

— Еще тебе паспортом моим... Как гиря на тебе повисла. Цепляюсь все за тебя. Кто-то другой тебе нужен. Мне все говорят: ты не сможешь. Я действительно больше не могу... Что я здесь делаю?

Володя вдруг почувствовал прилив раздражения. Конечно, Татьяну жалко, но ведь он все сделал, как они хотели. Согласился отменить гастроли. Он и дальше будет все делать правильно, так, чтобы всем было хорошо. К чему слезы? К чему эта мелодрама? Почему они все так сами себя жалеют? Он резко поднялся и, пытаясь сдерживать себя, заговорил, но с каждым словом распалялся все больше:

— У тебя все навыворот. Мне плохо, меня скручивает — тебя все устраивает. Мне хорошо сейчас — тебя что-то тревожит. Я выскочил — мне хорошо! А ты: «Я не могу». Да не надо ничего тебе мочь. Все! Не надо теперь меня спасать. Я сам кого хочешь спасу сейчас. Идем, ляжешь, отдохнешь. Я попробую поработать.

Он всматривался в лицо Татьяны, пытаясь разобраться, понимает она или нет. Его поразила перемена, произошедшая с ней. Она перестала раска-

чиваться, слезы высохли. Она глядела зло и нагло, прямо ему в глаза.

— Да! Иди, попробуй! Поработай! Тебе хоть что-то надо написать, чтобы оправдать то, что ты с собой делаешь. Зарифмуй пару строк!

— Ты что? — опешил он.

— Иди. Это же все ради одного. Стихи! Ну как же! Поэзия — в опасности! Высоцкий полгода ничего не пишет.

Володя оторопел.

— Замолчи! Ты просто устала.

— Я устала?! Да на мне пахать можно! Да я еще могу. А дай мне морфина, а?! Может, и я напишу что-нибудь. Или нет — нарисую!

Володя вконец растерялся.

— Успокойся. Пожалуйста.

— Ненавижу поэзию и стихи твои ненавижу! — срывающимся голосом закричала она.

Володя молча повернулся и пошел прочь. Он шел как восьмидесятилетний старик, шаркая ногами, свесив голову на грудь и тяжело дыша.

— Володя, прости! Прости, я не буду больше... — Татьяна спрыгнула с качелей, догнала его и пошла рядом, заглядывая в лицо. — Хочешь кушать? Я в буфет сбегаю. Принесу молока. Хочешь, колбаски?

Володя остановился и очень тихо заговорил, глядя себе под ноги:

— Танюш... я не ищу себе оправданий... но мне надо писать... просто писать... чтобы получалось. Я так живу. В этом мой смысл. — Он поднял голову и внимательно посмотрел на Таню. — Я ужасно рад, что ты это понимаешь.

Таня старательно закивала. Что угодно, лишь бы успокоить его. И тоже очень тихо, как испуганному ребенку, зашептала:

— Ты же мне дашь почитать? Ну, потом, когда получится все. Пусть получится. Господи, пусть у тебя получится.

Володя стоял, бессильно опустив руки. Татьяна обняла его, стала гладить по голове.

* * *

Нефедов и Кулагин сидели на лавочке в сквере недалеко от гостиницы. Между ними стояла початая бутылка водки и разложенная на газете скромная закуска — надломленная буханка хлеба и плавленый сырок «Дружба». Еще одна пустая бутылка валялась под ногами. Солнце клонилось к закату, дневная жара отступила.

— Вот, — сказал Сева, продолжая прервавшийся минут десять назад разговор, — теперь тебе будет что рассказать...

— Не поверит никто.

Сева хмыкнул.

— Тебе и так никто не верит..

Сева разлил остатки водки по стаканам, посмотрел сквозь пустую бутылку на луну.

— Больше нет.

— Ты не понимаешь... то, что сегодня было... такого не бывает. Этого нельзя объяснить...

— А с Володей всегда ничего нельзя объяснить.

Сева взял нефедовскую кинокамеру и, прищурившись, смотрел в окуляр по сторонам. Помогая себе жестами, Нефедов затараторил:

— Я семнадцать лет в реанимации... сердце не билось минут восемь... за это время мозг умирает... три минуты — и все. Это... — Он схватился за голову, как будто пытался что-то вспомнить. — Это... как воскресение...

— Когда? Сегодня-то? Воскресенье, по-моему... Точно. С утра было воскресенье. Базар воскресный... ковер мы купили.

Нефедов размахивал руками, будто расталкивал кого-то.

— Никому нельзя говорить! Это чудо! Я был рукой... ты понимаешь, чьей я был рукой? — Нефедова душили слезы. Чтобы не расплакаться, он откусил кусок хлеба и начал усердно пережевывать, однако слезы хлынули сами собой, и он, не в силах сдержаться, разрыдался.

— Ты чего? — Сева изумленно посмотрел на Толика. — Плачешь, что ли? Ты же это... жлоб.

— Сам ты жлоб! Нашел жлоба...

Сева разглядывал Нефедова.

— Я хочу так играть на сцене... как ты плачешь. — Он попытался скопировать искаженное лицо Толика. — Вот это — настоящее... Вот это правда! Тебя только коснулось — и ты поплыл, а он с этим живет... Каждый день. По-настоящему... И пять раз в день выходит на сцену — по-настоящему... И что с этим делать?

— Ничего. Молчать. Все равно никто не поймет и не поверит.

Они еще долго сидели в темноте на лавочке и молчали.

Володя лежал в спальне на широкой кровати поверх одеяла, в верхней одежде, и смотрел в потолок. В соседней комнате Татьяна обложилась своими конспектами.

Раздался стук в дверь. Татьяна открыла и впустила поддатого Нефедова.

— Я пришел дежурить. Вдруг ты заснешь? Мы так с Севой решили. Он храпит, зараза, а у вас три комнаты. Я вот тут...

Татьяна не успела возразить, как Нефедов уже плюхнулся в кресло.

— Пусти его, Таня, так всем спокойней будет.

Она прошла через вторую комнату, где лежали вещи и стоял письменный стол с ее конспектами, выключила свет, зашла в спальню и легла рядом с Володей.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не поверишь. Как новорожденный.

— Как я испугалась... — Она придвинулась ближе и уткнулась Володе в плечо.

— Танюш, прости меня. Пожалуйста, прости меня. Я так часто это говорю. Но, ей-богу, искренне, прости! Я вас измучил... А вы все равно со мной. Затащил сюда, в эту жару... Я благодарен... Я... Я люблю вас всех. Я живу только терпением вашим. Верностью. Я молюсь за вас. Знаешь как?

Володя прикрыл глаза рукой, и скоро слезы начали вытекать между пальцев и капать на подушку.

— Господи! Пусть им будет хорошо. И с самого начала — всех. Кто жив, кого нет — всех. У Бога мертвых нет. Мама, отец, Марина, мама Женя, Пися,

Лида, Володя, Гарик, Лева, Артур, Андрей, Вася, Толик, Севка, Валера, Изольда, Павел, Петрович, Люся, Слава, Давид, Вадим, Павел, Оксана, Жора, Иван, Аркадий, Никита, Вениамин, Леонид, Татьяна... Если сбиваюсь или забываю, то опять с самого начала всех. Господи, пусть им будет хорошо. Всем, кто меня любил, кем я жив, даже тем, кто ушел, забыл, предал. Пусть им всем будет хорошо. Господи, дай мне сил высказать, как я их люблю. Зачем-то ведь я жив. Зачем-то они со мной. Я разберусь... Обязательно. Может, я не умер сегодня, чтобы понять, зачем я жив. Дай сил, я все им объясню. Чуть-чуть еще. Все станет на свои места.

Он вытер слезы, посмотрел на Татьяну. Она спала. Из соседней комнаты доносился сочный храп Нефедова.

Из ванной слышались приглушенные шаги — равномерно капала вода из сломанного крана.

Володя лежал с открытыми глазами, сосредоточенно удерживая взглядом узор на потолке. Где-то за окном скрипели цикады в такт каплям воды...

Михалыч тоже слушал цикад. Пленка в магнитофоне кончилась, и крутилась только одна бобина. Вдруг чьи-то руки сняли с него наушники.

— Витя, а мне позвонить? В известность поставить?

Михалыч оглянулся. За спиной стоял Серый.

— Ой, прости.

— Пойдем на воздух, подышим.

Михалыч потянулся, встал и пошел вслед за Серым, коротко бросив дежурившему вместе с ним оперативнику:

— Сейчас вернусь.

Через небольшую дверь, обитую железом, они вышли в хозяйственный двор гостиницы.

— Я полдня по спецсвязи... — начал Серый, закуривая. — На уши Москву поставил, с военными договаривался, чтобы вертолет до Ташкента... Почти решил! Звоню тебе — твои говорят: «Так и так, все живы-здоровы. Завтра улетают! Ни фиги себе, думаю!»

— Да, что-то я... — Михалыч смущенно почесал подбородок.

— Ну и ладненько. Обсудим.

— Что?

— Да пора нам в генералы. А, Витя?

Михалыч поморщился.

— В полковниках удержаться бы.

— Что за пессимизм? Всё в силе.

— Что?

Серый пиджак глубоко затянулся и со вкусом выпустил клуб дыма.

— Не что, а кто! Ивлева! Рыбка наша золотая!

— Слушай, не надо больше авантюр.

— Какие авантюры? Теперь все официально. Все в курсе, даже Израйлов твой. Сначала пошумел он, правда. Ты ж его тоже в известность не поставил! Но потом все воспринял, одобрил. Так что все как договорились. Они улетают, она — остается. Для тебя лучше, чтобы эта история с их отъездом не заканчивалась.

— Плохая идея. Если мы ее задержим, он не улетит. — Михалыч указал на светящееся окно второго этажа гостиницы.

— Вот! — подхватил Серый, как бы рассуждая сам с собой. — Значит, надо поговорить с ним. Все тактично объяснить. Что разбираться лучше в Москве. По-моему, ты немного демонизируешь Владимира Семеныча. Я-то как раз не исключаю, что он наплюет на Ивлеву. Хотя психологически все выстраивается. Она все взяла на себя. Его выгораживала. А значит, теперь его очередь.

— Может, тебе с ним поговорить?

Серый пиджак бросил окурок на землю, аккуратно прижал его носком ботинка и заговорил холодно и официально:

— Ни в коем случае. Во-первых, мы знакомы. А во-вторых, я для него враг, со мной он воевать будет. А ты — человек посторонний, выполняешь чужие распоряжения, с которыми не очень согласен внутренне. — Серый сделал паузу и уставился на Михалыча, ожидая реакции. Михалыч молчал. Тогда Серый криво усмехнулся и продолжил: — Он это почувствует и отнесется к тебе с доверием. Я, конечно, хочу знать содержание вашей беседы. Сможете мне такую возможность предоставить? — Не дожидаясь ответа, он развернулся и направился в гостиницу. Михалыч последовал за ним.

* * *

На площади у аэропорта из старой и новой «Волг» выгружались Высоцкий, Татьяна, Фридман, Леонидов и Кулагин с Нефедовым. Толя и Сева были уже в изрядном подпитии. Придерживая друг друга, они пытались поднять ковер и свои сумки, но Высоцкий им не дал:

— Вы — арьергард. Вон в тенечке побудьте.

Вся трезвая часть компании и оба водителя, разобрав вещи, двинулись в здание аэровокзала. Собственно, назвать аэровокзалом Бухарский аэропорт можно было лишь с большой натяжкой. Небольшое одноэтажное здание с покрашенными белой краской витринными окнами. У входа перед стеклянными дверями дымилась подоженная кем-то урна.

Нефедов и Кулагин с удовольствием оставили ковер и сумки и, забрав остатки «горючего», направились на угол площади, где под деревьями дымил-

ся мангал. На ходу они продолжили разговор, начатый еще в машине.

— Это очень глупо, что мы уезжаем. Я только вошел во вкус. Фридман мне суточные дал, — сказал Нефедов, пошатываясь.

— А мне, кстати, нет.

— И вообще... Зря вы испугались.

— Зато ты не испугался. Видел я, как Танюшка тебя по морде...

Нефедов остановился.

— Кто меня по морде?!

— Танька! — Сева обернулся к нему. — Ты чего, не помнишь? Ты же трезвый был тогда еще.

— Не помню... а то я смотрю, нос болит... Медицина, Севка, это не сю-сю-му-сю-сю, таблеточки-пипеточки... Врач должен быть мужиком. Подошел: «Так, сидеть! Где болит? Здесь? Не орать!»

— Толь, ты вообще кем работаешь?

— А что? Опыт у меня — мне диплом на хрен не нужен! — заключил Нефедов, подойдя к мангалу и принюхиваясь к шашлыку.

* * *

Когда подошла очередь, Володя, улыбаясь, обратился к пожилой женщине-регистраторше, явно рассчитывая на ответную улыбку.

— Здравствуйте. Я Высоцкий Владимир.

Женщина даже не взглянула на него.

— Документы. Билеты.

— Да-да, вот. Но есть у нас нарушитель паспортного режима. — Он кивнул Татьяне. — Иди сюда!

Вот он — матерый и страшный. Актриса наша. Потеряла паспорт. Ну, знаете, растерялась от жары. Давайте мы простим ее. Не бросать же ее здесь.

Регистраторша взглянула на Володю, затем, опустив глаза, что-то невнятное пробурчала себе под нос.

— Что вы говорите? Простите, как ваше имя-отчество? — спросил Володя.

— Без паспорта нельзя, — отрубил регистратор. На помощь пришел Фридман.

— Это группа из Москвы. Павел, ставь вещи на весы. Ну вы же видите — Высоцкий.

— Уберите вещи, — приказным тоном отрезала регистраторша.

— Ставь-ставь. Они вместе, — как ни в чем не бывало продолжал Фридман. — Это ж обычное дело, давайте закроем глаза. — Он подсунул червонец в стопку паспортов, лежавших на стойке. — Сто девять килограмм, ничего себе! Распишите на всех, они же вместе.

— Все равно перевес. На билет без паспорта я расписывать не буду.

— Ну что же, ей здесь оставаться? — не выдержал Володя. — Кто здесь старший?

Тем временем собралась приличная очередь. Фридман отвернулся от регистраторши и закричал на весь аэропорт:

— Не пихайте меня, я отправляю людей!

— А мы кто, не люди? — раздалось из очереди.

— Ну вот и стойте... Молча.

Регистраторша снова обратилась к Фридману:

— Вы задерживаете всех. Давайте я оформлю тех, у кого паспорта. А дальше идите разбирайтесь.

— Нет, голуба! Ты всех оформишь, — не унимался Фридман.

— Да отпихните вы оттуда этих уродов! — донеслось из конца очереди.

Ситуация обострялась. Толпа активно напирала на Леонидова у весов и на Фридмана с Высоцким у стойки.

— Я подтверждаю, что она — это она! — Володя сделал очередную попытку выправить разговор. — Давайте расписку, что ли, напишем. Ну — шаг навстречу.

— Это невозможно, — упрямо твердила регистраторша, не глядя ему в глаза.

— Позовите руководство, — не выдержал Леонидов.

— Я не обязана.

— Зовите, я сказал! — настаивал Паша.

— Вы мешаете работать.

Тут не выдержали нервы у одного из пассажиров.

— А ну вали отсюда! — заорал он и попытался скинуть вещи москвичей с весов, чтобы поставить свои. Леонидов сбросил его чемодан и водворил на место сумки. Поднялась толкотня. Татьяну вообще вытеснили из очереди.

— Забирайте. Следующий! — Регистраторша швырнула Фридману билеты и паспорта.

— Минуточку, дорогуша! — вскричал Фридман. — Со мной так нельзя!!!

Тут женщина развернулась к скучающему у весов грузчику.

— Милицию зови! — приказала она.

— Давно пора! — одобрительно загудела очередь.

Очень быстро, как будто ожидали в засаде, возникли капитан и сержант милиции и встали за стойкой со стороны регистраторши.

— Что тут у вас? Ну-ка тихо — не орать.

Все замерло.

— Все в порядке, командир. Нужно улететь, паспорт потеряли. Давай решим это... — миролюбиво заговорил Володя.

— У кого нет паспорта? — с важным видом осведомился капитан.

Фридман потянул Татьяну за руку.

— Да вот. Танечка, сюда иди. Вот она, наша красавица.

Капитан козырнул Тане.

— Пройдемте в сторонку.

— Павел, стой и не пускай никого, — шепнул Фридман Леонидову, а сам двинулся за милиционерами. — Ребятки, это Высоцкий.

— Где ваш паспорт? — капитан навис над Таней.

— Потеряла.

— У вас должна быть справка, ее дают при утере.

— Да у нее забрали паспорт, — вмешался Володя. — Ну, девчонка. Не разобралась. Скажи, чтоб пропустили, или выпиши ей справку.

— Пройдите со мной, — неумолимо продолжил капитан. Он подчеркнуто обращался только к Татьяне.

— Стой. Где у вас тут хоть какой-нибудь начальник? — твердо спросил Володя.

Капитан первый раз посмотрел на Высоцкого.

— Я начальник.

— Нет, мне такой нужен, кто и тебе прикажет.

— Не знаю такого.

Неожиданно регистраторша, которая тоже вышла из-за стойки, потянула Высоцкого за рукав:

— Владимир Семеныч, только не оборачивайтесь. Вон тот в углу... он сказал: «Без паспорта никого не сажать».

Володя не послушался и обернулся.

* * *

Всю эту сцену Михалыч наблюдал, стоя у дверей в депутатский зал. В глубине души он надеялся, что Высоцкий согласится оставить Ивлеву в Бухаре. И тогда он, Михалыч, избежит необходимости разговаривать с ним. Это было бы лучшим выходом. Но Высоцкий упорствовал. Теперь разговора было не избежать.

* * *

Володя повернулся к регистраторше.

— Как зовут его?

— Не запомнила, но он не местный — из Ташкента. Я бы пропустила, но...

Володя еще раз посмотрел в сторону мужчины, на которого указала регистраторша. Вслед за ним повернулись и Фридман, и Леонидов, и Таня.

— Спасибо. Капитан, жди здесь. Я сейчас решу все. — Володя улыбнулся Татьяне и зашагал к Михалычу, внимательно наблюдавшему за происходящим.

— Володя! — окликнула его Татьяна. — Это он у меня паспорт забрал!

Володя остановился — Фридман перегородил ему дорогу, широко расставив руки.

— Не ходи. Татьяну я отправлю потом. Будь взрослее. Они же провоцируют тебя. Не надо. Наоборот, покажи, что тебе все равно. Что они ей сделают за паспорт? Чем меньше ты реагируешь, тем лучше. Этот человек — он очень на многое способен. Это очень непорядочный человек. Он умеет давить на самое больное.

— Ты что-то знаешь, Леня?

— Да, знаю. Я знаю, что им нужен ты. Не я, не Татьяна — а ты. И поэтому не ходи. Всем будет лучше, если ты просто уедешь. Хочешь, я пойду к нему?

— Не хочу. Я сейчас. Как его зовут?

— Виктор Михалыч.

Володя отстранил Фридмана, но тот схватил его за руку.

— Он будет говорить тебе про меня. Это правда, прости.

Володя взял Леню за плечи. Леня поднял голову и посмотрел Володе в глаза.

— Леня! Что бы он ни сказал — ты мой товарищ. Был и будешь. Не трясись.

Высоцкий направился к Михалычу.

— Я с тобой. — Фридман устремился за ним.

Володя, подойдя, слегка замялся — подавать или не подавать руку?

— Виктор Михалыч? Здравствуйте. По-моему, я вас где-то видел.

— Я вас тоже. Здравствуйте. Давайте зайдем, а то мы как на сцене.

Действительно, вся очередь на регистрацию смотрела на них. Михалыч открыл дверь и пропустил Высоцкого вперед, затем повернулся к Фридману.

— А ты куда? До тебя еще дойдет очередь. Стой здесь. Не пускай никого.

— Я вам не швейцар!

— Ты не швейцар. Ты — сексот. Делай, что тебе говорят, — отрезал он.

Фридман опустил голову.

— Хорошо, я постою.

Но как только дверь за Михалычем закрылась, Фридман рысью помчался к выходу на площадь.

Володя ожидал Виктора Михайловича в зале с роскошными креслами, полированным столом с двенадцатью стульями, с цветным телевизором, небольшой барной стойкой. За широкими окнами открывался вид на летное поле.

— Это что же, пыточная тут у вас?

— Нет, это депутатский зал. Располагайтесь. Времени мало, давайте сразу к делу.

Михалыч удобно устроился в мягком кресле.

— Отдайте, — сказал Володя.

— Что? — Михалыч удивленно вскинул брови.

— Да то, что взяли.

— Вот это? — Михалыч вытащил из кармана паспорт, положил его на стол. — Или вот это? — Он достал ампулу и аккуратно поставил ее рядом.

Володя помрачнел и присел на край кресла.

— Паспорт.

Михалыч раскрыл паспорт Татьяны.

— Ивлева Татьяна Петровна подозревается в совершении действий, предусмотренных статьями 221 и 223 УК Узбекской ССР — незаконное приобретение, хранение и транспортировка наркотических средств, дала объяснение и подписку о невыезде.

Он извлек из портфеля бумаги с подписями Татьяны.

— Это — лекарство... Оно принадлежит мне.

— И это?

Михалыч достал коробку «ZEVO-ZEVO», открыл ее и вытащил упаковки с ампулами.

— Тридцать семь ампул, а было сорок. Начали, стало быть, лечение?

— Вы как разговариваете?!

— А как бы вы хотели?

— Да-да, мне же говорили — посадят, покажут ампулу, и все подпишешь. Что-то подписать?

— Нет.

— А зачем тогда?

— Нарушен закон. Совершено преступление.

Михалычу нравилось, как держится Высоцкий. Никакого высокомерия, истерики... Он ничего не изображал и даже не пытался скрывать, насколько тяжелый удар получил, но все-таки его следовало дожать... для его же пользы. «Какой-никакой, но все-таки выход. И для Высоцкого, и для Ивлевой».

— Это мое. Пиши! Это все мое, — прервал паузу Высоцкий.

— Понимаю. Хотите взять на себя. Благородно. Надеетесь, что вас не тронут? Может быть. Только ей вряд ли поможете. Пойдет по тем же статьям как соучастница. А деяния станут групповыми. Срок больше.

— Испугал! — Высоцкий вдруг перешел на «ты». — Дальше-то что? Не просто же так ты со мной разговариваешь. Что делать предлагаешь?

Михалыч выдержал паузу и, стараясь быть предельно корректным, мягко и тихо стал объяснять:

— Езжайте в Москву. С вами сразу же свяжутся. — Он намеренно делал паузы, чтобы его слова отчетливей доходили до собеседника. — Наверное, будут выдвинуты какие-то предложения. Если вы их примете, я думаю, дня через три Татьяна Петровна будет в Москве. — Он откинулся на спинку кресла, давая возможность обдумать сказанное. — Пока арестовывать ее не станем. Фридман устроит ее в ту же гостиницу. Даже допрашивать не буду. Обещаю, слово офицера. До ваших московских решений.

— Да каких решений?

— Этого я не знаю.

— Прошу тебя...

— Все в ваших руках, — оборвал Михалыч. — Договаривайтесь в Москве.

Володя немного посидел в раздумье, потом молча встал и направился к двери. Но вдруг обернулся и заговорил очень спокойно и рассудительно:

— Вы ее задерживаете, чтобы меня на поводке держать? Кто-то уже руки потирает... Огорчу. Как это сказать? Не пойду на сотрудничество. Ни в Москве, ни здесь. Потому что тогда вы Татьяну точно не отпустите. Она будет сидеть, а я на поводке бегать. Так я ее угроблю. Этот способ для тех, кто за шкуру свою боится. Вроде оправдания — «Ты же не ради себя, ради нее». А мне, Виктор Михалыч, жить на две затяжки осталось... — Он подошел к Михалычу и уселся напротив него в кресло. — Так убедительно

вы мне все рассказали, слово офицера дали... А позвонят сейчас: «Михалыч, к ноге!» В ошейнике всю жизнь. Кажется, такая полезная вещь. Как без него? Не пойдем мы друг друга. Дайте бумагу.

Михалыч занервничал. «Если Высоцкий сейчас подпишет признание, то отпустить его в Москву будет невозможно. Зачем я приказал поставить микрофоны?..» Он представил себе, как замер в соседней комнате Серый. «Были бы мы одни — можно было бы все объяснить... Посоветовать этому усталому больному парню, как выкрутиться самому, как помочь Ивлевой. Какие слова написать на этой бумажке...»

Усилием воли Михалыч взял себя в руки.

— Что собираетесь писать? Владимир Семенович!

— Правду.

— Не поверит никто. Самооговор. Мотив понятен — хотите помочь близкому человеку. У меня — признание Ивлевой, подкрепленное вещдоками, тонны оперативной информации, а у вас — слова...

Володя засучил рукав рубахи, обнажив исколотые вены. Михалыч оторопел.

— Вы хоть понимаете, что делаете? Ладно, тюрьма — пережить можно. Но это?!

Он вытряхнул содержимое коробки на стол, ампулы разлетелись и попадали на пол.

— Это же такая мерзость! Все отвернутся, даже близкие.

— Отвернутся — значит, не любили, — помолчав, ответил Володя. — А вдруг не отвернутся?

Высоцкий грустно улыбнулся. Михалыча вдруг поразила очень простая мысль. Сидящий напротив него человек не врет, он действительно готов прямо

сейчас перечеркнуть всю свою жизнь и остаться здесь, в ташкентской жаре, в любой, самой вонючей камере... Михалыч покраснел. Ему стало мучительно стыдно. Играя даже не в свою, а в чужую игру, он, Михалыч, поставил Высоцкого перед страшным выбором — и тот выбрал. Не рисуясь, не боясь последствий. И что теперь делать? Вызывать конвой? Везти Высоцкого в изолятор? Продолжать бессмысленную, не имеющую никаких реальных целей игру? Ведь никто в Узбекистане не возьмет на себя ответственность за арест Высоцкого. Его отпустят через два часа.

Михалыч наконец собрался. «Пусть на два часа, но я останусь самим собой! Сделаю все по правилам, по инструкции. Доиграю. А дальше не мое дело!»

Высоцкий вопросительно смотрел на него и чего-то ждал. «Чего он ждет? Ах, ну да, ему же нечем писать». Михалыч достал из портфеля авторучку и завертел ее между пальцами.

— А Ивлева?.. Она ведь тоже сидеть будет.

— Даже ваш суд Татьяну отпустит. Нет выбора у меня, по счастью.

Володя был бледен, но совершенно спокоен.

— А у меня? — вырвалось у Михалыча.

— Думаю, есть, — рассудительно ответил Володя. — Отпусти ее прямо сейчас. Знаешь, как у Пушкина: «На волю птичку выпускаю». Люди птиц из клетки выпускали, чтобы самим свободнее немного стать.

«Как у него все просто. Отпусти! Мне что же, по Пушкину жить теперь? Вместо устава? „Я помню чудное мгновенье...“?» Но он прав, если сейчас отпустить Ивлеву — станет легче. Он во всем прав. Он все решил вместо меня».

Из раздумий Михалыча вывел треск раскрывшейся двери. В комнату не вошел, а ворвался Фридман. Он прижимал к груди мусорную урну, из которой валил черный дым. Он вломился с ней, как с горящим самоваром, водрузил прямо на полированный стол перед Михалычем и с криком «Вот так, начальник!» сунул туда пачку корешков-билетов.

— Ничего он тебе не сделает, Володя! Ничего теперь у него нет! — кричал Леня, приплясывая вокруг урны. — Ничего у тебя на него нет!

Из урны вырывались языки пламени. Обжигаясь, Фридман все подсовывал бумаги в огонь. Глаза у него горели демоническим огнем. Комната наполнилась дымом, когда вбежали капитан и сержант милиции.

— Вынесите это на улицу, — приказал Михалыч.

Сержант схватил со стола графин, оттолкнул в сторону Фридмана, вылил в урну воду. Вдвоем с капитаном они подхватили сосуд с развевающимся густым белым шлейфом дыма и исчезли за дверью.

— Прометей, твою мать. — Михалыч пытался откашляться. — Идите регистрируйтесь. — Он указал Фридману на лежащий на столе паспорт Татьяны и вышел через заднюю дверь. Володя с нежностью посмотрел на Фридмана:

— Леня, ты настоящий Фри-мэн. Свободный человек!

Он крепко обнял Фридмана, который едва сдерживал слезы.

— Володя, Володя... Ну, не время... Надо идти... Ну все, все...

В обнимку они двинулись в зал вылета. На столе остались лежать разбросанные ампулы вокруг чистого листа бумаги.

* * *

В самолете Татьяна заняла место возле окна. Володя сидел рядом. Было жарко и душно. Пассажиры обмахивались газетами, вертели направленные вентиляторы, затягивали и застегивали ремни безопасности, запихивали вещи под сиденья, дети орали, двигатели ревели. Володя застыл как сфинкс, глядя перед собой. Его задевали сумками, мешками, толстыми задницами, но он не реагировал. Пальцы его аккуратно расправляли пачку «Мальборо», разрывая склеенные места, разглаживая швы. Сделав из нее небольшой чистый лист, он спросил:

— Ручка есть?

Татьяна достала из сумки ручку, сплетенную из больничных трубочек.

Самолет выруливал на взлетную полосу.

— За удачный перелет, — слышалось сзади. Это Кулагин и Нефедов по очереди приложились.

Самолет, закончив маневрировать, замер на полосе. Двигатели взревели еще громче.

* * *

Михалыч стоял рядом со зданием аэропорта и смотрел на готовый к взлету самолет, когда к нему подошел Серый пиджак.

— Весело тут у вас.

— Провинция...

— Может быть, но главное сделано. Он за нее впишется. Не в Америку летят. Едем в управление?

— Зачем? — удивился Михалыч.

— Ну, бумаги-то по Ивлевой я возьму?

— Все у меня с собой.

— Оформить надо.

— Не надо...

Михалыч достал из папки бумаги, которые только что показывал Высоцкому.

— «В чужбине свято наблюдаю родной обычай старины...» — Михалыч демонстративно разорвал на мелкие куски документы, бросил кусочки вверх, и они полетели на летное поле.

— Можешь вместе с Фридманом в цирке выступать, — сквозь зубы процедил Серый.

— Ах, ну да, еще Фридман.

Михалыч достал из папки еще несколько листов, порвал и их.

* * *

Самолет начал разгоняться, его трясло. Татьяна положила на колени тетрадку и посмотрела на Володю. Он продолжал мелкими буквами что-то записывать на пачке «Мальборо».

— Как же ты пишешь? Я даже читать не могу! — спросила она, перекрикивая шум двигателя.

Самолет оторвался от полосы, трясти перестало.

Блаженно улыбаясь, Володя глядел куда-то сквозь Татьяну, на облака за иллюминатором.

— Пишется!..

Мой черный человек в костюме сером,
Он был министром, домуправом, офицером,
Как злобный клоун он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины.

И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой,
И я немел от боли и бессилья
И лишь шептал: «Спасибо, что живой».

Я суеверен был, искал приметы,
Что, мол, пройдет, терпи, все ерунда...
Я даже прорывался в кабинеты
И зарекался: «Больше — никогда!»

Вокруг меня кликуши голосили:
«В Париж мотает, словно мы в Тюмень,
Пора такого выгнать из России».
Давно пора, — видать, начальству лень.

Судачили про дачу и зарплату:
Мол, денег прорва, по ночам кую.
Я все отдам, берите без доплаты
Трехкомнатную камеру мою.

И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Мои друзья — известные поэты:
Не стоит рифмовать «кричу — торчу».

И лопнула во мне терпенья жила,
И я со смертью перешел на ты,
Она давно возле меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.

Я от суда скрываться не намерен,
Коль призовут — отвечу на вопрос.
Я до секунд всю жизнь свою измерил
И худо-бедно, но тащил свой воз.

Но знаю я, что лживо, а что свято, —
Я это понял все-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята, —
Мне выбора, по счастью, не дано.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. МИХАЛЫЧ	5
Глава вторая. ЛЕНЯ ФРИДМАН	20
Глава третья. ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВ	28
Глава четвертая. ВОЛОДЯ	36
Глава пятая. СЕРЫЙ ПИДЖАК	48
Глава шестая. ТАТЬЯНА	56
Глава седьмая. «ВСЕ ТАК, КАК ДОЛЖНО БЫТЬ»	63
Глава восьмая. НЕФЕДОВ	76
Глава девятая. СЕВА	84
Глава десятая. «ЛЕКАРСТВО»	97
Глава одиннадцатая. «ЕГО ВСЕ ЛЮБЯТ»	112
Глава двенадцатая. «ВКЛЮЧИТЕ СВЕТА В ЗАЛЕ...»	121
Глава тринадцатая. ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ	129
Глава четырнадцатая. ШЕСТИЧАСОВОЙ	147
Глава пятнадцатая. «Я ВЕСЬ В СВЕТЕ — ДОСТУПЕН ВСЕМ ГЛАЗАМ...»	159
Глава шестнадцатая. СЕРЫЙ	173
Глава семнадцатая. ИМЕНИННИК	180
Глава восемнадцатая. ХОРОШАЯ РАБОТА	189
Глава девятнадцатая. «ДОИГРАЛИСЬ»	204
Глава двадцатая. ЖАЛОСТЬ	215
Глава двадцать первая. ВЗЛЕТ	236